

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН**

**Межгосударственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Российско-Таджикский (славянский)
университет»**

на правах рукописи

ДАМИНОВА МАДИНА ЗОКИРОВНА

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАРНЫХ
СИНОНИМОВ РУССКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических
наук по специальности – 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Джамshedов Парвонахон Джамshedович

Душанбе – 2015

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3 – 12
ГЛАВА I. Семантические особенности парных синонимов в русском и таджикском языках	13 – 52
1.1. История изучения вопроса	13 – 24
1.2. Общая характеристика грамматических свойств парных синонимов в русском и таджикском языках	24 – 31
1.3. Близкие к парной синонимии явления в сопоставляемых языках.....	31 – 50
1.3.1. Особый способ выражения ПС	31– 32
1.3.2. Редупликация.....	33 – 36
1.3.3Дублеты.....	36 – 44
1.3.4.Соотношение дублетов с когнатами.....	44 – 47
1.3.5.Повторные слова	47 – 49
1.3.6.Звукоподражательные слова	49 – 50
ГЛАВА II. Функциональные и структурные особенности ПС и их композиционно – стилистические особенности	53 – 117
2.1. Функциональное назначение парных синонимов на морфологическом уровне РЯ и ТЯ	53 – 60
2.2. Функциональное назначение парных синонимов на синтаксическом уровне РЯ и ТЯ	60 – 70
2.3. Композиционно-стилистическая характеристика синонимических единиц в сопоставляемых языках.....	70 – 81
2.4. Парные синонимы в составе существительных РЯ и ТЯ	81 – 89
2.5. Парные синонимы в составе прилагательных РЯ и ТЯ	89 – 97
2.6. Парные синонимы в составе глаголов РЯ и ТЯ.....	97 – 107
2.7. Выражение ПС в других частях речи РЯ и ТЯ.....	107 – 115
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	118 – 125
БИБЛИОГРАФИЯ	126 – 139
ПРИЛОЖЕНИЕ	140 – 150

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время сопоставительно-типологический анализ разносистемных языков заметно активизировалось, так как данного рода исследования являются наиболее актуальными среди общих проблем языковедения.

Синонимия во всех языках представляет собой такое языковое явление, которое формируется и функционирует в постоянной динамике и украшает собой устную и письменную речь.

В сопоставляемых нами таджикском и русском языках, относящимся к близким по степени функциональности языковым системам, синонимия является достаточно богатым явлением в семантическом плане с многоплановой системой лексических категорий и форм. Синонимы представляют особый интерес с точки зрения формообразования. Широкий спектр лексических значений синонимов русского языка представляет значительные трудности при употреблении различных частей речи для носителей таджикского языка. Умения и навыки, основанные на знаниях синонимов, их правильного и уместного употребления часто подвергаются влиянию интерференции.

Эта особенность синонимии в языковой системе сопоставляемых языков вдохновляет лингвистов на поиск параллелей между сопоставляемыми лексическими единицами, что порой приводит к довольно неожиданным результатам в плане нахождения сходств и различий структуры и семантики слов и сочетаний.

Лексическое явление синонимии во многих языках является наиболее излюбленной и исследуемой темой для лингвистов. В частности в таджикском языке, несмотря на значительный интерес, проявляемый таджиковедами к классификации синонимов по их структурно-семантическим особенностям, до настоящего времени парные синонимы не были всесторонне рассмотрены с лингвистической точки зрения. В результате этого, вопрос классификации

парных синонимов, как особого разряда слов в таджикском языкознании, продолжает оставаться предметом споров и дискуссий.

Одной из актуальных проблем современной сопоставительной лингвистики, подлежащих комплексному научному исследованию, является изоморфная языковая природа синонимов русского (РЯ) и таджикского языков (ТЯ) с их многоуровневой семантикой и структурой, которые в каждом из сопоставляемых языков отличается специфической системой средств их формирования.

Изучение парных синонимов РЯ и ТЯ как особо важного объекта исследования подразумевает использование нестандартных видов лингвистического анализа, которые признаны на других уровнях языковых систем, так как синонимия – это самая интересная и многогранная лексическая категория.

Настоящее сопоставительное исследование осуществлено на базе русского языка. Такой выбор в основном продиктован тем, что на сегодняшний день степень его изученности пока что исследована недостаточно. Вместе с тем, наблюдается высокая степень активности его употребления. Поэтому проведение анализа различных форм парных синонимов русского языка имеет определенное научное значение, так как признаки ПС в РЯ носят более четко очерченный характер. Этот постулат прослеживается в трудах знаменитых российских лингвистов, которые провели обстоятельный анализ взаимодействия морфолого-синтаксических, а также лексико-грамматических категорий.

Актуальность темы данного диссертационного исследования состоит в исследовании парных синонимов таджикского и русского языков, а также в создании единой концепции данного языкового явления, по которому можно выявить сходства и различия сопоставляемых языков. Указанная концепция опирается на общую теорию частей речи и строится на понимании морфологических, семантических и синтаксических признаков этого

лингвистического феномена.

Вызывает особый интерес сопоставительное исследование русского и таджикского языков в плане раскрытия процессов и закономерностей, систематизации специфических явлений и процессов синонимии в рассматриваемых языках.

Избранная тема актуальна также и тем, что семантика парных синонимов во многих языках, в частности и в таджикском языке, нуждается в таких исследованиях, так как именно они дают возможность с точностью определить роль и значение тех или иных лексико-семантических групп (ЛСГ) в формировании и развитии различных языковых стилей.

Цель диссертационного исследования заключается в исследовании структурно-семантических и функциональных особенностей парных синонимов с учетом их коммуникативного и когнитивного потенциала. Типологическое описание парных синонимов, установление их основополагающих характеристик способствует обнаружению их формирования как некоторых разрядов с различной семантикой, морфологией и стилистическими свойствами.

Цель исследования определила решение ряда **задач**:

- исследовать взаимодействие грамматических и лексических способов структуризации парных синонимов РЯ и ТЯ;
- рассмотреть способы образования и функционирования парных синонимов РЯ и ТЯ;
- определить основные объекты парной синонимии РЯ и ТЯ;
- установить способность парных синонимов РЯ и ТЯ к видоизменению и установить пути и методы таких видоизменений;
- распределить парные синонимы РЯ и ТЯ по структурным и семантическим характеристикам;
- определить сходства и различия парных синонимов РЯ и ТЯ по их структуре, семантике и функциональным возможностям;

- установить композиционно-стилистические свойства парных синонимов РЯ и ТЯ.

Объектом диссертационного исследования является сопоставительное исследование парных синонимов, как отдельной категории. В этой диссертационной работе анализом охвачены парные синонимы, которые представляют собой достаточно широкое и сложное по своей структуре семантическое поле действительности и жизненной деятельности человека.

Выбор парных синонимов в качестве объекта анализа представляет актуальность еще и в связи с тем, что по сравнению с другими языковыми явлениями русского и таджикского языков они являются языковым явлением, которое представлено во всех частях речи.

Достоверность результатов исследования обеспечивают научная база, методика и методология исследования, соответствие полученных результатов теоретической концепции исследования, а также решение поставленных задач.

Методологическую базу диссертационного исследования обеспечили основные положения теории о частях речи. При осуществлении анализа нами были приняты во внимание и тщательно изучены труды в области теории языкознания, работы российских и таджикских ученых-лингвистов, таких как И.И.Мещанинов, Е.Д.Поливанов, Л.В.Щерба, А.А.Потебня, Д.С.Лихачев, В.В.Колесов, А.П.Евгеньева, М.Мухаммадиев, Б.Камолиддинов, С.Х.Хошимов, Б.Сиёев, А.Давронов, К.Мухторов и работы других авторов.

Степень изученности проблемы. В последние три десятилетия повысился интерес языковедов и методистов к сопоставительной лингвистике, о чем свидетельствует большое количество исследований, касающихся сопоставительного изучения языков. В число таких работ, посвященных теоретическим проблемам, входят труды Ю.Д.Апресяна, 1974; Т.В.Булыгина, 1980; В.В.Виноградова, 1978; В.Г.Гак, 1977; П.Д. Джамшедова, 1989; Б.Камолиддинова, 2012 и др.

К причинам такого повышенного интереса к сопоставительному анализу

относятся взаимодействие и взаимовлияние между языками; разработка методик по улучшению преподавания и изучения иностранных языков; включение в учебный план ряда вузов дисциплины «Сравнительная типология родного и изучаемого языков»; совершенствование методики преподавания неродного языка с учетом характерных особенностей родного и ряд других факторов.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней в сопоставительном аспекте осуществлен комплексный морфологический, синтаксический, стилистический и лексико-грамматический анализ парных синонимов рассматриваемых языков.

Исследование парных синонимов в плане их внутриязыкового и межъязыкового функционирования способствует раскрытию путей формирования и пополнения синонимии в каждом из сравниваемых языков. Принципиально новый подход к изучению парных синонимов в сопоставительном ключе придает исследованию научную новизну, суть которой состоит в следующем: парные синонимы описываются с позиции их структуры и семантики, рассматривается их диахронное и синхронное употребление в художественной литературе. Основным контекстом употребления парных синонимов является предложение, поэтому в диссертации впервые предпринята попытка дать полный лексико-грамматический сопоставительный анализ парных синонимов в русском и таджикском языках с их композиционно-стилистических позиций в предложении. Парные синонимы анализируются в нескольких аспектах их функционирования: с семантической, структурной и дистрибутивной точки зрения. Эти подходы устанавливают и объясняют явления синонимической транспозиции, то есть способствуют выяснению проблемы стабильности места синонима в составе словосочетания и предложения.

Теоретическая значимость исследования исходит из ее новизны. Эта значимость характеризуется тем, что решение поставленных задач будет

способствовать более глубокому осмыслению типологии парных синонимов РЯ и ТЯ и внесению определенного вклада в общую теорию этого языкового явления. Представленное теоретическое описание может быть использовано при анализе других языковых явлений русского и таджикского языков, таких как антонимия, омонимия, полисемия и т.д. Важность исследования также заключается в дальнейшем углублении нашего представления о системном характере языка в целом и о системности лексического уровня, в особенности об органической связи лексических и грамматических явлений. Кроме того, значение теоретической базы нашего диссертационного исследования состоит в дальнейшей разработке общей теории и методов сопоставительного изучения лексикологии таджикского и русского языков.

Практическая ценность данного исследования состоит в том, что оно дает возможность для употребления материалов, теоретических положений и результатов исследования при проведении дальнейших научных работ в области общего и сопоставительно-типологического языкознания. Материалы нашего исследования могут быть полезны при составлении толковых, двуязычных словарей и тезаурусов. Результаты и материалы исследования могут быть использованы на лекционных и практических занятиях, спецсеминарах по русскому и таджикскому языкам, в преподавании курсов по специальностям «Сопоставительная лексикология», «Грамматика русского языка» и «Грамматика таджикского языка». Диссертационное исследование представляет определенный интерес также и для переводчиков.

В качестве **материала для исследования** были использованы лексические единицы (парные синонимы), отобранные, в первую очередь, из художественной литературы, толковых и двуязычных словарей синонимов.

Методы исследования. Поставленная в исследовании цель и решение задач создали предпосылки для употребления нами целого комплекса **методов** и приемов анализа, которые широко применяются в современном

языкознании. Прежде всего, для отображения полной картины ПС в сопоставляемых языках мы применили описательный лингвистический метод исследования. Этот метод в наибольшей степени способствует глубокому анализу синонимичных единиц русского и таджикского языков и выяснению смысловых оттенков парных синонимов (ПС) в контексте. В исследовании также использовался сравнительно-типологический метод, который помог определить сходства и различия парных синонимов в сопоставляемых языках. Подбор языкового материала проводился методом наблюдения и сплошной выборки наиболее ярких и характерных образцов. Так, для отображения стабильности процесса формирования и расширения ПС ТЯ нами была сделана подборка из поэзии Абуабдулло Рудаки, Джалолиддина Руми и прозы Айни. В исследовании были использованы методы трансформационного анализа с целью определения частеречных моделей синонимических единиц. Кроме того, нами частично применялся метод компонентного анализа, в силу того, что он способствует выяснению вопроса о позиционной активности синонимов, и в частности парных синонимов и дублетов

На защиту выносятся следующие **положения**, отражающие научную новизну и отличительные особенности диссертации:

1. В сопоставляемых языках синонимы выделяются как особенная часть лексики, обозначающая номинацию, качества, действия и состояния предметов. Однако структурно-семантические характеристики класса парных синонимов еще недостаточно определены, лексические показатели этих единиц установлены недостаточно четко, функциональная сторона, как и в других категориях слов, представлена сложностью и различием уровней. Это в целом обуславливает различные направления и подходы к установлению лексико-грамматических признаков парных синонимов в нашем лингвистическом исследовании.

2. В сопоставляемых языках с морфологической точки зрения парные синонимы можно разделить на простые и производные. Простые синонимы

состоят только из корневой части и не подвергаются морфологическому членению. Производные синонимы различаются по способам образования, в них активно используются различные типы словообразования, такие как аффиксация и моделирование конструкций. В образовании синонимов обоих языков широко употребляется безаффиксальное и аффиксальное словообразование, которое характеризуется употреблением различных вспомогательных средств. Образование парных синонимов с помощью префиксации более продуктивно используется в таджикском языке. Применение дефисного способа словообразования как активного способа аффиксации в русском языке свидетельствует о более узкой спецификации типа словообразования в данном языке. В результате исследования нами выявлено, что сопоставляемые языки различаются по ориентации на использование способов образования прилагательных в обоих языках.

3. Входящие в категорию парных синонимов слова образуются от различных частей речи, поэтому они сохраняют следы от тех разрядов слов, от которых произошли. По своей структуре русские и таджикские синонимы находятся в отношениях частичной аналогии и эквивалентности, хотя построение словосочетания в сопоставляемых языках в корне отличается.

4. В структурном плане формы выражения парных синонимов РЯ и ТЯ в обоих языках достаточно близки и схожи, они преимущественно субстантивируются, и наоборот, переходят из системы существительных в прилагательные и глаголы, т.е. адъективируются и вербализуются.

5. Парные синонимы, выраженные различными частями речи, взаимосвязаны с соотносительными словами, что реализуется через систему семантических признаков. В этом отношении парные синонимы коррелируются с существительными, прилагательными, наречиями, объединяются со вспомогательными глаголами, инфинитивной формой глагола и другими разрядами слов.

6. Для функционально-стилистического аспекта парных синонимов

РЯ и ТЯ характерны их особенности по описанию предметов и явлений, внутреннего состояния человека, которые отражаются в сознании и речи человека. Вместе с тем, в семантическом отношении данная группа синонимов распадается на более мелкие подгруппы, такие как лексические синонимы, дублеты, когнаты и др.

Апробация работы проводилась по мере проведения исследования. Основные положения диссертации отражены в 4 публикациях и представлены в виде докладов и сообщений на научных и научно-практических конференциях, посвященных Дню молодежи, повышению качества занятий по иностранному языку (2014, 2015), в материалах круглого стола, а также в материалах республиканских и международных конференций, посвященных актуальным проблемам филологии.

Диссертационное исследование обсуждено и рекомендовано к защите на заседании кафедры общего языкознания и сопоставительной типологии языков факультета русской филологии ТГИЯ (протокол № 9 от 27 апреля 2015г.) и кафедры теоретического и прикладного языкознания (протокол № ? от ? мая 2015г.).

Результаты исследования нашли отражение в 5 публикациях, общим объемом 26 стр., 1.6 печатных листов.

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и приложения.

Во введении сформулированы цели и задачи исследования, обоснована актуальность и научная новизна выбранной темы, определяется теоретическое и практическое значение, методы и методология, апробация работы.

Первая глава исследования охватывает анализ семантической характеристики парных синонимов в русском и таджикском языках, которые распределены по разделам. Здесь рассматриваются отличительные свойства парных синонимов сопоставляемых языков от таких нередких языковых явлений, как редупликация, дублетность и звукоподражание.

Вторая глава исследования рассматривает функциональные и структурные особенности парных синонимов, а именно композиционно-стилистические характеристики, функциональное назначение. В главе дана подробная характеристика парных синонимов по их частеречным признакам.

В заключении исследования сделаны выводы по исследуемой теме.

ГЛАВА I. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРНЫХ СИНОНИМОВ В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. История изучения вопроса

Сравнительно-сопоставительное исследование лингвистики привлекало внимание многих зарубежных и отечественных лингвистов. Ознакомление с особенностями их точки зрения и сделанными ими заключениями дает возможность для выработки определенного мнения и подходов к рассмотрению данного вопроса.

Сопоставляемые в настоящей диссертации языки относятся к индоевропейской семье языков и типология их морфологических систем во многом совпадает. С данной точки зрения вполне закономерно полное или частичное совпадение проблем, связанных с классификацией частей речи и языковых явлений в этих языках.

Учитывая то, что русский и таджикский языки по своим структурно-семантическим особенностям достаточно отличаются друг от друга, морфологические признаки этих языков имеют различное значение при определении характеристик большинства частей речи. Например, в русском языке роль морфологического пласта доминирует при определении частей речи, а в таджикском языке эти части речи определяются главным образом на основании семантических и синтаксических признаков.

Синонимия, как одна из наиболее привлекательных частей лексикологии, притягивает к себе пристальное внимание лингвистов. В настоящее время в русском языке достаточно хорошо описаны полные и частичные синонимы, отличающиеся друг от друга, как по стилистическому значению, так и по смысловым функциям.

В настоящее время российское языкознание для изучения синонимии располагает научным комплексом теоретических подходов, составляющих основу лингвистических исследований. Круг вопросов этой области языкознания активно разработан в трудах российских лингвистов, таких

как Ю.Д. Апресян, Г.А. Золотова, В.М.Лейчик, В.П.Жуков, В.Т.Шкляров, М.И.Сидоренко, З.Е.Александрова, К.Горбачевич, Е.И.Шендельс и др.

В сопоставительном изучении закономерностей системы синонимов имеются определенные достижения. Тем не менее, многие аспекты характеристики синонимии, в силу её компактности, остаются пока что не охвачены типологическим анализом. Так, к малоизученным видам синонимии относятся различные формы синонимов, в то время как исследование межкатегориальных связей и различных форм синонимов, отличающихся сложной проблематикой, представляет особый интерес.

Для каждого языка важной задачей является изучение и анализ его словарного запаса, его лексического фонда и степени употребления языковых возможностей. Язык, как форма выражения мысли и важнейшее средство общения между людьми, изменяется и развивается наряду с изменением и развитием общества. В частности современное состояние сопоставляемых языков, обладающих богатейшим арсеналом языковых средств и вобравших в себя все смысловые оттенки языка классического периода, позволяет причислить их к числу самых развитых языков мира. Однако, несмотря на все богатство и разнообразие лексического состава данных языков, они, так же как и другие языки, нуждаются в совершенствовании, изменении и избирательном отношении в отборе нормативной лексики.

В начале XX века в странах Европы и Азии произошли серьезные перемены, которые оставили неизгладимый след на культуре и духовности русского и таджикского народов, в том числе и на процессы формирования и развития их лексических систем.

Великий русский языковед А.А. Потебня в своих работах впервые рассмотрел структурные особенности исследуемых сочетаний. Им описаны такие парные синонимы русского языка, как *хлеб-соль*, *путь и дорога*, *рать и сила*, *род-племя*, *пыль-туман*, *отец-мать*, *князь-бояре*, *калина-малина*, *клен-дерево*.

В его научном труде «Из записок по русской грамматике» предложена атрибутивная интерпретация парных сочетаний типа *дани-пошлины, рать и сила, честь и слава*, о которых он говорит: «существительное с определительным прилагательным предполагает сочетание двух существительных, притом сочетание паратаксическое, ибо подчинение одного из этих существительных другому хотя и не устраняет двойственности субстанций, но направлено к их объединению» [97; 218]. Удвоение, объединение двух понятий в подобных сочетаниях, с точки зрения А.А. Потебни, есть способ создания нового значения, состоящего в обобщении частных значений, а также в «идеализации в изображении предмета». И с этой точкой зрения трудно не согласиться.

Другой российский языковед Д.С. Лихачев называет приведенные выше сочетания разновидностью синонимических сочетаний: «Наиболее распространенный тип синонимических сочетаний - сращения типа *правда-истина, род-племя, честь-хвала* и т.д. Ученый считает, что в таких парных выражениях особенности значения каждого слова сохраняются, и само сращение приобретает в своем значении особый, дополнительный, новый оттенок. В результате образуется новое сочетание, с новыми особенностями значения, новым кругом поэтических ассоциаций и как бы усиленное в своем значении». Здесь ученый отмечает семантическую нерасчлененность, неделимость парных синонимов, которые образуются путем объединения двух понятий, «причем одно из понятий может быть видовым и конкретным, а другое — родовым и более абстрактным» [76; 107-108].

Со стилистической точки зрения функции парных синонимов рассмотрены в трудах А.П. Евгеньевой, которая определяет как «синонимические парные сочетания / парные сочетания синонимов». По мнению ученой, совместное употребление и слияние двух слов образует новое сложное сочетание. Основанием для сочетания синонимов в исследуемых единицах «служит совпадение значения, являющееся принципом, определяющим как подбор слов

и словосочетаний, так и стилистическую функцию их, которая заключается в усилении, уточнении значения, в акцентировании его» [48; 260].

Еще двое российских ученых С.В. Друговейко и С.В. Николаева исследуют парные названия с позиций стилистического анализа текста, они определяют роль ПС в организации поэтического текста [44; 113-114].

Для обозначения парных конструкций известный лингвист В.В. Колесов использует термины «парные именованья», «парные соединения близкочастных слов», «редупликации», «сдвоенные формулы». Ученый выделяет особенности семантической организации парных синонимов. По его словам, на основе сближения частных значений объединяемых слов образуется «понятие собирательного смысла, художественная сила которого возникает из совместимости прежде разнонаправленных смыслов»: совмещение значений личного переживания субъекта с осуждением коллектива (*горе и печаль, страх и ужас, радость и веселье*), совмещение частного и общего (час и время), внутреннего и внешнего (*чудо и диво, чудиться и дивиться*) [69; 145].

Те социальные и культурные изменения, которые произошли в 70-е, 80-е и 90-е годы двадцатого столетия в жизни таджикского народа, не могли не сказаться на состоянии таджикского литературного языка. В эти десятилетия таджикский язык претерпел качественно новые изменения, важнейшие из которых заключаются во внедрении в литературный язык новых слов – неологизмов и синонимов.

Известно, что в советское время таджикская лингвистика, опираясь на достижения российского и европейского языкознания, добилась больших результатов в решении задач грамматики, лексикологии и лексикографии. Еще начиная с 40 – 70-х годов прошлого столетия начали публиковаться научные произведения таких известных лексикологов, как Л. Бузургзаде, А.Мирзоев, Б.Ниёзмухаммадов, Д. Таджиев, А.Каримов, М.Фозилов, Н. Масуми, В.С. Расторгуева, основавших научную школу таджикского языкознания. Они поставили на обсуждение и внесли огромный вклад в решение вопросов

фонетики, морфологии, синтаксиса, лексикологии современного таджикского языка. В дальнейшем также наиболее важные аспекты лексики, фразеологии, морфологии, лексикографии и других отраслей таджикского языкознания были рассмотрены в научных трудах Ш.Рустамова, М.Н. Касымовой, А.Л.Хромова, Б. Камолиддинова, С.Халимова, М.Мухаммадиева, Т. Хаскашева и других ученых.

На современном этапе раскрытием наиболее важных аспектов таджикской лингвистики, и в частности лексикологии заняты такие известные ученые, как М.Н. Касимова, Б. Камолиддинов, П.Джамshedов, Д.Саймиддинов и др.

В таджикском языкознании существует ряд проблем, которые на сегодняшний день не нашли своего должного решения или до сих пор не изучены до конца. Одним из таких наиболее важных для таджикской лингвистики проблем является исследование и анализ некоторых лексико-грамматических и стилистических особенностей произведений художественной литературы и языка прессы. На сегодняшний день до сих пор малоизученными остаются поэтические произведения (кроме научных работ А. Абдулкадырова о языке и стиле поэзии Мирзо Турсунзаде) многих авторов современной таджикской литературы, тогда как для описания синонимов в произведениях классических авторов таджикскими языковедами осуществлен ряд монографических исследований (см. работы С.Хашимова, Б.Сиёева, К.Мухторова, С.Аминова и др.). Всестороннее изучение и исследование лексических и стилистических особенностей современной поэзии играет важную роль в определении развития и совершенствования лексического состава таджикского языка.

В вопросе исследования синонимов таджикского языка большая заслуга принадлежит известному языковеду М. Мухаммадиеву, который посвятил много лет делу изучения этого важного вопроса таджикской лингвистики. Одним из первых научных произведений М. Мухаммадиева, посвященных

изучению синонимов, является его труд «Синонимы в таджикском литературном языке», изданный в 1962 году. В последующие годы были опубликованы его другие научные работы, в которых автор рассматривает проблематику синонимических цепей и стилистических синонимов [88; 1974]. Еще одна огромная заслуга М. Мухаммадиева в исследовании синонимов заключается в составлении словаря синонимов таджикского языка, который впервые вышел в свет в 1975 в сокращенном варианте, а в 1985 году был переиздан с дополнениями и изменениями [89; 1975].

Фундаментальный труд ученого «Синонимҳо дар забони ҳозираи тоҷик (Ҳиссаҳои мустақили нутқ)» - «Синонимы в современном таджикском языке (Самостоятельные части речи)» является результатом его многолетних научных изысканий. Это исследование представляет собой особую ценность для современных отечественных лингвистов в плане изучения лингвистических, и в частности лексических особенностей синонимов, репрезентованных той или иной частью речи.

В результате изучения лексических особенностей именных частеречных синонимов ученый сделал важные выводы по некоторым стилистическим и грамматическим характеристикам синонимов.

«Словарь синонимов таджикского языка» М. Мухаммадиева охватывает научный комментарий и лексико-грамматическое описание свыше трехсот словарных единиц, которые приводятся вместе с их синонимами.

Необходимо подчеркнуть, что в изучении синонимов таджикского языка и при их сопоставлении с русскими синонимами также большой вклад внесли составители словаря «Луғати мухтасари русӣ-тоҷикӣ ва тоҷикӣ-русӣ синонимҳо/ «Краткий русско-таджикский словарь синонимов» и этот научный труд также занимает высокое положение среди работ, раскрывающих суть таджикских синонимов.

Вопросы исследования синонимов также рассмотрены в произведениях и статьях таких таджикских лингвистов, как Р. Гаффаров,

А.Давронов, С.Хошимов, С.Халимов, Б.Сиёев, С. Аминов, Ш.Кабиров, Т.Шокиров, Ю.Нурмахмадов, С.Джураева, М.Мирзоева и др.

Статья «Синонимичные слова и их стилистические особенности», принадлежащая Р. Гаффарову [32; 2003], представляет собой источник, в котором вопросы синонимии исследованы обстоятельно и развернуто. В статье дана научная интерпретация парно употребляемых синонимов, способы и источники их формирования. Автор статьи приходит к такому заключению, что знание и употребление композиционно-стилистических свойств синонимии достигается в результате творческого отношения и тщательного изучения семантики языка.

Необходимо отметить, что вопросы исследования синонимов, в частности парных синонимов таджикского языка, рассмотрены таджикскими лингвистами намного в меньшей степени, чем в российской лингвистике. Более того, работ, посвященных данному вопросу, можно сосчитать на пальцах. Первые шаги на пути исследования парных синонимов сделаны З. Шариповой, С. Аминовым и Б. Сиёевым, но на сегодняшний день отдельные монографические исследования в данном направлении отсутствуют.

Другой исследователь таджикской синонимии С.Аминов на основе языкового материала повести «Одина» С.Айни исследовал ряд особенностей парных синонимов современного таджикского языка и установил цели и причины их употребления, а также стилистическое значение синонимов [4; 35-39].

При изучении и описании семантических и стилистических особенностей лексических синонимов на материале анализа трилогии Дж. Икромии «Двенадцать ворот Бухары», отечественный лексиколог Н. Хикматуллоев делает вывод о том, что в синонимических парах слов имеют место полные или частичные совпадения лексических значений, соответствующий звуковой состав, смысловые оттенки, определенная эмоциональная окраска, что характеризует ситуацию и уровень

употребления синонимов, их стилистическое соотношение, принадлежность к одной лексико-грамматической группе. Автор также приходит к выводу о том, что лексические синонимы обладают возможностью замены друг друга в контексте того или иного стиля речи [119; 6-15].

О синонимии языка произведений таджикских авторов также еще сделано недостаточное количество исследований. Стоит отметить, что из всего комплекса вопросов таджикского языкознания вопрос об изучении языка и стиля отдельных литераторов относительно глубже рассматривается таджикскими учеными-лингвистами. Часть таджикских языковедов, таких как Х.Хусейнов [121; 1967], Б. Камолиддинов [60; 2012], Р. Гаффаров [33; 1968], А. Абдулкодиров [1; 1998] в своих монографиях касаются вопросов языка и стиля произведений С.Айни, Хакима Карима, Рахима Джалиля, Фазлиддина Мухаммадиева, Мирзо Турсунзаде, и в процессе анализа темы исследования ведут отдельные дискуссии о синонимах таджикского языка. О синонимах произведений Саади интересное исследование завершено известным лексикологом С. Хашимовым. В монографии «Лексические особенности «Гулистон»-а Саади Шерози» ученый отмечает, что употребление лексических единиц и конструкций с различной структурой, но близких по смыслу в творчестве каждого литератора особо важно для определения творческого мастерства писателя. В монографии автор с учетом лексических особенностей синонимов произведения Саади «Гулистон» по их принадлежности к конкретным языкам, распределяет синонимы по отдельным группам, что представляет интерес для нашего исследования [120; 56 - 67].

Исследователь З. Мухторов при исследовании лексики произведений Санои также высказывает собственную точку зрения на вопрос о синонимах таджикского языка [85; 78 - 85].

Таджикский исследователь Джураева С.Б. в своей диссертационной работе под названием «Синонимы в поэзии Абдурахмана Джами»

утверждает, что анализ употребления синонимов и их исследование в различные периоды развития таджикского языка отражают процессы, происходившие в языке поэзии, вызывая необходимость принципиально нового построения концепций, требующих инновационного осмысления разнообразия синонимов в художественных произведениях эпохи Абдурахман Джами [47; 36-37].

В результате С.Б.Джураева приходит к выводу, что поэт в выборе и использовании синонимических слов проявляет весьма особую внимательность, описывая способ выражения синонимических единиц, и представления функционально-контекстуальных ситуаций и условий их употребления. При их описании, составляющем основы интерпретации системных связей между единицами языка поэзии Джами, можно находить весьма интересные фрагменты этой системы в контекстуальных условиях употребления синонимических единиц, картины экспликации и демонстрации чрезвычайно широких их прикладных возможностей. Действительно, некоторые лексические единицы в его поэзии имеют до сорока и пятидесяти синонимов, каждый из которых употреблен и выбран автором в качестве моделирующего объекта. При этом синонимичные конструкции выявляют категориальную (частеречную), логико-семантическую, иерархическую характерность своих знаковых единиц, а самое главное - индивидуальный художественно- оценочный и образный стиль описания поэта [47;112].

Ученый-лингвист Б.Сиёев, анализируя древнюю историю парных слов таджикского литературного языка, дает краткую характеристику особенностей указанных лексических единиц. Он рассматривает их с точки зрения установления частотности их употребления, структурных особенностей и принадлежности к частям речи. Исследуя способы отображения парных синонимов в языке произведения «Таърихи Бадахшон», ученый приходит к выводу, что наличие в одном сочетании двух лексем в соответствии с закономерностями каждого языка, в

частности, таджикского, является естественным явлением. Ученый утверждает, что именно наличие особых, семантически близких друг к другу слов приводит к развитию парных синонимов. Еще один вывод ученого состоит в том, что для приобретения двуполярности исходных языковых знаков особое значение имеют элементы состава парных синонимов, состоящих из различных моделей сложных слов [109; 28-30].

Статья Ш. Кабирова «Размышления о вопросах интеграции в языке» также посвящена исследованию особенностей такого языкового явления таджикского языка, как «хамнишинӣ»- интеграция, синонимичность, семантическая созвучность [55; 24-27]. Автор на основе интересных примеров из классической литературы основательно доказывает наличие множества синонимических конструкций в письменных памятниках таджикского литературного языка.

Исследователи явления парной синонимии наблюдают, что среди таджикских ученых отсутствует единство в формулировке термина ПС. Некоторые характеризуют парные синонимы как «чуфтҳои муродифӣ» (синонимичные пары), а некоторые в своих исследованиях используют термины «ибораҳои муродифӣ» (синонимичные словосочетания), «воҳидҳои чуфт» (парные единицы), «таркибҳои чуфт» (парные составы), равнозначные по своей семантике. Однако большая часть ученых отмечают, что для выражения особенностей двух синонимичных слов наиболее подходящим является термин «чуфтҳои муродифӣ» (парные синонимы). Лексические характеристики данного явления заключаются в продуктивности лингвистической экспликации и пропорциональном использовании синонимических единиц, репрезентованных конкретной структурой и источниками происхождения слов (тадж.+ тадж.+ тадж.: *ганҷу зару гавҳар*; арабск+ тадж.+арабск.: *тахаммулу бардошту сабр*; узбекско-таджикско-арабские: *яроқ, - анҷом - аслиҳа*). [49; 76-79].

Известный таджикский языковед и литературовед А.Давронов в своей статье «Синонимы «Кабуснаме» Унсуралмаоли Кайковуса» с

научной точки зрения комментирует процесс формирования синонимов на материале известного дидактического произведения XI века «Кабуснаме». Ученый распределяет однозначные слова контекста на две большие группы: лексические синонимы и их грамматические прототипы. По его мнению, в произведении встречаются случаи вариативного употребления синонимических единиц и их применения в различных контекстах (*бурҳон – далел / доказательство - довод, расул – пайгамбар / пророк - посланник*), в очень близких друг от друга позициях (*ғараз - мақсуд, пур - писар*) и в виде составов (*дуову офарин, ҳамду сано*). Ученый выделяет как однокоренные слова грамматические синонимы *бин - ибн, фазояд — афзояд, аҳвол - ҳолҳо, аҳком - ҳукмҳо, шармсор - шармзада* и отмечает синонимичный характер грамматических средств *ва/-ву/-у/-ю* [41; 77-84].

В статьях «Дар «Шоҳнома» офтоб якто нест» [121; 121-130] и «Муродифоти асли ва бадеии калимаҳо» [90; 80-104] авторами ставятся близкие к ПС вопросы. Эти статьи представляют интерес по своему способу анализа, и, хотя обе статьи написаны на материале различных источников, авторы в свойственном каждому из них стиле избрали объектом исследования синонимы концепта **офтоб** (солнце).

В ходе исследования творчества Камола Худжанди исследователи А.Абдукадыров и А.Давронов уделяют большое внимание вопросам происхождения синонимов, выражения или содержания и уровня их употребления, так как это было сделано вторым автором в статье, посвященной произведению «Кобуснома» Унсуралмаоли Кайковуса. Они в своей статье «Сарчашмаҳои ташаккулёбии муродифот дар эҷодиёти Камоли Хучандӣ» разделили синонимы на три группы: 1) отдаленные (дистантные) синонимы; 2) близкие синонимы; 3) парные синонимы [1; 21].

Другой таджикский лексиколог Ш. Джуразаде в своей монографии «Хусусиятҳои семантикии «Маснави маънавӣ»-и Ҷалолиддини Румӣ» отмечает, что синонимы представляют собой одну из важнейших категорий

лексического состава языка и способствуют точному отображению жизненной действительности в произведениях [124; 56-76].

К. Мухтори в своем исследовании лексико-стилистических особенностей творчества Рудаки, уделяет особое внимание стилистическим характеристикам синонимов в наследии великого поэта и разделяет их на семантические и семантико – стилистические синонимы [84; 56-68].

Таким образом, языковые особенности произведений литераторов классического и современного периодов таджикской литературы, и в частности синонимия данных произведений до сих пор нуждаются в дополнительном изучении. Ряд таджикских языковедов в ходе рассмотрения языка и стиля произведений того или иного литератора или в процессе исследования лексики его наследия вкратце останавливаются на вопросах синонимии. Однако вопрос о сфере употребления парных синонимов в современном таджикском литературном языке по настоящее время нуждается в отдельном диссертационном исследовании. В частности, сопоставление данной категории синонимов с русскими парными синонимами впервые проводится в нашем диссертационном исследовании. Установление лексико-грамматических особенностей указанной группы лексических единиц в сопоставляемых языках на основе проведенного сопоставительного анализа позволит дать их развернутую лингвистическую характеристику и установить сходства и различия. Благоприятной почвой для проведения такого анализа являются источники художественной литературы.

1.2. Общая характеристика грамматических свойств парных синонимов в русском и таджикском языках

Современное языкознание классифицирует типы сравнения по двум группам: внутриязыковое и межъязыковое. Среди перечисленных типов внутриязыковое сравнение выявляет языковой материал внутри одного языка,

что необходимо для описания системы этого языка. Отсюда, если сопоставлять два или более языков, то это уже становится межъязыковым сравнением, которое может быть, как системным, так и несистемным. Системное сопоставление осуществляется с целью сравнения языковых элементов в рамках системы и, по возможности, многоаспектно, Несистемное сравнения осуществляется с целью доказательства правильности выводов, сделанных лингвистами по тому или иному явлению в одном языке и для установления присутствия или отсутствия того или иного явления в других языках.

Современная лингвистика при описании синонимов как сферы лексикологии применяет ряд подходов, охватывающих структурно-семантические, морфологические, функциональные и прикладные характеристики синонимии в языке.

Синонимы во всех языках относятся к числу таких явлений, процесс формирования которых происходит непрерывно. Этот процесс отражает своеобразность состава синонимии, как происходящего от различных частей речи разряда слов. Слова, соответствующие данной категории, еще не полностью проявляют свою самостоятельность и сохраняют следы тех частей речи, от которых они образовались. Благодаря этому формируются и развиваются разновидности синонимов с различными лексико-семантическими оттенками и грамматическими функциями.

Основным свойством парных синонимов является то, что они выражают те явления, признаки и действия, которые распространяют и поясняют объект. По этой причине ПС в некотором отношении противопоставляются обычным синонимам и сохраняют свою индивидуальную специфику.

Круг употребления и функционирования ПС, их динамика в условиях коммуникации и художественного оформления в РЯ и ТЯ определяется особенностями и активностью их компонентов и словообразующих формантов. При этом, в ТЯ учитываются такие особенности ПС, как значение и созвучность компонентов. Например, *чангу чидол*, *арзу даъво*, *сулху ваҳдат*, *макру фиреб*, *шавқу рағбат* и т.д. Оценочный или образный признаки

концептов описания в таких сочетаниях достаточно релевантны, и это, как уже было отмечено, обуславливается коммуникативными задачами соответствующих дискурсов. Все это создает условия, при которых для построения ПС в сопоставляемых языках употребляются такие методы, как суплетивность и аналитическое словообразование. При этом в отличие от других видов синонимии парные синонимы не обладают столь широкими аналитическими возможностями. К примеру, для отображения релевантности оценочного или образного признаков концептов описания в составе ПС РЯ рассмотрим синонимы, использованные в одном из произведений Пушкина:

*Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран **краса и диво**,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознёсся **пышно, горделиво**.*

В сопоставляемом ТЯ указанный способ употребления ПС четко просматривается и в следующем рубаи Хайяма:

*Чандон **караму лутф** зи оғоз чӣ буд?
В-он доштанам дар **тарабу ноз** чӣ буд?
Акнун ҳама дар ранҷи дилам мекӯиӣ,
Охир, чӣ гуноҳ кардаам, боз чӣ буд?*

Перевод (В.Державина):

*Зачем сначала ты явил такую милость,
Позволил, чтоб душа любовью обольстилась?
Теперь ты хочешь **боль и скорбь** мне причинить
Какой свершил я грех? Скажи мне, что случилось?*

Некоторые лингвисты рассматривают вопросы употребления ПС, в системе значений, которые, как было отмечено ранее, выражаются посредством частей речи. В нашей диссертационном исследовании также будет рассматриваться вопрос применения парных слов на материале художественных произведений таджикских писателей. Использование парных синонимов или синонимических пар получило широкое

распространение в русской и таджикской литературах. Они являются выразительным средством передачи мысли авторов и эмоционально окрашенной разговорной речи героев произведений.

Для обозначения синонимических явлений в различных языках некоторые языковеды применяют термин «лакуна», который используется не только при отсутствии какой-либо единицы в словарном составе одного языка, имеющейся в другом языке, но и при других несовпадениях в сопоставляемых языках и культурах. Однако исследование лакунарных проявлений языков не входит в круг задач настоящего диссертационного исследования, поэтому считаем необходимым сконцентрировать внимание на морфологических и синтаксических свойствах явления синонимии.

ПС могут быть выражены различными частями речи. Например, парные синонимы, выраженные существительными: *море-океан, ёлки – палки, страсти-мордасти* (разг.) – в русском языке; *гану ганча, дурру марчон, касбу кор* (разг. вариант – *касму касаб*) – в таджикском языке.

В семантическом отношении значения ПС взаимосвязаны со значениями эмотивности, но они не всегда совпадают с эмотивной лексикой по всем параметрам.

Известно, что понятие синонимический ряд тесно связано с понятием «многозначность». Вместе с тем, синонимы образуют синонимические ряды, которые являются объединением близких по значению слов. Отличительной чертой синонимических рядов является то, что в них всегда есть главное, основное слово, обладающее общим значением. Это основное слово, как правило, носит нейтральный стилистический оттенок и входит в общий пласт лексики. Основное слово всегда возглавляет синонимический ряд и называется **доминантом** (от лат. Dominans - господствующий). К числу таких основных слов синонимического ряда принадлежит прилагательное «красивый» среди синонимичных ему слов: *привлекательный, обаятельный, очаровательный, притягивающий, завораживающий* и др. Синонимы связаны с явлением многозначности, так

как многозначное слово может входить в разные синонимические ряды. Синонимы помогают показать разницу в оттенках значения многозначного слова:

СВЕЖИЙ	<i>свежая рыба</i> (неиспорченная)
	<i>свежий хлеб</i> (мягкий)
	<i>свежая газета</i> (сегодняшняя)
	<i>свежее белье</i> (чистое)
	<i>свежий ветер</i> (прохладный)
	<i>свежий человек</i> (новый)

Понятия синонимии и синонимических рядов в РЯ и ТЯ взаимосвязаны друг с другом, но они отличаются по некоторым характерным показателям. Независимо от того, каким термином мы будем определять лексико-семантическое словообразование, мы должны осознавать, что значения одного слова могут изменяться, так как изменяется результат его семантического развития. Последующее слово синонимического ряда является производным, оно не повторяет лексическое значение основного слова, а развивает свои собственные семантические характеристики. Известный российский ученый В.В. Виноградов называет это явление "переосмыслением прежних слов, формированием синонимов путем распада одного слова на два" [22; 10]. Другой ученый-лингвист С.Д. Кацнельсон определяет синонимический ряд как "такую организацию семантической структуры слова, где выделяются "первичные" лексические значения и "вторичные", зависящие от них, являющиеся результатом их семантического развития" [65; 44-59]. Отсюда следует, что в языке проходят словообразовательные процессы, когда "тождеству лексического и общекатегориального значений этих форм одного слова противостоит факт обязательного преобразования лексического или общекатегориального значения у однокоренных производных" [67; 60].

Результаты исследований российских лингвистов устанавливают, что синонимы формируются в результате различных языковых процессов.

Основными из них являются:

1. Членение одного лексического значения слова на два и более. То есть происходит трансформация однозначного слова в новое, многозначное слово. В результате образовавшиеся новые значения могут становиться синонимами к значениям других слов данного языка. Например, существительное «Родина» состоит в синонимических отношениях с существительными *край, сторона, страна, держава, отчизна*.

2. Несоответствие и несовпадение разных значений одного и того же слова, что в итоге приводит к утере смысловой взаимосвязи между компонентами синонимического ряда. У каждого из возникающих таким путем слов образуются свои собственные синонимические ряды. Так, существительное *улыбка*, образуя синонимы, получает совершенно разные смысловые оттенки:

а) «ухмылка» (грубая, унижительная улыбка);

б) «усмешка» (пренебрежительная улыбка);

в) «оскал» (от глагола «скалить зубы» в зн.: надсмехаться).

3. Иностранное заимствование, близкие по смыслу к своим исконным эквивалентам русского языка. В результате этого могут образоваться новые синонимические ряды и пары слов: *лицо - имидж; уважение — респект; важный — актуальный; длительный - пролонгированный; преобладать — превалировать*.

4. Формирование новых синонимических рядов в процессе словообразования, которое постоянно осуществляется в языке: *формирование - формовка; саботирование - саботаж; композиция - коллаж; отточенность — филигранность; оснащение — оснастка*.

Итак, синонимы — это неиссякаемый источник и богатство языка, которое широко используется для уточнения мысли и определения наиболее важных смысловых оттенков, для подчеркивания образности и художественной окраски речи. Наряду с этим, синонимы в обоих сопоставляемых языках

применяются с целью избегания повторов в речи, неточностей, смешанного характера речи, где используются различные языковые стили. Синонимы призваны предотвращать появление языковых штампов и других стилистических ошибок.

Сравните, например, синонимы *бой* и *битва* в приведенном отрывке: *Софья рассказывала о всемирном бое народа за право на жизнь, о давних битвах крестьян Германии* (М.Горький)

В художественной литературе одним из наиболее распространенных и излюбленных авторами приемов употребления синонимов является перечисление синонимов. Литератором указанный прием дает возможность максимально конкретизировать и детально описать события и явления. Зачастую синонимы могут стать основой для формирования *антитезы* — стилистического приема контраста, противопоставления. Вот как, например, синонимические ряды использованы в следующих стихах Марины Цветаевой:

1) *Это жизнь моя пропела – провыла –*

Прогудела как осенний прибой –

И проплакала сама над собой. [149; 66]

2) *Невозвратно, неостановимо,*

Невосстановимо хлещет стих... [149; 12]

Стоит отметить, что такие синонимичные взаимозамены в тексте либо в его различных интерпретациях нередко встречаются и в составе ТЯ:

*Сайид Умархоца одами **хату саводнок** буда, аз хунархои дастӣ дуконбофӣ ва дурудгариро хуб медонистааст* [136; 7].

Перевод: *Саид Умар – ходжа был человеком грамотным и хорошо знал как ткацкое, так и плотницкое ремесла* [137; 5].

*Оқибат танҳой ва мусофирати **дуру дароз** ба дили бобоям зад* [136; 8].

Перевод: *Одиночество надоела деду* [137; 6].

К ПС таджикского языка со слитным написанием можно отнести ряд следующих словосочетаний: *сарусомон* – *порядок*, *сарунӯг* – *организованность*, *бечунучаро* – *несомненно*, *шикастурехт* – *строительные расходы*, *каруфар* – *роскошь напоказ*, *будубош* – *проживание* и др. Необходимо отметить, что данный тип словообразования парных синонимов таджикского языка весьма продуктивен.

Таким образом, синонимическое восприятие и воспроизведение в РЯ и ТЯ является осмыслением комплекса эмоциональных восприятий и отношений авторов, которые получены от различных по степени сложности процессов.

На наш взгляд, отображение восприятий, определение способа лексикализации повседневной действительности на основе семантических закономерностей служит делу осознания восприятий, оно требует обязательного обозначения, наименования данной действительности соответствующими словарными единицами. Конечно, отражение действительности лингвистическими средствами в каждом отдельном языке отличается индивидуальным, целесообразным только для данного языка путем, но не следует считать эти средства исчерпывающими и окончательными, так как язык находится в постоянном изменении и совершенствуется.

1.3. Близкие к парной синонимии явления в сопоставляемых языках

1.3.1. Особый способ выражения ПС

Для русского языка в контексте произведений художественной литературы наблюдается немало количество примеров стилистической синонимии, основным путем образования которой является аффиксация: *баранки-бараночки*, *снег-снежок*, *сестра-сестрица-сестренка*, *игла-иголка*, *толстый-толстенький-толстенный*. Некоторые из приведенных суффиксов характерны для ласкательно-уменьшительного стиля, а некоторые из них свойственны устному народному творчеству. Создание оценочных значений

средствами словообразования является эффективным способом обогащения речи стилистическими оттенками.

Для таджикского языка в сфере словообразования одной из именных частей речи (существительного) можно встретить слова, которые обозначаются термином *приватные слова-дублеты*, и, по сути, являются парными синонимами. Этот вид дублетов наиболее приемлем для выражения эмоций: *меҳру муҳаббат* (любовь), *саъю кӯшиши* (стремление и старание), *сабру тоқат* (терпение), *фикру андеша* (мысли и суждения) и др. Такие парные дублеты появляются в процессе заимствования слов из других языков. Например, в приведенных выше примерах для ПС дублетного характера компоненты словосочетаний имеют различное происхождение: *меҳру муҳаббат* (меҳр – тадж. + муҳаббат – ар.), при этом первый компонент содержит семантическую нагрузку значения «любовь, забота, нежность, теплота», а второй понимается только в значении «любовь». Второе парное словосочетание, ставшее таковой синтаксической единицей благодаря соединительному союзу –у, *саъю кӯшиши* – состоит из сочетания арабизма «саъй» - стремление и исконного таджикского существительного «кӯшиш» - старание. В семантическом отношении они несут равную смысловую нагрузку, поэтому их можно отнести к разряду абсолютных дублетов.

Если произвести анализ одной такой синонимической пары дублетов– «сабру тоқат», то выясняется, что арабское заимствование «тоқат» первоначально было приложением и дополнением к исконно таджикскому слову «сабр», но с течением времени оно исторически было освоено таджикским языком и закрепилось в нём.

- Хайрият, чӯрачон, *сиҳат-саломат* омадӣ? [А.Шукӯҳӣ] –
Наконец-то, друг мой, ты пришел *по добру по здорову?*

1.3.2. Редупликация

Термин "редупликация" (от лат. *reduplicatio* — удвоение) в различных

источниках трактуется по-разному, поэтому можно сказать, что на сегодняшний день его точного определения не существует. Под этим термином следует понимать различные языковые явления, такие как внутрисловные и межсловные удвоения. Например, в российском языкознании под словом "редупликация" подразумеваются следующие удвоения:

1. слоговые - хихикать, шушукаться, колокол;
2. аффиксальные – тянут-потянут, ходит-походит, жить-поживать;
3. словные удвоения - ходишь — ходишь, далеко — далеко;
4. Другие виды повторов, например: Пристал, купи да купи.

При редупликации, принимающей форму внутрисловного удвоения, свойства основных единиц бывают не совсем четко определенными. Поэтому остается открытым вопрос о том, что редупликация – это только удвоение единиц, или же – это прием удвоения, в котором план содержания языковых знаков не всегда совпадает с планом выражения. Под редупликацией следует понимать "удвоение синонимичных лексических единиц, т.е. создание смысловых повторов".

Вопрос о функциональной стороне редупликации и о месте редупликации в словообразовании исследован в ряде работ, в которых отмечается соотношение этого приема с аффиксацией и словосложением.

Внутрисловные удвоения в русском языке мало изучены, до недавнего времени их описание сводилось по существу к указанию на отдельные типы или факты удвоения. Поэтому в русистике определение "редупликация" в отношении повтора компонентов, образующих слово применяется редко.

Наряду с этим необходимо признать универсальность редупликации как приема построения слов, использующегося большинством или, возможно, всеми языками. Редупликация свойственна языкам различного строя. Об этом Э. Сепиром говорит: "Нет ничего более естественного, чем факт широкого распространения редупликации..." [108; 82].

Условно редупликаты РЯ можно разделить на четыре группы:

1. Точные или почти точные повторы: *бай-бай, еле-еле, только-только, едва-едва*.
2. Редупликаты, при которых изменяется склонение или же добавляются связки (предлоги, приставки, суффиксы): *дурак дураком, полным-полно, точь-в-точь, трын трава*.
3. Редупликаты с заменой одной гласной или согласной буквы *день-дон, пинг-понг, гоголь-моголь, тары-бары, шаляй-валяй*.
4. Самая обширная группа редупликатов, образуемых по принципу сходного сочетания гласных/согласных (аллитерация) или доминирующего слога: *там-сям, то да се, с бухты-баряхты, шиворот-навыворот, в пух и прах*

Сюда же относятся устойчивые аллитеративные присловья, типа: *подобру-поздорову* (ооу-ооу), *долго ли, коротко* (оо-и-оо), *серединка на половинку*. Или же пословицы, сложенные из рифмового повтора: *на чужой роток не накинешь платок*. Устойчивое выражение *целиком и полностью* по составу компонентов можно отнести к парным синонимам, однако по фонетическому составу в русском языкознании оно причисляется к редупликатам [69; 45].

Редупликаты отличаются от парных синонимов. Такие отличия характеризуются рядом структурных особенностей:

- 1) Редупликаты, как правило, пишутся через дефис: *муха-цокотуха, трава-мурава, мудрый-премудрый, жить-поживать* и т.д.
- 2) В редупликатах второй компонент поясняет первый, то есть оба слова взаимосвязаны в семантическом отношении;
- 3) Употребление редупликатов характерно для устного народного творчества и в целом художественного стиля речи.

По аналогии данного языкового явления редупликаты также в некоторых случаях оформляются в виде последующих друг за другом синонимов и антонимов, которые также используются преимущественно в разговорной речи. Обратите внимание на следующие примеры:

- Ман дигар *гулом-пулом* нестам! [Саид Халими «Бандаи ношукр»]. – Я больше не *раб*!

В вышеприведенном примере сочетание *гулом-пулом* позволяет назвать это слово лексическим редупликатом, так как в нем второй компонент по своей форме идентичен первому компоненту за исключением первого согласного звука.

В составе таджикского языка слова разряда чой-пой, қанд-панд, дору-пору, хоть и обладают определенными грамматическими характеристиками (прежде всего – это определенные части речи, как правило, существительные), а также имеют определенную семантическую нагрузку, все же их целесообразно отнести к разряду редупликатов в связи с тем, что для них характерно удвоенное построение и фонетическая созвучность компонентов.

По своим семантическим признакам редупликат *харачу марач* (фраз.: неразбериха) является устойчивым словосочетанием, а по структуре он имеет все признаки парного синонима, однако в силу того, что каждый из компонентов в отдельности не несет никакой смысловой нагрузки, они совместно образуют одно целое значение. Фонетический состав каждого из компонентов идентичен, за исключением меняющегося первого звука во втором компоненте. Благодаря этому мы относим это выражение в разряд редупликатов. К подобным редупликатам относятся также и следующие парно выраженные сочетания: жожу мож – пустословие, околесица; сараму дилам – спустя рукава, безразлично; ана-мана – вот-вот (сейчас), исту бист – реальная картина и т.д. Интересной деталью этих конструкций является их переносное значение и разговорный характер употребления.

Еще один вид редупликатов связан с повтором и сокращением первого компонента. Примечательно, что такое явление больше характерно для ТЯ:

Ҳама хандиданд ва Абдушукурхоҷа аз ҳиҷолат сун-сурх шуд ва худаиш ҳам дар қатори одамон хандид. [136; 46] – *Все засмеялись и Абдушукурходжа покраснел от смущения и сам засмеялся вместе с другими.* [137; 45]

В РЯ это явление выражается в форме *белым-бело, зеленым-зелено* и т.д.

Итак, на основе изложенного, приходим к выводу, что явление редупликации несколько отличается от явления парной синонимии. Помимо внешнего различия, то есть присутствия в основном дефисной конструкции и фонетической схожести звуков в составе первого и второго компонентов, редупликаты намного «примитивнее» ПС в семантическом отношении, так как в них компоненты не дополняют и не развивают содержание друг друга, являются повтором или интерпретацией. Небольшим исключением в этом правиле можно считать такие примеры, как *сараму дилам, исту бист*, которые обладают переносным значением, но все же благодаря фонетической созвучности подпадают под категорию редупликатов.

Конечно же, парное употребление близких в семантическом плане единиц, таких как *иззату обрӯй, фикру хаёл, дасту пой* и другие единицы ТЯ в по своей функциональности охватывает более широкий круг задач, нежели парное употребление таких редупликационных единиц, как *суп-сурх, каб-кабуд, калпа-калон* и другие. Все эти редупликаты лишь усиливают одно и то же значение, придавая ему определенную эмоциональную окраску и показывая отношение говорящего к происходящему явлению или его качеству. Еще одним существенным отличием ПС от редупликатов является парный характер, при этом оба компонента пары самостоятельны в семантическом отношении и могут взаимозаменять друг друга, а в редупликатах таким свойством обладает, как правило, второй компонент. Но выражения *сараму дилам, исту бист, жожу мож*, которые обладают переносным значением, благодаря фонетической созвучности подпадают под категорию редупликатов.

1.3.3. Дублетные слова в русском и таджикском языках

Функциональная закреплённость синонимических единиц наиболее

определенно выявляется в речи. Многие слова не только называют понятия. Но и отражают отношение к ним говорящего. Например, восхищаясь красотой заката, можно назвать его *красным, багровым, пурпурным*. Или характеризуя чистоту белья можно назвать его *белоснежным или кисельно белым*. Все эти синонимичные прилагательные эмоционально окрашены и по семантическим признакам эквивалентны, то есть могут использоваться в контексте попарно.

Для установления отличительных черт дублетов необходимо дать исчерпывающую характеристику слов-дублетов с целью их сопоставления с парными синонимами и синонимическими единицами в составе определенного микрополя.

Языковые дублеты, также как и ПС, да и вся группа синонимов, способствуют раскрытию целей автора или говорящего, красочности и оказанию влияния речи.

В «Толковом словаре» В.И. Даля [1863-1866] дана следующая характеристика слова «дуплет/дублет» и его семантических вариаций:

муж. дуплет, франц. вещь вдвойне; две вполне равные, одинаковые вещи, из которых посему одна в излишке: говорят о книгах, монетах и пр. двойник; о сросшихся гранках: двойчатка, двоешник; о поддельном камне: двоешник, сдвоенный, из двух стекол. Дублетный, к дублету относящийся. Дубель/ дупель. Дубликат – вторичная бумага, от слова до слова повторенная, отправляемая на случай утраты первой.

Семантический анализ данной трактовки известного и авторитетного российского ученого позволяет сделать ряд тезисов:

- 1) Дублеты или дуплеты – это взаимозаменяющие попарно используемые слова, обладающие одинаковой семантической нагрузкой, которая, однако, не обязательно должна быть эквивалентной;
- 2) Дублирующие друг друга лексические единицы, употребляются попарно, дополняют и консолидируют значения, которые в отдельности не всегда несут определенную семантическую нагрузку.

3) Парадигматика функционально-семантических микросистем с дублетными значениями - симметрична. В них почти соответствуют план выражения с планом содержания, что может представляться в различной форме, в особенности дублетов в составе сопоставляемых языков.

В современном русском языке данное понятие также широко употребляется. Оно трактуется в значениях «двойник, подобие, копия» и в морфологическом выражении используется в качестве существительных - *дубликат документа*, прилагательных - *дублирующий состав* и глаголов - *дублировать что-либо*.

В отечественном языкознании впервые данная проблема была освещена в работах известного таджикского лексиколога, специалиста в области синонимии – Мухаммадиева [88; 56].

Как такового, понятия «дублет, дублетность» или «слова-дублеты» в отечественном таджикском языкознании не существует.

Абсолютные синонимы (дублеты) составляют особую группу парных синонимов в рассматриваемых языках. Абсолютными синонимами называются слова, которые не имеют ни семантических, ни стилистических различий: напрямую = непосредственно (наречие); употреблять = использовать = применять (глаголы), реликвия = раритет (существительные).

В русском языке наблюдается не столь большое количество слов-дублетов. В ходе исторического развития синонимов, или изменяется их стилистическая окраска, или сфера их употребления. Например: *азбука – алфавит, забастовка – стачка, самолет - аэроплан*. В ТЯ образцом таких абсолютных дублетов считаются синонимы *чаҳон – дунё – олам*, хотя в ТЯ наблюдается довольно большое количество синонимичных к ним слов, которые по характеру употребления больше являются стилистическими, так как применяются в различных художественных контекстах. Например, *чаҳон, дунё, чарх, сипехр* и др.

Итак, дублеты – это взаимозаменяющие попарно используемые слова, обладающие одинаковой семантической нагрузкой, которая, однако, не всегда эквивалентна. Они употребляются попарно только в контексте, и только это дает право называть их дублетами. Следовательно, они имеют непосредственное отношение к синтаксической синонимии, так как зачастую применяются в различных предложениях во избежание однообразия и повтора слов. Дублеты дополняют и объединяют значения, которые в отдельности не всегда несут определенную семантическую нагрузку. Кроме того, парадигматика синонимов с дублетными значениями - симметрична. В них почти соответствуют план выражения с планом содержания, и это приводит к яркой и неординарной выраженности дублетов.

Для исчерпывающей характеристики лингвистической концепции о словах-дуплетах весьма важным представляется понимание и выбор области, сведения из которой необходимы для объяснения закономерностей развития и функционирования языка.

Как таковое понятие «дублет» на данный момент существует лишь в европейском языкознании. Тем не менее, таджикскими лингвистами в данном направлении осуществлен ряд работ, в которых данный термин освещается как «муродифоти чуфтистеъмол», «муродифҳои чуфткорбурд», «синонимҳои чуфт» и т.д. [87; 67].

Необходимо отметить, что работы известного таджикского лексиколога М.Мухаммадиева были лишь первым шагом на пути исследования таджикских дублетов. Это самое первое суждение о новом аспекте структуры дублетов таджикского языка. Однако, к сожалению, данный вопрос по сей день не нашёл своего должного анализа и исследования и не проник в учебники по таджикскому языку, и даже в академическое издание грамматики таджикского языка.

Наряду с этим, в большинстве видов стиля речи дублеты используются довольно широко, они даже имеют различные разновидности и отображают

природу таджикского языка. Выясняется, что такие слова не появились или были заимствованы из других языков, а всегда исконно существовали.

В академической русской грамматике и в некоторых научных работах, посвященных проблеме синонимии принят к употреблению термин «дублетность». По нашему мнению, этот выбор является наиболее подходящим, он звучит лучше, чем термин «дуплет». Это связано с тем, что все дублеты выражены идентичными по своей семантике словами или устойчивыми цельными выражениями.

Исследование данного вопроса имеет как научное, так и практическое значение и свидетельствует о том, что таджикский язык имеет свою особую и богатую грамматику и до сих пор в нем есть множество нераскрытых сторон, не исследованных в полном объеме.

В связи с этим, наша цель и задача состоит в том, чтобы по мере возможности пролить свет на данный вопрос и всесторонне рассмотреть суть и разновидности дублетов с целью, чтобы данная тема нашла своё место и отражение в учебниках и пополнила учебные пособия.

С целью обобщения сведений о дублетах применительно к сопоставляемым языкам, нами установлено, что дублеты по структуре принадлежат к синонимам и обладают собственным арсеналом признаков. Кроме того, они отличаются от ПС. Это связано с тем, что дублеты помимо выражения повтора, также могут выражать альтернативу. Дублеты отвечают на вопросы, так как по структуре являются неустойчивыми и разделяются на компоненты.

В свою очередь, дублеты также отличаются и от других разновидностей ПС. В данном разделе при помощи примеров мы постараемся передать отличие дублетов от вышеупомянутых парных синонимов.

Итак, собранный нами языковой материал свидетельствует о том, что в современном русском языке широко применяется 4 вида дублетов:

- 1) *синтаксические*: близкий всякому — близкий для всякого, любить поэзию — любовь к поэзии.
- 2) *словообразовательные*: белый-беленький. белехонький, рука-ручка-ручонка-ручище.
- 3) *стилистические*: певица – певичка, усмехаться - надсмехаться.
- 4) *фразеологические*: бездельничать – бить в баклуши, неожиданно – как снег на голову, благотворительная женщина – мать Тереза.

Для лингвистов интерес представляет этимология данного слова. Само выражение «дублет» заимствовано русским языком из французского, в котором оно исторически обозначало «без кольчуги», то есть использовавшийся в качестве второй одежды доспех. Дублет (фр. doublet) - это поддоспешник с нашитыми кусками кольчуги в XV-XVI веках. Изначально «дублет» был просто кожаной рубашкой, со временем превратившись фактически в кожаную куртку.

В Большом филателистическом словаре слово «дублет» трактуется следующим образом: **дублеты** — двойники, иногда ошибочно называемые дубликатами, они имеются у филателистов. Помимо коллекционных марок дублеты являются вторыми экземплярами почтовых марок и других филателистических материалов. В филателии дублеты обычно предназначаются для обмена.

Однако, возвращаясь к теме нашего диссертационного исследования, хотелось бы дать более обстоятельную информацию о дублетах лексических.

(лексико-семантические). Языкознание — языковедение. Дублеты морфологические. Порой — порою, (чашка) чаю — чая.

Лингвистический дублет, также **языковой дублет** или просто **дублет** (от франц. doublet, или прилаг. «double» — двойной) — в языкознании под дублетами понимают лексические единицы и группы единиц, одинаковых или близких по значению, связанных с одной и той же производящей основой этимологически, но в процессе эволюционного развития языка дифференцированных семантически и/или стилистически.

Наиболее широко дублеты представлены в романских языках, где в одном словообразовательном гнезде зачастую уживаются этимологически родственные слова народно-латинского, классического латинского и смешанного происхождения. Первые, как правило, сильно изменены языковыми законами просторечия (элизия, протеза, ассимиляция, изменённое ударение и др.), а классический книжный латинизм мало отличается от своего античного аналога [178].

Функционирование в средневековой Англии сразу трёх близкородственных языков (латынь, англо-нормандский язык, а затем и собственно французский язык) привело к массовым заимствованиям, многие из которых представляют собой лексические дублеты.

В текстах, наиболее близких к разговорному стилю, особенно к диалогу и монологу, можно встретить предложения, содержащие слова и конструкции, в которых дублетные компоненты являются устойчивыми, не расчленяющимися на отдельные компоненты и морфемы. Такого рода словоформы в языкознании называются словами-дублетами или же абсолютными синонимами [178].

Дублеты в синтаксическом плане не разделяются на компоненты, а также их компоненты нельзя считать морфемами. Дублеты по структуре выполняют функций различных членов предложения. Компоненты дублетов приобретают целостный смысл только в контексте, следовательно, они не обладают самостоятельным семантическим полем.

Наряду с этим, дублетные пары, которые во время диалога выражаются одним словом, ни в коем случае нельзя отождествлять со словами-предложениями, так как они отвечают на определенный вопрос и выполняют функцию того или иного предложения.

К слову, необходимо подчеркнуть, что дублетные пары и односоставные номинативные предложения, которые также преимущественно не могут быть выражены одним словом, также отличаются друг от друга, так как номинативное предложение принадлежит к одному из главных членов

предложения – к подлежащему, кроме того, они обладают синтаксической нагрузкой в предложении.

Дублеты в основном свойственны разговорной речи, поэтому они всегда тесно связаны с контекстом и преимущественно выступают в рамках диалогической и разговорной, индивидуальной (монологической) речи.

Таким образом, в ТЯ дублеты своими характерными свойствами кардинально отличаются от частиц, междометий и звукоподражательных слов, они по своим морфологическим признакам близки к тем или иным частям речи, так как отвечают на определенные вопросы.

В конце раздела хотелось бы добавить, что по поводу смысловых оттенков дублетов великий оратор, поэт и учёный Индии – Рабиндранат Тагор сказал следующее: «У слов *ха / хуб – да/хорошо* существует около 50 новых смысловых оттенков, а слово *не/нет* обладает примерно 5%-ми дополнительных смысловых оттенков. В связи с этим для осознания смысла слова необходим глубокий талант и совершенное мастерство».

Конечно, дополнительные смысловые оттенки слова, как это было ранее отмечено, становятся доступными при помощи интонации.

Для анализа построения слов-дублетов, нам необходимо обратиться к значению данной лексики в словарях. Значение «дублетность» в различных словарях трактуется по-разному. Это, прежде всего, историческое слово женского рода, заимствованное из французского языка – «double». Значение данного термина в различных областях принимает следующие семантические оттенки:

1) *Наличие дублетов.* Заимствование с установкой на сопоставление с европейским словарем и известное подравнивание под влиятельные нормы европейского словоупотребления предполагало в ряде случаев наличие равнозначного русского материала, семантически эквивалентного приходящим иноязычным словам. Это было причиной возникновения дублетных пар и серий иного рода - из русских и иноязычных слов.

2) В русском языке это существительное мужского рода - *дублет, дубль, дублировать*, употребляется в значении «второй экземпляр какой-л. вещи» (обычно в коллекции, музее, библиотеке и т.п.); один из двух одинаковых предметов. Примеры:

На террасе стоит академия художеств, галерея дублетов, зал экспозиций [Гальберг, письма, 1818].

Велите переписать песни Ходаковского, я тогда буду знать, какие присылать вам песни, чтоб у вас не было двух сходных дублетов [Гоголь - М. А. Максимовичу, 1833].

Данный термин широко употребляется в сфере ювелирного дела (дублеты – это поддельные камни), в карточной игре в банк (Нет, вот попробуй он играть *дублетом*, так вот тогда я посмотрю, я посмотрю тогода, какой он игрок! - Гоголь «Мертвые души»), в речи охотников (При стрельбе *дублетами*, стрелок должен убить двумя выстрелами в лет двух птиц, выпущенных одновременно. Ивашенцев, 1906), в музыке - двойной регистр в органе, инструмент для сучения у кружевниц (Чудинов 1902). Также дублетами называют фотообъектив из двух линз (*Капельзон*), пару близко расположенных спектральных линий (напр., желтый дублет в спектре натрия) [125].

В ТЯ применение дублетов, также как и ПС, является достаточно распространенным явлением. Как указывалось ранее, в таджикском языкознании указанный термин до сих пор не разработан, о дублетах упоминается в работах ряда таджикских лингвистов только в качестве парных синонимов [87;56, 57].

1.3.4. Соотношение дублетов с когнатами

Для того чтобы исследование проблемы ПС было наиболее полным, мы сочли необходимым в завершении нашего диссертационного исследования дать

краткую характеристику понятия о когнатах, хотя данная область в настоящее время еще не исследована.

Итак, **когнаты** (лат. *cognati* букв. «родственные») – в языкознании данный термин обозначает однокоренные слова с общим происхождением, которые в двух и более самостоятельных языках имеют схожее звучание. Семантическое сходство когнатов может подвергаться изменению и не всегда совпадает полностью. В связи с этим когнаты условно можно разделить на полные, которых меньше, и частичные, которых больше. Когнаты появляются в языке в ходе его исторического взаимодействия с другими языками. Когда взаимодействие происходит между разносистемными языками, например, между русским и молдавским, румынским, французским и английским или таджикским и тюркскими языками, когнаты возникают как следствие языковых заимствований. Однако в близких по структуре языках когнаты становятся языковыми дублетами. Когнаты являются предметом изучения таких отраслей языкознания, как этимология и семантика, а также сравнительное языкознание [176].

В европейской лингвистике понятие о когнатах для обозначения подобных языковых явлений внедрилось сравнительно недавно — в XX веке. Однако в Большой советской энциклопедии значение слова «когнат» трактуется как «родственник». Еще одно значение данного слова связано с юриспруденцией. В римском праве когнатами называются лица, находящиеся в кровном родстве по женской линии, а также кровные родственники в целом [179].

От когнатов в корне отличаются слова с похожим звучанием, но совершенно разным значением. Эти слова отличаются также и совершенно разным происхождением. Кроме того в языкознании отличают *ложные когнаты* — слова с похожим звучанием и значением, но разные по происхождению.

Когнаты существенно отличаются от такого языкового явления как дублеты, которые также можно отнести в данную категорию слов, однако с

учетом того, что они все же более близки к термину лингвистический дублет, их скорее всего следует отнести к категории **языковых дублетов** или просто **дублетов** (от франц. doublet, или прилаг. «double» — двойной), которые в языкознании понимаются как лексические единицы и группы единиц, одинаковых или близких по значению, связанных с одной и той же производящей основой этимологически, но в процессе эволюционного развития языка дифференцированных семантически и/или стилистически. Однако в связи с тем, что наше исследование преследует цель изучения языкового явления синонимии и в частности, парной синонимии, мы не сочли необходимым включить исследование когнатов в рамки нашего исследования и ограничиться лишь приведением нескольких примеров. Процесс «когнатизации» РЯ протекал по мере его развития и контактирования с иностранными языками. В настоящее время употребление таких ПС – когнатов также является достаточно распространенным явлением.

По своей структуре слова-когнаты состоят из исконного слова и парного ему, или сопровождающего его когната. Например, *игра плей-офф, игра ва-банк, поездка нон-стоп, река Амударья, свободный фристайл* и т.д. Подобным образом в составе ТЯ вначале некоторые русские заимствования использовались с рядом таджикских слов и составляли синонимические пары «*оби газ-вода, равгани масла, нони хлеб*» и т.д. Ныне такой способ выражения сохранился только в разговорном стиле речи, поэтому большое количество парных когнатов можно считать происходящим от совокупности заимствований с исконными словами таджикского языка. Однако для отраслевой лексики ТЯ также как и для РЯ характерно употребление исконного варианта вместе с его иностранным попутчиком-когнатом: *бозию плей-офф, корманди аутсорс, дарёи Ист-ривер, шабакаи Тајсет* и др.

Как видно из этих примеров, когнаты отличаются от дублетов и парных синонимов своей структурой словосочетания. В отличие от дублетов они более близки к ПС, так как оба компонента когнатного выражения самостоятельны в

семантическом отношении, однако их существенная разница от ПС заключается в некоторой «искусственности» второго, дублирующего первый, компонента. По большому счету в нем нет острой необходимости, без употребления когнатного слова выражение не потеряет своей семантической нагрузки. Но парное употребление когната с первым доминирующим компонентом также как и ПС, также как и редупликат, также как и дублет, эмоционально подчеркивает значение всей фразы и усиливает ее смысловую окраску.

1.3.5. Повторные слова

Иногда утвердительные, отрицательные, вопросительные, восклицательные слова повторяются, в результате чего их содержание становится более весомым и влиятельным. Например:

- *Тавба, тавба!* - *гӯён гиребонашонро медоштанд бибем...* (Абдумалик Бахори). – Со словами тавба, тавба (дословно: прости Господь) моя бабушка хваталась за свой воротник.

Порой утвердительные и отрицательные повторы принимают синонимы, распространяющие их. В этом случае содержание повторов становится более значимым и влиятельным. Пояснительные слова-синонимы употребляются параллельно или после повторов и выражают единое значение, при этом они разделяются на составные компоненты. Например:

Ситора: - Илтимос, маро як нафас танҳо гузоред.

Шавкатзода: - *Ҳа-ҳа, хуб!* (Мехмон Бахти).

В данной части работы уместно отметить ещё один внешний признак повторов. В разговорной речи дублеты могут встречаться чисто в виде диалога, что составляет характерную особенность любого языка, в том числе и таджикского. Например:

- *Истода-истода* алам мекунад, ки мани нодон чаро ҳамон вақт ба гапи ту гӯш накардам (Сафо Халими «Бандаи ношукр»). – Постепенно становится обидно, что я в свое время не послушался тебя.

Здесь повтор *истода-истода*, по своим морфологическим признакам соответствующий деепричастной конструкции, по структуре оформлен в дефисном виде, что является характерной формой повторов ТЯ. В следующем примере так же обнаруживаются подобные признаки повторов:

Агар ҳамон вақт ба назараи ягон одам – хусусан бача намояд, ба дасташ гирифта ба осмон расонда молиш дода-молиш дода, ба офтоб бирён намуда майда-майда карда мехӯрад.

Таким образом, мы рассмотрели структуру построения слов-дублетов, которая ранее в отечественном языкознании вскользь упоминалась в работах известного лексиколога М.Мухаммадиева [87; 102]. Необходимо отметить, что в таджикском языкознании два вида дублетов – *дефисные и выраженные словосочетанием* – только упоминались под данным названием, однако об их структуре никем ничего не отмечалось [88; 19]. Отобранный нами языковой материал ТЯ установил, что в разговорном стиле таджикского языка наибольшей популярностью пользуются именно дефисные и сложнопроизводные конструкции дублетов, тогда как выраженные словосочетанием дублеты наиболее соответствуют парной синонимии. Выражение дублетов в виде последующих друг за другом синонимов и антонимов с одной стороны обеспечивает слишком укороченный стиль речи и тем самым доказывает особенность данного стиля, а с другой стороны, оно также создает представление об одновременном употреблении в ряде случаев двоякой мысли говорящего.

Повторные слова сильно отличаются от остальных, близких к парной синонимии, явлений. Их легко отличить от других подобных явлений по признаку идентичности первого и второго компонентов, которые пишутся либо через запятую, либо через дефис. Они, как и редупликаты, дублеты и ПС

усиливают экспрессию выражения, отображают семантический признак времени и продолжительности действия.

1.3.6. Звукоподражание

Звукоподражательные слова в сопоставляемых языках имеют много общих черт: примерно одинаковое количество суффиксальных звукоизображений. Возможно, эту черту следует интерпретировать как общую, унаследованную обоими сопоставляемыми языками из ранней индоевропейской эпохи, то есть структурную черту, сохраняющуюся в особой лексической нише, “отстающей в своем развитии” от общих темпов развития языка.

Звукоподражательные единицы способны к формообразованию и словообразованию. Подавляющее большинство звукоподражательных слов являются глаголами. Как в русском, так и в таджикском языках имеется довольно большое количество производных имитативных образований в виде имен существительных и прилагательных. Основными способами такого образования является суффиксация, основосложение, редупликация и конверсия.

Распространенность и частотность редупликации варьируется от языка к языку. В тех языковых системах, где редупликация является употребительным видом словопроизводства, она тесно взаимосвязана со звукоизобразительностью. Эта взаимосвязь и есть мотивирующий признак, положенный в основу слов, которые являются результатом редупликации.

Звукоподражательные слова строятся на основе повторения одного и того же слова и является словоформой. Между компонентами звукоподражаний обычно ставится дефис. Фонологическая и лексико-грамматическая сущность редупликативных единиц заключается в том, что они являются прежде всего одним из продуктивных способов и средств

словообразования и пронизывают все уровни языка: фонетики и фонологии, лексики и морфологии, синтаксиса и стилистики.

Конверсия также играет огромную роль в словообразовании звукоподражаний в сопоставляемых языках. Например: трещать, щебетать, (глагол.), трещотка - а) детская погремушка; б) фраз. Болтливый человек. В таджикском языке эти единицы передаются в форме трещать – тарақотурук кардан, щебетать – чуғур-чуғур кардан.

Еще одним способом словообразования звукоподражательных слов является аффиксация. В РЯ это суффиксы – **от**, **-ет** (грохот, скрежет), **-ать** (грохотать, скрежетать, стучать). В таджикском языке: **-ак**, **-й**, **-ос**, **-она**: хуштак-свист, лаққй-болтовня, гулдуррос-грохот, хашмгинона- гневно и т.д.

Однако к явлению парной синонимии близкими являются те звукоподражательные слова, которые строятся на основе повторов и попарного применения компонентов. К разряду таких слов в РЯ относятся: *топ-топ, тук-тук, тьяп-ляп, шмыг-шмыг, шум и гам, шум и визг, кряхтеть и пыхтеть, стук и лязг* (отсюда глагол стучать и лязгать зубами) и др. В ТЯ такими словами, употребляемыми попарно, являются: *тақару туқур, шақару шуқур, дангару дунгур, шарақ-парақ, тапар-тупур, чангар-чунгур, гиринг-гиринг, ҳапал-тапал* и др.

Таким образом, в отличие от повторов звукоподражание строится на основе имитации звуков с определенным семантическим значением. Они также отличаются и от редупликатов, которые, хотя и строятся на основе фонетического подбора лексических единиц (шиворот навыворот, страсти-мордасти), но все же лишены имитационной основы (треск, лязг, шепот и т.д.). В обоих сопоставляемых языках звукоподражание является достаточно распространенным явлением, которое по способу построения, но не по семантическим признакам, напоминает ПС.

Выводы по первой главе исследования.

Перечисленные выше языковые явления по форме и содержанию достаточно близки к парной синонимии, но их специфические свойства, морфологическая структура, характер употребления и стилистико-композиционные особенности дают возможность провести четкое разграничение между этими явлениями, которые носят в основном фонетический характер, и парной синонимией сопоставляемых языков.

В главе установлено, что для ПС, редупликатов, дуплетов и их восприятия в обоих языках, помимо общих признаков, характерны отличительные свойства, выражающиеся преимущественно в синтаксических особенностях и, в меньшей мере, - в структурных. Динамика развития названных форм в этих языках различна.

В отличие от русского языка, в таджикском существуют другие виды синонимии. Такими формами являются дефисная конструкция, сложносоставное словообразование и изафетное словосочетание, которые внешне относимы с различными частями речи. Для русского языка подобные формы не характерны, поэтому их значения передаются синонимами в спрягаемой форме.

Ряд таджикских лингвистов в ходе рассмотрения языка и стиля произведений того или иного литератора или в процессе исследования лексики его наследия вкратце останавливаются на вопросах синонимии. Однако вопрос о сфере употребления парных синонимов в современном таджикском литературном языке по настоящее время нуждается в отдельном диссертационном исследовании. В частности, сопоставление данной категории синонимов с русскими парными синонимами впервые проводится в нашем диссертационном исследовании.

Основной отличительной чертой парных синонимов (здесь и далее - ПС) является то, что они выражают те явления, признаки и действия, которые распространяют и поясняют объект. По этой причине ПС противопоставляются обычным синонимам.

Лингвокультурная обусловленность парных синонимов и их художественное оформление определяют характер их частотности употребления. При этом релевантность представляет оценочный или образный признак концептов описания, что обусловлено коммуникативно-прагматическими задачами синонимии. Для построения ПС в сопоставляемых языках применяются такие способы, как аффиксация и словообразование. Но в отличие от других видов синонимии парные синонимы не отличаются большим спектром аффиксации и словообразования, так как они заключены в определенные рамки соответствующих моделей и конструкций.

ГЛАВА II. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПС И ИХ КОМПОЗИЦИОННО – СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

2.1. Функциональное назначение парных синонимов РЯ и ТЯ на морфологическом уровне

В сопоставляемых языках близкие в семантическом отношении категории синонимов объединяются благодаря общему категориальному признаку, которым, как правило, бывает семантический признак. Синонимия сопоставляемых языков выявляет, что это - совокупность лексически не однотипных единиц, которая возникает на основе языковых взаимоотношений и функциональных способностей лексических единиц. Эти особенности связаны с художественным контекстом и его внутренней структурой. В условиях синонимии внутрикатегориальные единицы вступают во взаимосвязь на основе семантических отношений. Указанные взаимоотношения при синонимизации, в свою очередь, зависят от связи, устанавливающейся между категориями и лексическими единицами. Языковые отношения и функции синонимов языка в художественной литературе считаются основными признаками категорий, употребляющимися при формировании синонимических рядов и особенностей их внутренней организации. В литературе, особенно в поэзии, реализуются способы употребления и выбора языковых средств, которые зависят от специфики и целей автора. Эти способы тесно взаимосвязаны со словарным составом, они применяются с учетом синтаксической и стилистической оценки близких в качестве синонимов слов.

И хотя анализ языка художественного произведения давно притягивает к себе внимание отечественных и зарубежных ученых, все же самые важные и основные проблемы и в наши дни все ещё реализуются недостаточно. К таким проблемам принадлежит исследование роли и значения семантических и

стилистических синонимов, их специфических особенностей в свете художественной литературы. При этом исследование синонимов, особенно в поэзии, имеет огромное значение при раскрытии индивидуального почерка, стиля и поэтического таланта автора. В частности, таджикскими языковедами осуществлено немало исследований, посвященных семантико-стилистическим особенностям поэзии классиков персидско-таджикской литературы. Это способствовало раскрытию особенностей таджикской лингвокультуры и языка конкретного исторического периода.

В сопоставляемых языках семантический класс ПС по семам состояния, действия и движения предметов условно можно разделить на три основные части: 1) ЛЕ с общим значением номинативного восприятия; 2) ЛЕ восприятия свойств и качеств предметов; 3) глагольные ЛЕ, обозначающие типовую сему орудийности (восприятия, реакции). Остальные подклассы в своей семантике содержат конкретные семы: *«воспринимать, действовать, быть/являться»*.

В русском и таджикском языках основу семантической структуры глагольных ПС составляет знаковое отражение признаков объективной действительности. Это отражение возникает как следствие человеческого восприятия. Следовательно, двуединая природа конструкций с парными синонимами в русском и таджикском языках представляет собой концепт, отображающий различные состояния и системно связанные сложные образования.

По этой причине значения парных синонимов обозначают своеобразный языковой пласт или специфическое языковое явление.

Семантический план ПС в сопоставляемых языках многогранен, например, значениям наречий в обоих языках однозначно свойственна сема процессуальности.

Семантические классы (микрополя) ПС также затрагивают проблему валентности. Термин «валентность» обозначает связь между знаками и значениями языка, которые при реализации конкретного семантического заряда

выполняют многофункциональные задачи.

Проблема валентности принадлежит к числу важных вопросов сегодняшнего языкознания, хотя содержание и соотношение валентности установлены не до конца.

Впервые термин «валентность» был использован со стороны французского ученого Л.Теньера, рассмотревшего структурно-грамматические особенности данного явления [114; 134]. Валентностные отношения парных синонимов по частеречным признакам будут рассмотрены нами в последующих разделах данной главы нашего диссертационного исследования.

В данной же части исследования рассмотрим функциональность парных синонимов на примере существительных, так как именно этот морфологический пласт обладает наиболее мощной потенцией в применении парных синонимов и в раскрытии их функциональных возможностей.

Грамматическая и семантическая сложность и ёмкость номинативной структуры конструкций с существительными в обоих языках заключается в том, что эти классы попарно употребляющихся лексических единиц взаимосвязаны с именами прилагательными. С другими частями речи и грамматическими категориями они функционируют на основе грамматической и семантической природы существительных, которые являются источником их номинативного происхождения. Синонимия лексических элементов включается в иерархическую систему семантики существительных как особое звено со специфическими микрополями.

Иерархическая структура лексической модели словосочетаний реализует принцип распределения его элементов на составные части по частеречному признаку. В свою очередь, эти части разделяются на внутренние семантические подгруппы, которые впоследствии образуют синонимические гнёзда (ряды).

Большое число существительных русского языка состоит из словарных единиц, которые принадлежат к семе «одушевленный предмет». Эта сема с помощью нейтрального с семантической точки зрения существительного

человек и его синонимов характеризует различные объекты данной семы. В эту категорию входят такие существительные, как *мать, женщина, отец, мужчина, друг, враг* и др. Существительные, принадлежащие к данной категории, одинаково достаточно легко переходят из одной части речи в другую:

Nom.	Adj.	Adverb.	Verb.
<i>Мать</i>	<i>материнский</i>	<i>по-матерински</i>	<i>быть / стать матерью</i>
<i>Отец</i>	<i>отцовский</i>	<i>по-отцовски</i>	<i>отцовствовать</i>
<i>Друг</i>	<i>дружеский</i>	<i>дружно</i>	<i>дружить</i>
<i>Враг</i>	<i>вражеский</i>	<i>враждебно</i>	<i>враждовать</i>

В таджикском языке данное перемещение семы из одной части речи в другую реализуется примерно такими же путями, как и в русском языке. Однако ТЯ для распространения частеречной синонимичности располагает более широким арсеналом средств (как аффиксация, так и морфологический способ образования лексем). К примеру:

Nom.	Adj.	Adverb.	Verb.
<i>Модар/ Модарӣ</i>	<i>модарона</i>	<i>модарвор</i>	<i>Модарӣ кардан/ модар шудан</i>
<i>Падар/ Падарӣ</i>	<i>падарона</i>	<i>падарвор</i>	<i>Падарӣ кардан/ падар шудан</i>
<i>Дӯст/Дӯстӣ</i>	<i>Дӯстона</i>	<i>дӯствор</i>	<i>дӯст доштан(ИЗ)</i>
<i>Душман/Душманӣ</i>	<i>душманона</i>	<i>душманвор</i>	<i>душманӣ кардан</i>

Показательно, что такое же путешествие из одной части речи в другую можно проделать с большинством ЛЕ, принадлежащим к различным частям речи. К примеру, таблица с прилагательными и их переходом в другие части речи:

Adj.	Adverb.	Verb.	Nom.
<i>зебо (красивый)</i>	<i>зебанда (к лицу)</i>	<i>зебидан (подходить, соответствовать)</i>	<i>зеб (краса)</i>
<i>динӣ</i>	<i>диндорона</i>	<i>дин доштан</i>	<i>дин (религия)</i>

<i>(религиозный)</i>	<i>(религиозно)</i>	<i>(следовать религии)</i>	
<i>маккор (лживый)</i>	<i>маккорона (лживо)</i>	<i>макр кардан (лгать)</i>	<i>макр (ложь)</i>

Существенная особенность таджикских частеречных синонимов заключается в их парном употреблении после перехода в другую часть речи: *зебу фар* (сущ. краса и величие)→*зебову доно* (прилаг. красивый и умный)→*зебандаву шинам* (нареч. к лицу и по стати); *макру фиреб* (сущ. ложь и обман)→*маккору фитнаангез* (прилаг. лживый и провоцирующий) и другие. Например,

1) *Берун частам зи қайди ҳар макру ҳиял,*

Ҳар банд кушода шуд, магар банди ачал. [Абуали ибн Сино]

Подстрочный перевод:

Перешагнул черту обмана и лжи,

Раскрыл все узлы, кроме узла смерти.

2) *Сад қону дил фидои як муддаои модар,*

Фатху кушоиш орад дасти дуои модар... [Лоик]

Подстрочный перевод:

Сто душ и сердец да будут жертвой одного желания матери,

Раскрытые в молитве ладони матери приносят победу и удачу.

3) *Ширинтару лазиз аз шири модар аст,*

Қимматтару азиз аз дурру гавҳар аст. [Мумин Каноат]

Подстрочный перевод:

Слаще и вкуснее материнского молока,

Дороже и роднее редких камней и жемчуга.

4) *Хусрав гариб асту гадо, к-уфтода дар шаҳри шумо,*

Бошад, ки аз баҳри Худо, сӯи гарибон бингарӣ. [Хусрав Дехлави]

Подстрочный перевод:

Хусрав скитается и нищенствует в вашем городе,

Хоть бы, ради Бога, ты взглянула на скитальца.

5) *Хабар ин аст, ки бо теги ситам кушта шудаст*

Додарам – куввати дилу рӯху кути цигарам... [Айни]

Подстрочный перевод:

Известие в том, что убить кинжалом насильника

Мой брат – опора сердца, души и тела.

В данных отрывках из произведений известнейших авторов таджикской литературы использованы многочисленные парные синонимы, которые по своим функциональным характеристикам отличаются достаточно активным применением, преобладают в таких частях речи, как существительные и прилагательные и по структуре в основном строятся с помощью соединительных союзов *-у, -ю, -ву* и *ва*.

Схожая модель построения парных синонимов характерна и для РЯ, хотя структура данного разряда слов в большинстве случаев состоит из дефисной конструкции:

1. Попрыгунья-стрекоза лето красное пропела,

Оглянуться не успела, как зима катит в глаза... [И.А.Крылов]

2. Аты-баты, или солдаты с песней на парад,

Может сто, а может даже двести лет назад [И.Резник]

3. Ой, ты степь широкая, ой, ты степь раздольная,

Ой, ты Волга-матушка, Волга вольная [народная песня]

Выявление закономерностей функциональности ПС в сопоставляемых языках обусловлено объединением различных слоев и уровней структуры, прежде всего, лексического и грамматического ярусов.

Взаимосвязь между грамматическим и лексическим уровнями неоднократно отмечалась российскими и отечественными лингвистами. Еще в своих исследованиях В.В.Виноградов подчеркивал, что «изучение грамматического строя без учета его лексической стороны, без учета взаимодействия лексических и грамматических значений невозможно» [23; 13,12].

Функциональное исследование отдельных лексических ярусов и категорий описывается на базе функционально-семантических полей.

Языковая характеристика различных частей речи описывает особенности использования знаковых систем, которые обеспечивают и сам процесс осмысления сущности, признаков и состояний, и обязательную семантическую фиксацию результатов этого осмысления.

Словесный знак, из которого состоит структура слова, содержит информацию, из которой составляется значение слова: (*бод / шамол / насим - ветер; лазиз / бомазза / хуштаъм - вкусный; тамошо кардан / дидан/ нигоҳ кардан/ бо чашми сар дидан – видеть (своими глазами), ба оянда назар андохтан – смотреть в будущее* и др.). При этом средства и способы построения новых конструкций запускают механизм субстантивации, адъективации или вербализации. В связи с этим, всем конструирующим знакам свойственна такая степень вербализации, которая выступает как единое целое в процессе реального общения. Активизация употребления средства и способов построения новых конструкций зависит от типа коммуникации, вербализации синонима или дуплета, знаковой субстантивной, адъективной или вербальной реакции на событие и явление. В одной из своих научных работ по морфологии Касевич справедливо отмечает, что «знак служит не только цели сообщения готового мысленного содержания, но является инструментом, благодаря которому само это содержание складывается и впервые приобретает полную определенность» [62; 202-209]. Данное суждение характеризует явления парной синонимии в сопоставляемых нами языках и четко определяет морфологические особенности РЯ и ТЯ.

Таким образом, ПС в исследуемых языках отличаются большими сходствами. Наряду с этим их основное различие состоит в том, что в русском языке глагольные парные синонимы четко дифференцированы по основным частям речи, а в таджикском языке частеречная форма выражения ПС является достаточно произвольной.

Оппозитивный метод выявления морфологической синонимии в исследуемых языках может быть успешно применен в разработке синонимических отношений морфологических конструкций. Различные способы нейтрализации оппозиции грамматических форм и структур приобретают особое значение в образовании синонимических рядов.

2.2. Функциональное назначение парных синонимов на синтаксическом уровне РЯ и ТЯ

Вопрос изучения синтаксической синонимии и вариативности представляет огромный интерес для определения основных направлений развития языка в целом, совершенствования его стилистических средств выражения. Вопрос формирования и употребления стилей речи тесно связан с дифференциацией лексических и фразеологических единиц, с грамматическими формами и конструкциями. Грамматические свойства каждого стиля речи формируются в процессе развития языка, в результате специализации отдельных грамматических форм и структур. Изучение синтаксической синонимии позволяет раскрыть процесс становления функциональных стилей языка.

Несмотря на то, что проблемы синонимии наиболее хорошо раскрыты на лексическом уровне, в этом направлении все же осталось много неразрешенных вопросов, так как ученые определяют синонимы с самых различных точек зрения. Ретроспективный анализ завершенных в данном направлении исследований выявляет, что в основном к лексическим синонимам относятся тождественные или близкие по смыслу слова, которые различаются в основном по семантическим оттенкам и стилистическим особенностям. Приведем ряд примеров из художественной литературы, в которых ПС таджикского языка представлены описанными

выше лексическими синонимами:

- 1) *Ҳавои **боғу бӯстон** хуррам аз туст,
Замини Тоҷикистон **хуррам** аз туст.*

Перевод: Весь воздух цветников тобою напоен,
Оплот Таджикистана тобою окрылен.

[Р.Чалил, Маъвои дил, с.81]

- 2) *Дар берун боди **тунду тез** ва **барфолуд** шуввас мезад.* (Ф.Ниёзи. Избранное, с.34) / На улице дул сильный и смешанный со снегом ветер.

3) *Занак **ҷавон**, **чашму абрӯяи сиёҳ**, **муйҳояи дароз**, **бисёр хушрӯ ва зебо**.* (С.Айнӣ, Куллиёт, III, 106, 305) / женщина – молодая, с черными глазами и бровями, очень красивая.

Как видно из приведенных выше примеров, в которых определение в большей степени выражено с помощью прилагательных, на парный характер синонимичных единиц указывает их перевод на русский язык одним словом, т.е. парность придает им слитный характер и воспринимается как единое целое (*боғу бӯстон* – цветники; *тунду тез* – сильный; *хушрӯ ва зебо* – красивый (-ая)). Основная отличительная черта парных синонимов ТЯ и РЯ в морфологическом плане скрыта именно в отличии данной функциональности, т.е. в том, что в ТЯ в роли синонимичной пары выступают близкие по смыслу и дополняющие друг друга единицы, преимущественно принадлежащие к одной части речи, а в РЯ данная функция выполняется преимущественно дуплетными парами (Волга-матушка, попрыгунья-стрекоза), в которых вторая лексема выполняет роль пояснителя и расширителя лексического значения предыдущей единицы в дуплетной паре. Об этой наиболее важной особенности парных синонимов в составе РЯ мы более обстоятельно остановимся в третьей главе нашего диссертационного исследования.

В определении особенностей синонимов мнения ученых в некоторой степени расходятся. Например, В.А.Звегинцев считает, что синонимы необходимо определять на основе тождества дистрибуции и валентности

слов. Однако Н.Ю.Шведова считает, что тождество валентно-дистрибутивных свойств слов не всегда может служить наглядной иллюстрацией их синонимичности. Анализ сочетаемости представляется необходимым лишь при выявлении контекстуальных лексических синонимов.

По мнению Ю.Д.Апресяна общность или близость значения слов нельзя рассматривать как основу их синонимичности потому, что отсутствует экспериментальный путь сравнения слов с этой точки зрения и при исследовании особенностей семантической общности синонимов исследователи сосредотачивают внимание на их различиях, а не сходствах [6; 216-218]. Соответственно, необходимость точного и исчерпывающего определения значения синонимических слов и поиски путей экспериментальной проверки способствовали тому, чтобы ученые-языковеды обратились к методике коммутации, к определению синонимов с помощью парадигматической замены.

В своих работах Ю.Д.Апресян четко сформулировал несколько условий, необходимых для того, чтобы считать два слова синонимичными:

1. Полное совпадение их словарных толкований;
1. Соответствие их валентностных свойств;
2. Синонимы должны относиться к одной и той же части речи [7; 223].

Рассматривая синонимию прилагательных в первой главе, мы отметили, что по своим семантическим характеристикам синтаксическая синонимия распознается в контексте и проявляется только при вторичном значении. В сфере основных и второстепенных значений синтаксических форм и конструкций синонимия возникает как результат того, что нейтрализуется оппозиция по значению между одной или несколькими семами одной единицы и семой другой единицы. Неполное совпадение сем соотносительных единиц не препятствует их синонимическим отношениям и свидетельствует о том, что для синтаксических синонимов РЯ и ТЯ характерно определенное семантическое различие, проявляющееся в

области второстепенных значений и коннотативной окраски. Например, одну и ту же мысль (сему) можно выразить в различных формах: 1) *В конкурсе чтецов приняло участие восемнадцать студентов* (простое повествовательное предложение); 2) *Восемнадцать студентов, принявших участие в конкурсе чтецов, получили ценные подарки* (СПП). Обе приведенные синтаксические единицы объединены между собой единой семантической парадигмой и структурой. В связи с этим, их можно подвести под категорию **межаспектных синонимов**.

Известный таджикский языковед Б.Камолиддинов в своем фундаментальном труде «Синтаксическая синонимия в современном литературном таджикском языке», рассматривая труды российских ученых по данному вопросу, отмечает, что понятие одноаспектной и межаспектной синонимии, введенное Е.И.Шендельсом, нельзя смешивать с параллелизмом [60; 178]. В частности, он говорит: «Необходимо различать межаспектную и внутриаспектную или одноаспектную синонимию. Первая занимается выявлением всевозможных способов выражения данного значения в языке, независимо от того, являются они грамматическими или нет. Исходной позицией при этом является факт действительности, претворение в содержание мысли, коммуникативное задание» [60; 184].

Однако сближение и даже совпадение языковых единиц не может ограничиваться пределами чисто грамматической синонимии. В пределы грамматической синонимии обоих исследуемых языков с трудом входят все средства и способы выражения, употребляющиеся для повторного (попарного) употребления одного и того же явления или события. Например: *Мальчик ехал на велосипеде. Ветер трепал волосы велосипедиста. Езда на велосипеде доставляла ему явное удовольствие.*

В РЯ также одинаково широко употребляются конструкции, построенные с помощью глаголов и конструкций, построенных с помощью причастий: *Мальчик, который ехал на велосипеде/ Мальчик, ехавший на велосипеде.*

Такая же картина свойственна и для ТЯ. Более того, в ТЯ синтаксические единицы проявляют большую по сравнению с РЯ активность в плане изменения и вариативности форм и средств выражения и перехода из одной части речи в другую и тем самым, изменения своей грамматической формы. Например, приведем несколько синтаксических единиц (словосочетаний), формы которых произвольны в грамматическом отношении, при том, что их семантические особенности одинаковы: *чавонмард – марди чавон, тиразан – зани тир, колхозчидухтар – духтари колхозчӣ, Аҳмада китобаши – китоби Аҳмад, гапа камаши – гапи кам, онҳое, ки ҳеч (кас) буданд – ҳечбудагон, шахсони мансабдор – мансабдорон* и др. Как можно увидеть из этих языковых фактов, словосочетания свободно могут быть заменены как отдельными словами, так и простыми предложениями, что, по мнению профессора Камолиддинова можно отнести к категории межаспектных синонимов или *грамматических параллелизмов*[60; 39].

Межаспектные синонимы зачастую ошибочно смешиваются с такими параллелизмами как *Ассалом, рафиқон / Рафиқон, ассалом*, а также с *вариативностью и дублетами*. Инверсия компонентов словосочетания, изменение позиции членов предложения, перемена местами предикативных компонентов сложного предложения ведет к созданию вариантов одной и той же синтаксической конструкции.

Толкование термина «синонимический параллелизм» в словаре О.С.Ахмановой ученый считает неверным [60; 37], так как в нем отсутствует разграничение между параллелизмом и синонимией: «Синонимия словосочетаний, возникающая вследствие семантического совпадения различных синтаксических построений... «голубоглазый ребенок/ ребенок с голубыми глазами» [151; 311].

В межаспектных синонимах близость и сходство наиболее проявляются лишь в содержании и номинативном значении. Их эквивалентные единицы могут принадлежать к различным грамматическим

уровням и различаться по своим синтаксическим функциям. Например, в РЯ: 1) *Человек, который любит работать – трудолюбивый человек*; 2) *Тема, вызвавшая интерес у читателей – интересная тема* и т.д.

В ТЯ: 1) *Замине, ки он ба наздикӣ **кишту кор** шуд – замини навкорам*;
2) *Мактабе, ки ба қарибӣ таъсис ёфт – мактаби навтаъсис* и т.д.

На основе приведенных примеров можно прийти к выводу, что в РЯ и ТЯ в качестве грамматических и межаспектных синонимов употребляются сложные слова и их синонимические конструкции, которые свободно взаимозаменяют друг друга в тексте. Основные компоненты синонимичных конструкций, выраженные различными категориями слов и выступающие в различных функциях в составе синтаксических единиц, также могут быть основой межаспектных синонимов, при этом зачастую нерамочные конструкции выступают как предикативные группы, а рамочные конструкции играют роль второстепенных членов предложения. Например: *Человек, который любит работать с охотой и легкостью выполняет задачу. Трудолюбивый человек никогда не откладывает работу на потом.* Здесь нерамочная конструкция *человек, который любит работать* во втором предложении стала рамочной и выступила как определение. Несмотря на то, что во втором предложении речь идет о самом лице, все же оба предложения объединены общим содержанием и являются между собой парными синтаксическими синонимами.

В РЯ: *Широкой этой свадьбе было **места мало** –
И неба было мало, и земли.* [Л.Ошанин]

В ТЯ: ***Ғазал гуфтиву дур суфтӣ**, биёву хуш бихон Ҳофиз,
Ки бар назми ту афионад фалак иқди Сурайёро.* [Хафиз]

Подстрочный перевод:

Ты сочинил газель и создал самоцвет, так пой же, о Хафиз,
К ногам твоей поэзии бросает Вселенная все свои богатства.

В качестве примера смены позиций главными членами предложения в ТЯ неслучайно служат только два варианта, так как в отличие от РЯ для

конструкции предложения ТЯ не характерно постпозиционное расположение сказуемого. В связи с этим, можно констатировать, что частотность смены позиций главными членами в составе РЯ является более свободной, а в ТЯ обладает определенной избирательностью. Однако понятие о межаспектной синонимии не ограничивается только приведенными явлениями. Она более многогранна, так как такие синонимы могут формироваться путем изменения лексического наполнения, вариаций формы и структуры, они широко употребляются при необходимости повторного упоминания признака, действия и т.д. в тексте, что можно продемонстрировать следующим образом:

Таблица 1

МС	Синонимы	Варианты	Дублиеты
<i>Конструкции различных грамматических уровней</i>	<i>Конструкции с различным типом и средствами связи</i>	<i>Конструкции, отличающиеся по форме и порядку компонентов</i>	<i>Конструкции с незначительными структурными изменениями</i>
<i>Дарс тайёр кардан – дарстайёркунӣ – Вай дарс тайёр кард</i>	<i>Дарс тайёр кардан – дарсро тайёр кардан – тайёр кардани дарс</i>	<i>Дарсро тайёр кардан – тайёр кардан дарсро – тайёр кардани дарс</i>	<i>Дарсро тайёр кардан – дарс-а тайёр кардан</i>
<i>Оростани суҳбат - суҳбат орой- суҳбат торо</i>	<i>Суҳбат оростан – суҳбат кардан - суҳбат гузарондан – гуфтугӯ кардан - чақ-чақ кардан</i>	<i>Суҳбат оростан - суҳбатро оростан - орогани суҳбат</i>	<i>Суҳбат оростан – суҳбатро оростан</i>

Здесь необходимо дать характеристику понятия «вариативность», которое фигурирует в приведенной нами таблице. Говоря о вариативности, необходимо сначала обратиться к трудам российских ученых-лингвистов, которые в своих научных трудах хорошо раскрыли данное явление синтаксической синонимии. Общая теория вариативности языковых средств основывается на учении С. Карцевского и Р.Якобсона о возможности выражения одного понятия с помощью двух признаков, на работах Н.С.Трубецкого о факультативных и комбинированных вариантах

фонемы, на взглядах Л. Ельмслева о связи со свободными и связанными лексическими вариантами языка. Однако наибольших достижений в исследовании данного вопроса достигли Л.В.Щерба и ряд других лингвистов, которые связывают вариативность грамматических единиц с их семантикой, формой и структурой [133; 119]. Такого же взгляда придерживается и Е.И. Шендельс, который считает, что форма слова и грамматические средства (порядок слов и интонация) способны в одних случаях формировать совершенно новые конструкции, а в других – модифицировать только некоторые части конструкции, не меняя ее в целом [128; 9]. Е.И. Шендельс трактует «грамматические слова» (предлоги, послелого, союзы, частицы), интонацию и логическое ударение как неформальные или внеструктурные, а грамматические признаки слов – как формальные средства, образующие варианты [128;15]. Следовательно, грамматические формы и конструкции являются синонимами при наличии различий и значений, в противоположном же случае они являются вариантами. Однако среди российских ученых, исследовавших данный вопрос, есть такие, которые утверждают, что даже незначительные изменения значения или стилистической окраски ведут к образованию синонимии [126;189].

Итак, мы рассмотрели понятия «МС – межаспектные синонимы» и «варианты», установили их различие и привели в таблице примеры, отображающие формы и средства конструирования синонимичных, вариативных и дублетных морфологических и синтаксических единиц ТЯ. Однако вопрос о дублетах и их различиях с ПС и МС, с вариантами и параллелизмами мы, будем рассматривать в других разделах данной главы исследования. С большой долей уверенности можно утверждать, что подобная картина и частотность употребления ПС и МС, их вариантов и дублетов характерна также и для русского языка, так, в силу своих флективных особенностей, ему характерно применение различных форм и средств для образования новых параллельных морфологических и синтаксических конструкций.

Необходимо отметить, что для более детального анализа парных синонимов на синтаксическом уровне сопоставляемых языков недостаточно только рассматривать семантические сходства и различия ПС. Семантические особенности ПС не могут быть критерием для различия синонимов и вариантов, так как семантика синтаксических единиц по своей природе очень сложна, она содержит лексический, грамматический и стилистический слои. Ряд ученых считает, что значение параллельных грамматических единиц нельзя дифференцировать и толковать вне их связи с формой и теми средствами, которые служат для выражения данного значения. Это связано с тем, что частичные изменения формы и структуры влияют на семантическую структуру построения. Следовательно, незначительные изменения формы и структуры способны модифицировать значение синтаксической конструкции. Параллельные словосочетания, простые и сложные предложения, различающиеся по форме и структуре, могут быть парными синонимами, но в случае отсутствия таких различий их следует считать вариантами.

Языковой материал сопоставляемых языков, отображенный в приложении, наглядно демонстрирует, что всякие формальные и структурные изменения ведут к семантической дифференциации синтаксической конструкции. Использование различных средств и способов связи слов далеко не всегда может служить признаком различия конструкций словосочетаний и выражения в них различающихся семантических и грамматических отношений. Данное языковое явление выражает динамику языка в направлении развития и совершенствования, характерные для него поиски и формирование путей для более точного, глубокого и эффективного выражения тех отношений, которые передаются грамматическими формами и конструкциями.

Вслед за известным таджикским лингвистом Б. Камолиддиновым мы не согласны с точкой зрения, считающей, что варианты передают совершенно идентичные значения. Он утверждает, что если встать на такую позицию, то совершенно невозможно будет провести границу между вариантами и

дублетами. Именно наличие или отсутствие различных семантических оттенков в параллельных формах и конструкциях, структурные возможности сочетания и стилистические особенности оказываются причиной относительной долговечности или эфемерности параллельных грамматических единиц [60; 41]. Ученый также считает, что если заново созданная конструкция, проявляющая особые черты в отношении выразительности, отвечает какому-либо запросу языка, то она становится полноправным членом грамматического вариативного ряда. По своим признакам формы и структуры, по составу, по семантическим и стилистическим особенностям синтаксические варианты можно условно разделить на следующие группы:

- 1) Варианты словосочетаний, простых и сложных предложений, различающиеся незначительными формальными и структурными элементами;
- 2) Варианты синтаксических конструкций, различающиеся интонационными признаками;
- 3) Синтаксические варианты, возникающие в результате изменения лексического наполнения словосочетаний или предложений;
- 4) Синтаксические варианты, появляющиеся в результате опущения вспомогательных слов или полнозначных компонентов конструкций.

По мнению российского ученого И.П. Распопова варианты возникают также вследствие частичных изменений лексического наполнения конструкций, употребления формальных средств и вспомогательных слов, оставления не занятыми одной или нескольких позиций [98; 200-201].

В парных и других видах синонимов грамматического уровня один из вариантов рассматривается как «инвариант», так как он обладает наиболее яркими признаками и семантическими оттенками основной мысли, является наиболее употребительной из конструкций, точно передающей содержание с помощью грамматических средств. В качестве показателя инварианта может служить свободный или нейтральный порядок слов, от которого отличается

порядок слов в вариантах (инверсия). Вариативность характерна, как для разговорного, так и для литературного стиля обоих сопоставляемых языков, при этом важная роль в формировании вариативности принадлежит актуальному членению, изменению порядка слов и интонации:

- В РЯ: 1) *Вступительные экзамены в вузы заканчиваются 15 августа.*
2) *15 августа заканчиваются вступительные экзамены в вузы.*
3) *15 августа вступительные экзамены в вузы заканчиваются.*

- В ТЯ: 1) *Бӯйи хуши гулҳо ба машом мерасад.*
2) *Ба машом бӯйи хуши гулҳо мерасад.*
3) *Мерасад ба машом бӯйи хуши гулҳо.*

Таким образом, нами установлено, что во многом соответствие дистрибутивных возможностей двух и более семантических конструкций ведет к их синтаксической синонимии. Синонимы объединяются на основе общего значения и сочетаемости. Общим критерием синонимичности является выражение одной и той же реальной ситуации различными синтаксическими структурами. На парадигматическом и синтагматическом уровнях критерии синонимичности конструкций необходимо устанавливать, исходя из специфики контекста. Употребление парных синонимов, вариантов и дублетов связано с реализацией основной практической функции языка – с обменом мыслями и становлением языковой нормы в различные исторические периоды развития языка.

2.3. Композиционно-стилистическая характеристика ПС в сопоставляемых языках

Синонимия является одним из наиболее важных аспектов стилистики. Довольно широкий круг такого рода лексики в последние десятилетия становится причиной пристального внимания и тщательного изучения лингвистами данного языкового явления. Анализ синонимических единиц в

основном ведется в двух направлениях: лексической и грамматической синонимии. Однако вот уже несколько лет помимо лексических и грамматических синонимов таджикского и русского языков внимание ученых-языковедов притягивает к себе и синтаксическая синонимия, проблемы которой мы подробно рассмотрели в предыдущем разделе данной главы исследования. И такой интерес не безоснователен, так как изучение вопроса о синонимии и синтаксической вариативности имеет теоретическое значение для усовершенствования структуры литературного языка.

Наряду с синтаксической синонимией особое внимание отечественных лингвистов все чаще приковывается к различным вопросам композиционно-стилистических особенностей и окраски синонимов и в частности парных синонимов. По мере вхождения в коммуникативное состояние человеческая речь становится избирательной и начинает анализировать различные способы выражения. Оттачивание и усовершенствование различных путей выражения одной мысли в различных структурных формах и моделях позволяет эффективно использовать языковые возможности в различных ситуациях. Благодаря этому вопрос о композиционно-стилистической окраске произведений и в целом речи никогда не потеряет своей актуальности.

Изучение вопросов текущей стилистики языка не ограничивается только рассмотрением лексических особенностей, оно сопряжено с изучением синтаксиса языка. Эту особенность подчеркивает и известный ученый Б.Камолиддинов: «Грамматические свойства каждого стиля речи формируются постепенно, в процессе развития языка, в результате «специализации» отдельных грамматических форм и структур» [60; 3].

Совершенствование теоретического аспекта грамматических свойств стилей речи невозможно без всестороннего изучения синтаксической синонимии, так как суть стилистики речи заключается в ее синонимичности. Синтаксическая синонимия, так же как и лексическая, тесно взаимосвязана с экспрессивными стилистическими средствами языка. Она позволяет

систематизировать процесс развития текущих стилей речи.

Композиционно-стилистический анализ парных синонимов русского и таджикского языков дает возможность проследить закономерности процесса образования контекстуальных сходств и различий в сопоставляемых языках, достигающихся на базе исследования их различных типов. Важность изучения данного вопроса проявляется в том, что в стилистическом плане парные синонимы тесно связаны с общей семантикой и лексическим смыслом, охватывающим эти модели.

Морфологическая природа парных синонимов русского и таджикского языков является таким языковым ярусом, который характеризуется различными типами лексических, грамматических и функционально-семантических средств связи. Эти средства в целом отображают систематизировано выраженную информацию о восприятии событий и явлений.

Лексические номинанты явлений, в которых закодировано физическое восприятие, в сопоставляемых языках передаются такими композиционно-стилистическими путями, как *простой, производный и комбинированный*.

При использовании различных композиционных стилей речи, например, публицистического стиля, так же как и в других стилях преследуется цель точного и корректного способа передачи мысли с помощью различных языковых элементов. Публицистика, так же как и другие сферы жизни, должна отображать действительность так, чтобы смысл каждого слова был, по выражению Ахмада Дониша, «ярче луны», так как пресса является мощным средством воздействия на психику человека. Однако при этом, нельзя забывать, что публицистическому стилю речи не свойственно приукрашать жизнь или наоборот, описывать ее в мрачных красках. Однако, к сожалению, зачастую мы наблюдаем, что язык СМИ в композиционно-стилистическом отношении не всегда соответствует требованиям, в нем наблюдается огромное число речевых ошибок, что затрудняет восприятие. Поэтому основной задачей стилистов в данном направлении является раскрытие композиционных особенностей

текстов, в которых синонимия играет немаловажную роль.

Метод интерпретационного исследования парных синонимов обоих языков позволяет установить их языковые особенности и некоторую общность, а также понять принципиальное отличие их строения. Следующие примеры из русского:

*Там царь кощей над золотом чахнет,
Там русский дух, там Русью пахнет. [А.С.Пушкин]*

и таджикского:

*Бо захмае чу оташ мезад таронаи хваш,
Масту харобу дилкаш аз бодаи шабона.
[Джалалиддин Руми]*

Подстрочный перевод:

С огненной страстью пел он красивую песню

Опьяненный, опустошенный и прекрасный от ночного вина.

языков наглядно демонстрируют близкий описательный характер парных синонимов в сопоставляемых языках, которые дополняют и развивают оценочные особенности частеречных единиц, несмотря на их структурные отличия.

Семантическое своеобразие парно употребляющихся синонимов и принципы их классификации в обоих языках достаточно сложны. Эта сложность заключается в разнообразии и отличии их грамматических категорий и форм. Оба языка отличаются по степени парадигматических и синтагматических отношений. Лексемы, komponующие парные единицы, связаны между собой и непрерывно взаимодействуют с грамматическими и лексико-грамматическими компонентами.

Стилистические особенности значений синонимов непосредственно связаны с их семантикой. В стилистическом отношении словарные единицы сопоставляемых языков неравнозначны. Одни из них воспринимаются как книжные (*ратификация, чрезмерный, превалировать* – РЯ; *афкандан* –

оставлять, густурдан – расстелить, муаттар – свежий - ТЯ), другие – как разговорные (*малость, сболтнуть, заправский – РЯ; майда – маленький, хафа – обиженный, соф кардан – заканчивать, уставать - ТЯ*). Некоторые стилистические оттенки слов придают речи торжественный характер (*предначертать, волеизъявление – РЯ; чаим ба олами ҳастӣ кушодан – рождаться, аз дунё чаим пӯшидан – умирать - ТЯ*). О композиционно-стилистической окраске слова еще В.В.Виноградов говорил: «Все многообразие значений и смысловых нюансов слова сосредотачивается и объединяется в его стилистической характеристике» [23; 22]. При стилистической характеристике слова учитываются такие факторы, как его принадлежность к одному из функциональных стилей или отсутствие функционально-стилевой закреплённости, и эмоциональная окраска слова, его экспрессивные возможности

Важной особенностью функциональности ПС является то, что они представляют собой исторически сложившуюся и социально осознанную систему речевых средств, используемых в той или иной сфере человеческой деятельности. Функциональный стиль представляет собой особый характер речи, какой-либо ее социальной разновидности, соответствующей определенной сфере общественной деятельности и соотносительной с ней формы сознания. Этот стиль создается особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией, которая создает определенную стилистическую окраску речи.

В современном таджикском и русском языках выделяют такие стили речи, как *научный, публицистический, художественный и социально-деловой*. Всем этим стилям противопоставляется *разговорный* стиль речи, который обычно выступает в характерной для него устной форме.

Среди всех стилей речи особый интерес с композиционной точки зрения вызывает художественный стиль. Стилистическая окраска парных синонимов определяется тем, как они воспринимаются говорящими как

закрепленное за определенным функциональным стилем или как уместные в любом стиле общеупотребительные синонимы.

Соотносительность ПС с различными языковыми стилями отражает их стилевую закрепленность, чему способствует их тематическая закрепленность. Например, слова-термины тесно связаны с научным стилем, слова, применяющиеся в сфере политики, более часто употребляются в публицистическом стиле. А официально-деловые слова наиболее часто употребляются в делопроизводстве. Наиболее четко противопоставлены парные синонимы в книжном и разговорном стилях речи. Для сравнения: вторгаться – влезать, соваться; избавиться – отделаться, отвязаться, криминальный – бандитский.

В морфологическом отношении ПС таджикского языка условно разделяются на первый и второй компоненты. Первые компоненты ПС состоят из таких словообразовательных элементов, как соединительные союзы -ву, -у, -ю: *дурру гавҳар, силиву лагад, обу ранг, холу хат, хубию некӣ, дӯстиву рафоқат, ширину гуворо* и др. Например,

Ҳаргиз назананд муштуру силиву лагад,

Хоки падарон аст, азиз медоранд. [Хайём]

Подстрочный перевод:

Никогда не ударят кулаком и ногой,

Ведь это прах отцов, он дорог им.

***

Ба обу рангу холу хат чӣ ҳоҷат рӯйи зеборо... [Ҳофиз]

Подстрочный перевод: *Что за нужда красивому лицу в краске.*

Вторые компоненты парных синонимов образованы, как правило, из той же части речи, что и первый компонент. Основным источником пополнения парных синонимов является словарный запас таджикского языка, где на основе именных частей речи и глагольных основ образуются (субстантивируются, адъективируются, адвербализируются и вербализируются) новые выражения: *борон* – дождь (Nom.), *бод* – ветер

(Nom.) борону бод –дождь и ветер (Nom. + Nom.):

*Пай афкандам зи назм кохе баланд,
Ки аз боду борон наёбад газанд* (Фирдоуси)

Подстрочный перевод:

*Оставил я после себя высокий дворец из поэзии,
Который не разрушится от ветров и дождей.*

В данном отрывке каждая отдельная субстантивная лексическая единица обладает собственной определенной семой. Однако вступив в парные взаимоотношения, данные существительные образуют новое производное значение – «время».

Вақте ки рег ҳуҷум карда омад ва хонаи нишастамон дар зери хавф монд, ман зан ва бачагонро бо асбобу анҷомашон ба ин хона кӯчондам [136; 26].

Перевод: *Когда песок пополз на нас, я жену с детьми и все имущество перетащил из жилого дома в эту мастерскую* [137; 23].

Важной особенностью ПС ТЯ является то, что, как было отмечено ранее, в них часто употребляются заимствования из других языков, преимущественно из арабского и тюркского, что объясняется длительными языковыми контактами таджикского народа с этими двумя языками: *сиҳату саломат* / здоровый (тадж.+ар.), *дӯстиву рафоқат* / дружба и товарищество (тадж.+ар.), *тӯю тамошо* / свадьба и представление (узб.+тадж.), *бою бадавлат* / богатый (узб.+тадж.) и др. Приведенные примеры наглядно демонстрируют различие в семантической нагрузке ПС ТЯ и РЯ, так как парные двух и трехкомпонентные словосочетания ТЯ отличаются многосемностью, широким употреблением и функциональностью, тогда как ПС РЯ чаще проявляют себя в дуплетных и дефисных конструкциях, выражая при этом близкое по валентности значение.

ПС по своей структуре разделяются на простые, производные, сложные и составные. Вопрос о структуре и форме словообразования

парных синонимов мы ранее детально упоминали в нашей диссертационной работе и не считаем необходимым останавливаться в данной части исследования.

Известный российский лексиколог А.А.Шахматов считает, что когда слово относится к двум (или трем) частям речи одновременно, основными в этом случае становятся его новые смысловые связи, которые слово приобретает и за счет чего формируется и его морфологическое строение [127; 256].

В исследовании композиционно-стилистических возможностей парных синонимов сопоставляемых языков большое значение уделяется вопросам контекстуального анализа. Появление парных синонимов в различных лексических окружениях, создающие различные их парадигматические и синтагматические связи, может служить сигналом для различия в их функции и значении:

РЯ	ТЯ
<i>Родина -мать</i> (существительное)	<i>Модар-ватан</i> (существительное)
<i>Сладостный и благозвучный</i> (о языке – прилаг.)	<i>Ширину гуворо</i> (о языке – прилаг.)
<i>Стонать и плакать</i> (глагол)	<i>Гиряву нола кардан</i> (глагол)

Приведенные в таблице примеры наглядно показывают, что основные закономерности функционирования одной единицы, синонимично сочетающейся с другой, объединяются понятием валентности в самом общем смысле. В композиционно-стилистическом отношении учение о функциональных стилях не исключает возможности использования в них разнообразных художественных средств, в том числе и эмоциональных, по усмотрению автора речи (произведения). В то же время следует отметить, что влияние художественных средств на частоту употребления ПС и их вариантов еще недостаточно изучено в силу отсутствия их четкой классификации. В связи

с этим определенные затруднения вызывает и определение соотношения функционально-стилевой и эмоциональной окраски парных синонимов. Эти две окраски, наслаиваясь друг на друга, дополняют стилистическую характеристику ПС. Рассмотрим следующие примеры: «... я предполагала, что моё пребывание на Кубе окажется кратким, ... поэтому я взяла с собой не слишком много денег. Если бы мне пришлось задержаться в Гаване надолго, средств понадобилось бы гораздо больше, так что мне вовсе не улыбалось набивать кошелек этого толстяка или «подмазывать» его и без того жирную ладонь»[93;192].

Закономерности сочетания вышеприведенных слов с их парными эквивалентами объединяются понятием валентности:

- 1) Платить, задабривать, давать взятку (прямое значение);
- 2) набивать кошелек толстяка (переносное значение);
- 3) подмазывать» его ладонь (переносное значение);
- 4) давать на лапу (переносное значение);
- 5) умасливать (переносное значение) – в целом 4 инварианта с переносным значением к 1 прямому.

В ТЯ: *пора додан* (прямое значение), *ришва додан* (прямое значение), *чигилдонаширо пур кардан* (переносное значение), *гулӯяширо равган кардан* (переносное значение), *мулоим кардан* (переносное значение) и т.д. – в целом 3 инварианта с переносным значением к 2 прямым.

Все приведенные примеры доказывают, что синтагматические отношения обусловлены валентностью, которая играет решающую роль в явлении парной синонимии. При рассмотрении отношения одного знака к другим, различают парадигматическую «валентность» на уровне значения. Это валентностное значение подразумевает особое лексико-семантическое значение парных синонимов, которое распознается с помощью функционального компонентного анализа. Поэтому валентность парных синонимов сопоставляемых языков отображает потенциальную возможность слова к функционированию в составе

предложения.

В русском и таджикском языках парные синонимы по своим функциональным признакам в предложении толкуются более обстоятельно.

В задачи практической стилистики входит изучение использования в речи лексики различных функциональных стилей, которые наиболее ярко может продемонстрировать контекст. Он, подобно каждой отдельно взятой словарной единице своего состава может иметь свою специфическую композиционно-стилистическую особенность или структуру. Анализ, основанный на представлении системы употребления каждого класса ПС, может выявить особенности языкового осмысления их композиционно-стилистических и функциональных особенностей синонимов РЯ и ТЯ.

Русский и таджикский языки, как и все языки с развитой культурной традицией, исключительно богаты своими словообразовательными ресурсами, имеющими яркую стилистическую окраску. Это результат развитой системы русского и таджикского словообразования, продуктивности аффиксации, придающей словам функционально-стилевую закрепленность. Со стилистической точки зрения словообразование может быть активно использовано в следующих случаях:

- 1) при получении новой стилистической окраски мотивирующим словом: бедненький - бедняжка (ласк.-уменьш.суфф.) / бечора-бечораяк; доченька – дочурка /духтарам-духтарчонам;
- 2) при ограничении среды употребления слов особенностями словообразования и получении ими жаргонного, диалектного или профессионального оттенка: *мультфильм* – *мультик*, *велосипед* – *лисапед*, *свистеть* – *свистать* (всех наверх – морск.). Такая стилистическая особенность в таджикском языке нами не обнаружена.
- 3) при функционально-стилевом закреплении слова с помощью аффиксации: потребовать (общ.) – востребовать (офиц.-дел.) / талаб кардан - талабидан, шитьё – пошив (спец.) / дўхтудўз – дўхт.

Ярким подтверждением композиционно-стилистической функции парных синонимов могут послужить приведенные ниже примеры:

В РЯ:

*Извела меня **печаль-кручина**,
Подколотная змея.
Ты гори, гори моя лучина,
Пусть сгорю с тобой и я.*

[Народная песня]

В ТЯ:

***Ёр омаду ёр омад**, ёр аз раҳи дур омад,
Бархезу канораиш гир, ёри рафта боз омад.*

[Народная песня]

Подстрочный перевод:

*Пришел мой друг, пришел мой друг, пришел из дальнего пути,
Встань и подойди к нему, ушедший друг вернулся.*

Таким образом, в данном разделе нашего диссертационного исследования нами установлено, что русский и таджикский языки имеют богатый словообразовательный запас и яркую стилистическую окраску. Однако определение соотношения функционально-стилевой и эмоциональной окраски парных синонимов обусловлено определенными затруднениями. Мы установили, что ресурсы словообразования состоят из стилистической синонимии, в которую входят аффиксация, экспрессивное словообразование и словообразовательные модели. В формах субъективной оценки в композиционно-стилистическом плане экспрессивные оттенки зачастую преобладают над колебаниями самого оценочного значения. На материале приведенных в диссертации и других примеров нами установлено, что такие части речи, как существительные, прилагательные и наречия чаще используются для образования слов с различными стилистическими окрасками, а глагольные образования используются реже. Лексико-семантический и

стилистический анализ дает возможность заключить, что в художественном и публицистическом стилях речи наблюдается огромное количество слов со стилистической окраской. Кроме того, мы убедились, что основной и наиболее важной единицей, в которой устанавливаются стилистические особенности отдельных лексем и предложений. Является контекст.

Использование эмоционально окрашенной лексики в художественной литературе обоих сравниваемых языков выполняет функцию создания стилевой целостности и стилистической окрашенности произведений, позволяет повысить эффект произведения, сделать его идею более зримой.

Изучение работ, посвященных семантическому анализу существительных, глаголов, прилагательных и наречий с различными микрополями на материале разноструктурных языков показало, что в них вопросы парной синонимии раскрыты недостаточно [2; 17; 26; 29; 50 и др.]. Именно аспект влияния на эмоциональность и влияемость речи в указанных и других близких по цели и задачам работах до сих пор нуждается в тщательных и глубоких исследованиях. В нашей диссертационной работе данный аспект мы намерены раскрыть в третьей главе исследования, где анализу подвергаются слова-дуплеты, придающие парным синонимам особую эмоциональную окраску.

2.4. Синонимия существительных в РЯ и ТЯ

Как известно, существительные, обозначают наименование предметов, и устанавливают их объектное значение. Значения существительных тесно связаны с материальным и нематериальным состоянием предметов и явлений, характеризуемым тем, что они воспринимаются в объективной действительности.

Существительные являются частью речи, в которой широко применяются синонимы, как наиболее приемлемое средство красочности и вариативности

устной и письменной речи. В обоих сопоставляемых языках существительные совпадают по общей семантической и синтаксической характеристике. Важным грамматическим признаком существительных является их сочетаемость с другими частями речи. В обоих языках существительное определяется прилагательными, причем в русском языке прилагательное согласуется с существительным, а в таджикском языке определяемое, в основном, связывается с помощью изафетной связки (*красное яблоко – себи сурх, красивые глаза – чаимони шахло*), но в ТЯ также могут использоваться примыкающие определения (*ин вақт – это время, панҷ китоб – пять книг*). Основные различия между существительными РЯ и ТЯ кроются в способах словообразования. В данной области наблюдаются расхождения, как в способах словообразования, так и в составе грамматических категорий. В следующем примере наглядно представлено словообразование парных существительных за счет удвоения корневой части слова:

Чунки бобоям бо ҳамаи он калонсолӣ ва мӯйсафедӣ аз озори рӯю мӯй монанди бачагон воҳ-воҳ гӯён фарёд кашида буд ва дар чаимонаш об чарх мезад [136; 13].

Перевод: *И хоть у меня глаза еще были в слезах от боли, я и сам засмеялся: дед застонал и из глаз его покатили слезы* [137; 11].

В словах *калонсолӣ ва мӯйсафедӣ* автором помимо применения двух корней в составе лексемы также использован суффикс *-ӣ*, который субстантивирует парный синоним.

К числу грамматических признаков существительных также относятся «сочетаемость с числительными и нумеративами, с предлогами и послелогоми, возможность выступать в изафетном словосочетании в качестве определяемого (1-й компонент словосочетания) и определяющего слова (2-й компонент словосочетания), а также синтаксические функции в предложении» [71; 103-106].

В отличие от РЯ имя существительное ТЯ не имеет категории грамматического рода и не изменяется по падежам, поэтому его связь с

другими словами в предложении в основном выражается синтаксическими средствами, такими как предлоги и послелоги, изафетная конструкция и порядок слов.

В РЯ каждое существительное и прилагательное, как правило, состоят из двух частей – основы и окончания, при этом типы окончаний в существительных и прилагательных отличаются друг от друга.

Что касается способов видоизменения лексического состава РЯ и ТЯ, необходимо отметить, что основное различие сопоставляемых языков состоит в следующем: в РЯ формы существительного образуются флективно-синтетическим способом, т.е. при помощи флексии, которая комплексно выражает грамматические значения определенной лексемы. Форманты существительных в РЯ многозначны, тогда как в ТЯ они однозначны. Например, в существительном книга окончание – *a* является одновременно показателем грамматического рода (женского), числа (единственного) и падежа (именительного).

Для ТЯ характерна другая форма словоизменения существительного и других именных частей речи. В нем форма образования имени существительного носит скорее не флективный, а агглютинативный характер. В современном русском языке существуют следующие синонимические группы имен существительных:

1) **Семантические (идеографические)**. Эта группа синонимов различается по оттенкам значения: *мудрость разум* (мудрость — наивысший вид разума); *черта – свойство* (лексема «черта» является полисемантом и имеет омонимические признаки, а сово свойство – однозначно, оно синонимизируется с лексемами *характер, особенность, специфика* и т.д.). В ТЯ наблюдается огромное число семантических синонимов: *ақл – хирад, ишқ – мухаббат, зебо – хушрӯй, бомазза – лазиз, хӯрок – таом, хӯрдан – тановул кардан, нӯшидан – ошомидан, зӯр – бақувват, қувва – нерӯ* и множество других. Например:

Дар ёбон одамон монанди мӯру малах дар ҳаракат буданд [136; 24].

Перевод: *По всей степи, как муравьи копошились люди [137; 21].*

Такое изобилие семантических синонимов, характерных для ТЯ основывается на стремлении разнообразить и раскрасить речь, что в будет нами рассмотрено более обстоятельно в продолжении нашего исследования.

2) Вторую группу составляют стилистические синонимы. Эти синонимы отличаются различной частотностью употребления и стилистической окраской, но при этом обозначают одно и то же явление действительности. В свою очередь данная группа подразделяется на три подгруппы, приведенные в нижеследующей таблице:

Таблица 1

Значения		
Нейтральное	Высокое	Сниженное
РЯ: лицо ТЯ: рӯй	лик чехра	морда башара
РЯ: глаза ТЯ: чашм	очи наргис	- (простореч.: зенки) -
РЯ: родина ТЯ: ватан	отечество меҳан	- -
РЯ: есть ТЯ: хӯрдан	вкушать тановул кардан	жрать -
РЯ: бояться ТЯ: тарсидан	опасаться харосидан	трусить талхакаф шудан
РЯ: обманывать ТЯ: дурӯғ гуфтан	Лгать Фиребидан	врать ахмак кардан

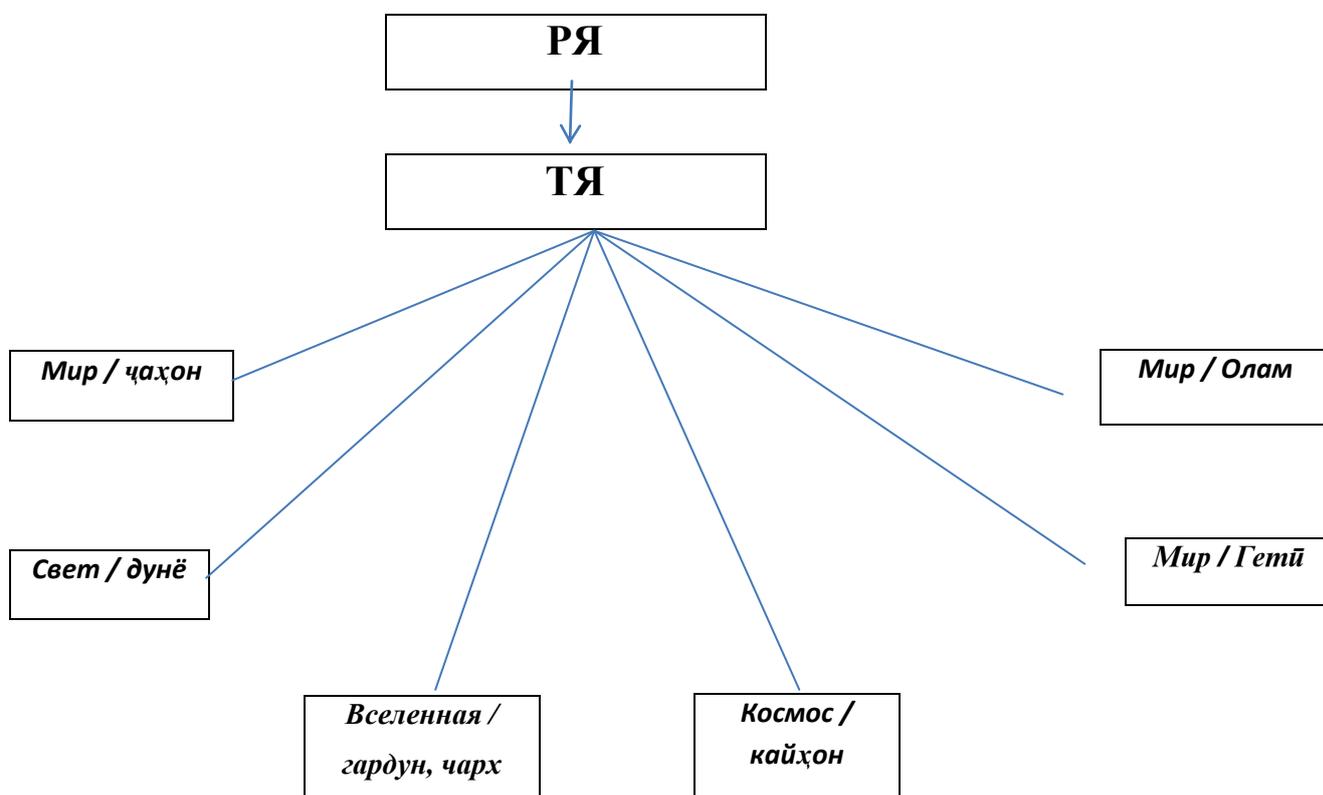
Фактов стилистической синонимии с нейтральным, высоким и сниженным значением в обоих сопоставляемых языках мы не обнаружили.

3) Третья группа - **семантико-стилистические синонимы** — отличается от

второй группы лишь тем, что в ней отличаются лексические значения и стилистическая окраска: Родина (нейтральное), Отечество (литературное), Отчизна (художественное).

При контекстуальном анализе употреблений ПС в сопоставляемых языках обнаруживаются различия в ходе оязыковления различных явлений действительности. Но все же, со стороны ученых признаны принципиальные сходства в понимании семантики исследуемых объектов русским и таджикским народами.

Семантические особенности синонимичности концепта «мир» четко просматривается в нижеследующей схеме:

Восприятие событий и явлений в РЯ, в частности отображение концепта «мир» по сравнению с этим концептом в составе ТЯ представляется динамично сформировавшимся. Это восприятие ассоциируется с большим количеством объектов действительности. Наименование объектов действительности РЯ, которые употребляются в метафорических значениях, более активны и

конкретизированы по сравнению с эквивалентными им обозначениями в составе ТЯ. Следующий образец из художественной литературы РЯ наглядно демонстрируют образность этих наименований:

*Не содеявших грех, нас подвергли разлуке,
Обрекли на **страданье, на боль и на муки.***

[Айюки «Варка и Гульшах»]

Именам существительным таджикского языка также характерна концептуализация плана выражения, что обуславливается применением метафорических значений, усиливающих стилистически-композиционную вариативность:

*Ҳар бод, ки аз суйи Бухоро ба ман ояд,
Бо бўйи гулу мушку насими суман ояд...* [Рудаки]

Подстрочный перевод: Каждый ветерок, что дует из Бухары,
Веет с запахом цветов, амбры и жасмина.

С целью выявления специфики синонимов существительных РЯ и ТЯ и установления специфики их структуры и семантики, прежде всего надо определить самые важные моменты исследования их языковой природы. Для этого необходимо: 1) выявить их структурные особенности; 2) установить объем структурной зависимости, которая преимущественно сводится к интеграции условий контекста; 3) разграничить смысловые оппозиции, которые существуют в их парадигматической системе; 4) распределить рамки коммуникативных функций; 5) понять структуру синонимов в качестве сложной иерархически организованной системы, которая является комплексом относительно независимых, но взаимодействующих подсистем; 6) провести анализ отношений синонимов в синтагмах и парадигмах, так как они могут быть выражены и другими языковыми явлениями.

По вопросу синонимии существительных ТЯ необходимо отметить, что зачастую их составление и употребление обусловлено стремлением говорящего к пояснению и распространению сказанного. Так, в литературной речи ТЯ

довольно широко применяются следующие ПС, строящие словосочетания: *ишқу муҳаббат, меҳру садоқат, дӯстиву рафоқат, сулҳу субот, нозу караима, гулу сунбул, боғу чаман, заму андӯҳ, майлу рағбат, мошу биринҷ* (фраз.: в знач. «просесть»), *қилу қол* (фраз.: в знач. «недостаток») и множество др. При этом основным средством построения таких синонимичных словосочетаний служат соединительные союзы –у, –ву, входящие в состав первого компонента словосочетания. Например, в следующем отрывке из стихотворения Рудаки можно наблюдать даже построение синонимической цепи, состоящей из существительных, а также мастерское применение поэтом синонимических словосочетаний:

Чун-ш бигардад набид чанд ба шодӣ,

Шоҳи чаҳон шодмону хурраму хандон...

Пузиш бипазираду гуноҳ бибахшад,

Хашм наронад, ба авф кӯшаду гуфрон [Рудаки]

Подстрочный перевод: Услышав эту радостную весть,

Правитель мира возрадуется и возликует.

Он примет раскаяние, простит грехи,

Перестанет сердиться, встанет на путь прощения.

В приведенном ниже отрывке из знаменитой касыды великого Рудаки четко просматривается комплектация парных синонимов существительных из состава близких по смыслу слов *дурру марҷон*/ перлы и жемчуг (о зубах):

Сапеду симрада буду дурру марҷон буд,

Ситораи саҳарӣ буду қатраборон буд.

Подстрочно: Белоснежный ряд жемчужин,

Как утренняя звезда, как капля дождя.

Конечно, в каждом временном отрезке язык развивается и совершенствуется в зависимости от развития и продвижения общества, что в основном происходит за счет словообразования и построения новых словосочетаний. Таджикский язык, особенно в период независимости также претерпел ряд заметных изменений, он непрерывно развивается

благодаря имеющемуся словарному запасу языка. Этот процесс не мог не сказаться и на синонимии, поэтому в обиходном языке все чаще употребляются такие интересные новые словосочетания, как: *волоияту афзалияти қонун* / высокий статус и приоритет закона, *танзиму тараққи оила* / регулирование и развитие семьи, *сулҳу ваҳдати милли* / национальный мир и единство, *хештаниносӣ ва ҳуввияти милли* / национальное самосознание и национальная идентичность, *нангу номуси ватандорӣ* / чувство Родины и гордость за Родину.

В ТЯ аспектуальные значения парных единиц, образующих синонимичные и антонимичные конструкции, в большинстве случаев состоят во взаимосвязи с контекстом. Для формирования этих значений используется множество средств словообразования, к которым относится инфинитив:

Овардани мо набуд гардунро суд

В-аз бурдани мо ба иззу чоҳаш нафузуд... [Хайём]

*Хайбар багоят бо **ору номус** буд: рӯзе ба айвони ошхона омада табақеро, ки дар он чо будааст, бӯидааст.* [136; 40] - *Хайбар был гордым псом* [137; 37].

Таким образом, синонимия существительных является довольно распространенным явлением в обоих исследуемых языках, ее основная отличительная черта заключается в обогащении и повышении эмоциональности речи. Критерии выявления лексических синонимов в существительных, как в одной из наиболее важных и объемных частей речи, до настоящего времени не становились объектом отдельных научных исследований, так как основной общепризнанной единицей лексической синонимии считалось слово. Сложность вопроса синонимии существительных, как впрочем и других частей речи, заключается не только в том, что ее границы точно не установлены, но и в том, что более простые синонимические конструкции включаются в более сложные. В работах российских лингвистов А.М.Пешковского, А.Н.Гвоздева, Г.А.Золотовой, В.П.Сухотина даны основные принципы разграничения синонимичных лексических единиц, в которых они наряду с другими грамматическими единицами причисляют к синонимам отдельные части

предложения, обособленные обороты и придаточные части. По мнению В.Г.Адмони «отношения грамматической синонимии существуют во многих языках между некоторыми разрядами наречий и некоторыми разрядами предложных конструкций (русск. *тогда – в прошлом году*), между некоторыми разрядами подчиненных предложений и некоторыми видами оборотов с деепричастиями или отглагольными именами (после того, как приехал - приехав) и т.д.» [2; 17]. В связи с этим из характерных признаков синонимичности грамматических единиц можно выделить два основных признака, характерных для синонимического ряда: степень тождества и различия в семантической структуре и различия в грамматической форме или структуре синонимов.

2.5. Синонимия прилагательных РЯ и ТЯ

В сопоставляемых нами языках имя прилагательное занимает одно из центральных мест в системе именных частей речи. В РЯ, который по своей морфологической структуре в основном является языком флективного типа, каждая из именных частей речи выделяется в общей системе не только семантикой, но и особенностями словообразования. Имя прилагательное в этой системе выделяется грамматическим значением (признак предмета), спецификой склонения, синтаксическим характером категорий рода, числа, падежа, наличием форм степеней качества, словообразовательными морфемами, и наконец, синтаксической функцией в предложении (согласованное определение, сказуемое: *Славная осень! Здоровый, ядрёный воздух усталые силы бодрит* (Некрасов); *Воздух чист и прозрачен*). Все эти признаки обособляют прилагательное как самостоятельную часть речи в системе именных частей речи русского языка. В РЯ выделение прилагательных в самостоятельную часть речи происходит без особых затруднений благодаря

наличию характерных для них окончаний и форм словообразования.

Намного труднее обстоит дело в ТЯ, где прилагательное приходится ограничивать от совпадающих с ним по форме наречий. В современном таджикском языке, которому в основном характерен аналитический строй, все именные части речи лишены флексий и не склоняются. В нем также отсутствует и грамматическая категория рода. В связи с отсутствием окончаний в значительной степени остаются стертыми внешние различия между именными частями речи. «Благодаря своей морфологической неоформленности, многие имена, взятые вне предложения, могут быть отнесены к категории существительных или прилагательных только по семантике. Каких-либо особенных отличительных показателей они не имеют»[65; 176]. Во флективном РЯ прилагательное более отчетливо отделяется от существительного, однако не следует абсолютизировать данную особенность прилагательного в сопоставляемых языках. Прилагательное в ТЯ по своему отделяется от существительных, причем, не только по смыслу, но и формально. Оно выделяется как самостоятельная часть речи значением признака, формами степеней качества, словообразовательными морфемами, в большинстве отличающимися от морфем в составе других частей речи. В обоих сопоставляемых языках прилагательные обозначают признак предмета, подразделяются на качественные и относительные. Однако в ТЯ в отличие от РЯ прилагательное может обозначать не только признак предмета, но признак действия и признак признака. Например, *нагз кор мекунад* – хорошо работает, *дӯстона муомила мекунад* – относится по-дружески и т.д. Тем не менее, парная синонимия прилагательных в ТЯ – довольно распространенное явление. К примеру:

Ширинтару лазиз аз шири модар аст,

Болотару азиз аз дурру гавҳар аст.

Перевод:

Слаще и вкуснее молока матери,

Выше и дороже рубинов и жемчугов.

Здесь пары *ширинтару лазиз* и *болотару азиз* являются образчиком адъективных, а пара *дурру гавхар* – субстантивных синонимов. В РЯ близкие по смыслу и синонимические значения восприятия передаются такими прилагательными, как *красный* — *алый* — *пунцовый* (общий смысл этих слов одинаков, но *красный* — это цвет крови, *алый* — более светлый, *пунцовый* — более темный), *светлый* – *яркий* - *блестящий*, *сильный*- *мощный* – *могучий*, *большой* – *крупный* – *огромный* и т.д. Из приведенных примеров синонимических рядов прилагательных лишь прилагательное *красный* имеет инвариантное значение. В словаре С.И.Ожегова зафиксировано 4 значения данного прилагательного:

1. Прямое обозначение цвета (*красный платок, красное яблоко*).
2. Переносный смысл в значении «красивый» (*красна девица*).
3. Переносный смысл в значении «высокий» (*красная цена*).
4. Переносный смысл в значении «почитаемый» (*красный угол*).

При этом необходимо подчеркнуть и художественно-образный дуплет употребления интеллектуальной и зрительной формы восприятия (посетили Красную палату).

В ТЯ к основным значениям прилагательного *сурх* относятся:

- 1) Прямое значение: *сурх* – красный цвет. Например: *Ман имрӯз куртаи сурх пӯшидам. – Я сегодня надела красное платье.*
- 2) Фразеологическое значение: *рӯи сурх* (букв. красное лицо) – в значении «покраснеть». Например: *Дар назди дӯсту душман бо рӯи сурх ва сари баланд аз имтиҳон гузашт. – Перед друзьями и врагами он выдержал экзамен с высоко поднятой головой.*

Прилагательное *сурх* может состоять в синонимических отношениях с противоположным по своей семантике прилагательным *кабуд*. Например, *Аз шарм вай якчанд бор сурху кабуд шуд – От стыда он несколько раз покраснел и посинел.* Комплектация синонимической пары за счет антонимов (*хурду калон, кехтару меҳтар* – стар и млад – в значении «весь народ») характерна

как для ТЯ, так и для РЯ, хотя в РЯ указанное значение «стыдливый» передается в иной форме. Например, измениться в лице, поменять краску и т.д. Кроме того, как видно из приведенного выше примера, прилагательные в обоих предложениях выполняют синтаксическую функцию сказуемого.

В одном из стихотворений великого Рудаки парный синоним, состоящий из прилагательных *дурусту рост* указывает на огромное значение стихотворного жанра оды в поэзии того периода. В противовес арабскому представлению о поэзии под девизом «наилучший стих – это ложный стих» Рудаки использует термин «мадхи дурусту рост» / правильное и правдивое воспевание, о чем свидетельствует следующий бейт:

Ҳар он-ч мадҳи ту гӯям, дуруст бошаду рост,

Маро ба кор наёяд сирешиму кабдо [142; 33].

Подстрочный перевод:

Все, что я скажу, восхваляя тебя, правильно и правдиво,

Мне не к чему ложь и двуличие.

В данном отрывке ПС *сирешиму кабдо* / ложь и двуличие (сущ.) антонимичен ПС *дурусту рост* / правильно и правдиво.

По своей структуре ПС ТЯ могут состоять из двух, трех и более компонентов, в этом случае они образуют, также как и существительные, синонимический ряд, который благодаря активному участию союзов *-у, -ю, -ву* и *ва* в формировании синонимической цепи, принимает форму словосочетания. Например:

Шафику дилтазиру мехрубонӣ,

Рафиқи некмардонӣ, падарчон [Лохутӣ]

Подстрочный перевод:

Ты милосердный, близкий к сердцу и заботливый,

Ты друг добрых людей, отец.

На образование семантического поля ПС в сопоставляемых языках влияют такие факторы, как конкретное лексико-грамматическое значение

слова, способствующее стимулированию восприятий; непосредственная функция слова, способствующая акту восприятия; пропорциональные значению синонимов конкретные условия употребления, не допускающие взаимозамену.

Перечисленные факторы важны для формирования семантической модели акта восприятия. Это связано с тем, что в сопоставляемых языках от правильного подбора общих и частных значений ПС, композиционных элементов их структуры, от конкретного установления смысловых корреляций единиц и автономных внутривидовых языковых элементов зависит правильная логико-семантическая выраженность восприятия, качество восприятия, рациональность структуры ПС в прилагательных и еще множество других факторов.

В русском языке парная синонимия в прилагательных представлена обширной группой лексических единиц. В ТЯ эти единицы интегрируются в одну, объединенную общим значением фразу, компоненты которой могут обладать инвариантными значениями. Следовательно, явление парной синонимии прилагательных в сопоставляемых языках, как впрочем, и в других частях речи, – это сложный процесс, функционирующий как структурно-семантическое единство. При адекватном употреблении компонента, мотивирующего акт восприятия, в сопоставляемых языках становится возможным вынести за рамки актов лишние элементы, которые легко осмысливаются.

Вопрос о парных синонимах, в которых, по признанию большинства лингвистов, слово является центральной и приоритетной единицей языка, представляет большой интерес для исследователей области синонимии. ПС в языке функционируют и выполняют свои задачи по нескольким критериям.

Прежде всего, слова в рамках парадигматических (выборочных, горизонтальных) взаимоотношений на основе прямого и переносного значения образуют лексико-семантические группы и поставляют материал

для подбора соответствующего и приемлемого сочетания, что необходимо рассматривать отдельно.

Во-вторых, компоненты ПС подбираются на основе синтагматического (последовательного) сочетания, основывающегося на семантической параллели и служащего причиной для формирования более крупных единиц языка – словосочетаний и предложений и таким образом обеспечивающего процесс коммуникации людей (между предложениями единого текста также наблюдается семантическая связь, и поэтому текст считается крупнейшей языковой единицей).

Действительно, синонимия языка может принимать различные формы и виды. Парное употребление близких по смыслу слов, которое становится причиной рождения словосочетаний, происходит как за счет сочетаний единиц в прямом значении, так и в переносном. Например, если в парных по своей семантике синонимах *боль и слёзы, сны и грёзы* семантическое соответствие осуществляется на основе прямого значения, то в дублетах *море-океан* (бескрайнее водное пространство) и *печки-лавочки* (место отдыха и беседы) данное соответствие достигается путем переносного значения.

Такую же классификацию можно провести и в ПС таджикского языка:

дӯстиву рафоқат /дружба и товарищество, *бародарию баробарӣ* / братство и равенство (сущ.), *ширину гуворо* / сладкий и приятный, *шоду хандон* / радостный и смеющийся, *бою рангин* / богатый и красочный, *зӯру тавоно* / сильный и могучий, *сареху малех* / четкий и утонченный (прил.) – в прямом значении.

Лаку Пак – (имена собственные) – в знач. «глупые люди», *жожу мож* – пустой набор звуков в знач. «бессмыслица, пустословие» - в переносном значении.

Приведенные выше синонимические пары характеризует общность структуры, наряду с этим они выражают одинаковые значения. Данная конструкция словосочетаний характерна не для всей синонимии ТЯ.

В зависимости от того, какие различия допускаются в обозначении прилагательных, существуют виды синонимов, обозначаемых таким же словом, но оснащенных уточняющим определением. В их число можно включить:

1) конкретизированные синонимы, в которых взаимосвязанные между собой прилагательные не обнаруживают каких-либо семантических отличий. В РЯ конкретизированная синонимия является довольно редким явлением по причине избыточного кодирования одного и того же содержания различными формальными средствами.

2) так называемые квазисинонимы – это слова, которые «достаточно близки по значению, но имеют различия, затрагивающие денотативный и сигнификативный слои назначения» [63; 65]. Например, указанный тип синонимии наиболее ясно просматривается в терминах цветообозначения РЯ:

- 1) белый – белоснежный, молочный, белесый, лилейный
- 2) черный – агатовый, смоляной, вороной
- 3) синий – васильковый, сапфировый, голубой, небесный, лазурный, бирюзовый
- 4) зеленый – берилловый, изумрудный, салатный, аквамаринный
- 5) желтый – морковный, оранжевый, шафрановый, золотистый, золотой, янтарный, лимонный, канареечный
- 6) серый – дымчатый, пепельный
- 7) оранжевый – апельсиновый, морковный
- 8) красный – багровый, багряный, алый, пунцовый, пурпурный, огненный, рубиновый, коралловый, кровавый, червонный [163; 223].

В ТЯ данный вид синонимов прилагательных представлен довольно широко, так как таджикскому языку свойственно распространять и

развивать значение за счет новых определений. Например, в следующем рубаи Джалолиддина Руми с помощью ПС прилагательных раскрыта вся глубина и важность цели поэта:

*Хоҳӣ, ки ҳамеша шоду хуррам боӣӣ,
Ҳар ҷо, ки равӣ, азизу маҳрам боӣӣ.
Покиза бизӣ, рост бигӯ, илм омӯз,
То тоҷи наберағони Одам боӣӣ.*

Подстрочный перевод:

Если хочешь быть *радостным и веселым*,
Повсюду быть *дорогим и желанным*,
Живи чисто, говори правду, учи науки,
И станешь венцом для внуков Адама.

Другой вид ПС состоит из синтаксических синонимов. Этот вид синонимов распознается в контексте и проявляется только при вторичном значении, что нами будет рассмотрено более обстоятельно в другом разделе нашего исследования.

Как показывают приведенные выше примеры, между компонентами каждой словоформы, сформированной на основе **фрагментарной сочетаемости**, существует устойчивая семантическая связь. Связь между значениями слов, в данном случае парных синонимов прилагательных, осуществляется по степени общности – корреляции, широкого охвата и специфических для одной определенной области значений. Например: *Мебинӣ, ки ин дувоздаҳгиреҳ назар ба он дувоздаҳгиреҳи қадимӣ чӣ қадар хушнамо ва назаррабо шудааст.* [136; 43]

Перевод: *Вглядишь, насколько красивее и тоньше получился рисунок.*
[137; 40]

Таким образом, сочетаемость лексических единиц играет большую роль и обладает огромным научно-практическим значением в осмыслении и правильном применении логики и лаконичности слова, в понимании его

семантики, в построении терминов, и наконец, в синхронном переводе синонимических слов и словоформ.

Необходимо отметить, что о парной синонимии прилагательных есть указания в исследованиях таджикских и зарубежных лексикологов и специалистов в области синонимии. К таким работам относятся исследования отечественных ученых С.Сабзаева, А.Абдукодирова и А.Давронова, М.Мухаммадиева и российских языковедов Н.М.Шанского, Д.Н.Шмелева, А.П.Евгеньевой, М.И.Фоминой, М.Н.Кожиной и др.

Выявление глубины определенных семантических потенций парных синонимов, их семантических дублетов, составляющих основу структуры словосочетания, достаточно широко обсуждается учеными-лингвистами. Эффективность такого выявления зависит от проведенного лингвистического анализа, так как язык, как семантическая система, в виде знаков отображает действительность. Для анализа семантики слов, близких по значению, но отличающихся по их функциональной нагрузке, наиболее эффективно применять частные лингвистические приемы рассмотрения семантической структуры слова.

2.6. Парные синонимы в составе глаголов РЯ и ТЯ

В языкознании существует еще много нерешенных или малоизученных вопросов. Одним из таких вопросов, обладающих привлекательными лексико-грамматическими и стилистическими особенностями, является определение сферы применения элементов речи, которые употребляются в парном виде. Данную группу слов мы в нашем диссертационном исследовании условно называем парными синонимами (ПС).

Хотя в таджикском языкознании вопрос о сфере применения ПС глаголов пока что не рассматривался в отдельности, все же об этом опубликованы отдельные статьи, свидетельствующие о привлекательности парно

используемых лексических единиц для исследователей. Указанные единицы рассматриваются в научных работах ряда лингвистов. Одним из первых ученых, обративших серьезное внимание данному вопросу, является известный лексиколог Носирджон Масуми, который изложил свою точку зрения о «составе синонимических словосочетаний»[79; 125].

Прежде всего, глагол является той частью речи, которая не менее других частей речи подвержена парной синонимии в обоих сопоставляемых языках. Это в основном связано с конкретикой глаголов, с выражаемыми ими действиями и процессами.

В качестве коррелятов синонимических глагольных единиц в РЯ выступают их конверсивы или семантические варианты. Например, **есть, вкушать, трапезничать, употреблять в пищу.**

В синонимичных глагольных единицах РЯ большая роль принадлежит оценке восприятия действия и его описанию.

Важно также различать совершенные и несовершенные виды глагола, являющиеся, по сути, парными синонимами по отношению друг к другу, но по форме слагающиеся из чередующихся фонем и вместе с суффиксами и приставками, образующими новые словоформы. Видовые пары в ТЯ переводятся одним глаголом, одинаково выражающим оба вида: списать и списывать – навишта гирифтан, разбить и разбивать – шикастан, задать и задавать – додан (супурдан).

В РЯ нами также обнаружены следующие примеры ПС, в основном принадлежащие к разговорному стилю речи русского языка: *судить да рядить, думать и гадать, верить и надеяться, жить-поживать, ходит-бродит, жили-были*, и др.

Например: *Жили-были дед да баба...*[143; 12]; *Стали они жить-поживать да добра наживать* [143; 16]; *Тянут-потянут, вытянуть не могут* [143; 45]. *Ищи его, свищи его* (посл.);

Березок тоненькая цепь

Вдали растаяла и стерлась...

[К.Симонов «Березы»]

В составе ТЯ глагольные парные синонимы употребляются, как в видовременных формах, так и в виде инфинитивов, причастий и деепричастий: *Аммо падарам бо як хез аз ду бозуям нигоҳ дошт ва ман бошам, пояк зада гирякунон ва фарёдзанон «меравам-меравам» гӯён нола мекардам* [136; 11].

Перевод: *Но отец крепко схватил меня за руку. Я плакал навзрыд, топал ногами и кричал...*[137;9]

Дурӯғ мегӯед, маро фиреб медиҳед, шумо аз кучо нақора меёбед? [136; 11]

Перевод: *Ой, вы обманываете! Откуда у вас барабан?* [137; 9]

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что в употреблении глагольных конструкций **дурӯғ мегӯед, фиреб медиҳед** в составе одного предложения для обозначения одного и того же действия применяются глаголы действий с одинаковым значением.

Результаты исследований таджикских лингвистов – специалистов в области теории перевода показывают, что наиболее приемлемым способом применения ПС при переводе является подбор их эквивалентов. В практике перевода встречаются случаи, когда готовый языковой материал не совпадает с его эквивалентом в языке оригинала или же он не соответствует стилистическому замыслу автора. В зависимости от этого переводчик прибегает к другим способам – выражению содержания произведения в переводном тексте при помощи отдельных лексических единиц либо к дословному переводу. Такой способ отображения содержания текста оригинала в переводе принадлежит к числу наиболее распространенных и приемлемых приёмов употребления синонимичных единиц. Однако данный способ не всегда дает желаемый результат (например, фразеологические единицы нельзя переводить дословно). Степень успешности перевода синонимов переводчиком можно определить только после его сопоставления с текстом оригинала. Ярким примером соответствия перевода синонимичных единиц может послужить повесть «Ятим» / «Сирота» С. Айни в исполнении Т. Гольц.

Обычно синонимические единицы и в частности парные синонимы употребляются во избежание неуместного повтора. В произведениях Садриддина Айни использование такого рода близких по смыслу единиц продиктовано не только стремлением отдалиться от ненужного повтора, оно обусловлено усилием писателя применению различных языковых стилей речи. В творчестве поэта можно встретить использование двух видов синонимии: 1. Фразеологические единицы, в составе которых содержатся лексические синонимы; 2. Фразеологические единицы с различной структурой. Лексические синонимы наиболее употребительны в составе вариантов фразеологизмов, однако они менее продуктивны в составе самих фразем.

С целью уклонения от ненужного повтора Айни попарно использует синонимы, которые состоят из близких по значению лексем. Использование лексических синонимов в составе ФЕ носит довольно интересный характер и осуществляется с целью придания красочности речи. В нижеследующем примере употреблена синонимичная пара *хотир* и *ёд* (память), оба компонента которой достаточно широко известны, одинаково применяются, как в разговорном, так и литературном стилях. Но они не всегда могут взаимно заменять друг друга в тексте, так как отличаются своим смысловым оттенком:

... *номи аслии ӯ тамоман аз хотирхо фаромӯш гардид, ҳатто худаи хам номи аслии худро аз ёдаи баровард* ... [136; 349].

К сожалению, в переводе отсутствует данный вид передачи мысли:

... *а настоящее имя все, даже он сам, забыли*... [137; 32].

Фразеологические единицы *аз хотир фаромӯш гардидан*, *аз ёд баровардан* близки по смыслу со значением «забывать» и их можно заменить друг другом, так как они не выражают других смысловых оттенков. Переводчик повести Т. Гольц две ФЕ оригинала перевел с помощью глагола *забыли* (от инфинитива *забывать, забыть*), тогда как в разговорном стиле русского языка имеются такие синонимичные

эквиваленты, как *вылетать из головы*. На наш взгляд, оригинал написан в строгом соответствии и в рамках литературной нормы таджикского языка, поэтому перевод должен быть эквивалентным и не содержать элементы разговорного стиля, за исключением тех лексических единиц, которые автор использует с применением разговорного стиля речи.

У переводчика была хорошая возможность использовать для первой ФЕ этот вариант данного значения, а для другой - глагол *забывать*. Значение «забывать» также хорошо передает другая ФЕ *потерять из виду*, но она применяется для отображения только одушевленных существительных (потерять из виду кого-либо – друга, родственника и др.), поэтому она не соответствует приведенному выше предложению. Несмотря на то, что лексический синоним передал только бледную копию значения ФЕ оригинала, Т. Гольц предпочитает применение русского эквивалента лишь описательным способом.

В целом в творчестве С.Айни применяется большое количество глагольных синонимов, при помощи которых он удачно и умело активизирует описательную и эмоциональную сторону произведения, усиливает впечатление и наряду с этим избегает ненужных повторов. К числу таких ПС принадлежат следующие: *дар фикру хаёл фурӯ рафт*; *ба дарёи хаёлот фурӯ рафт*, *ба дарёи андеша афтод* и др. Данное языковое явление в лингвистике называется универбацией. *Дар фикру хаёл фурӯ рафт* и *дар хаёл фурӯ рафт* являются вариантами одного значения. ФЕ *ба андеша афтодан* построено в форме причастия и употребляется в виде метафорического словосочетания. Данные словоформы в переводе выглядят следующим образом:

... *Соро села у изголовья сына и стала внимательно всматриваться в его лицо. Но тревожные мысли не оставляли её* [137; 25]; *Мурод задумался* [137; 34]; *Казалось, он думал только о том, что бай теперь прогонит его. И хозяин, словно **разгадав мысли** батрака, ободрил его ...*[137; 35].

Таким образом, фразеологические синонимы в повести «Ятим» переведены описательно и подстрочно. Конечно, те единицы, которые соответствуют языку перевода, в известной степени сохраняют художественность текста оригинала, но отображение ФЕ в языке перевода оставляет желать лучшего и не прибавляет произведению художественной окраски. При переводе синонимичных единиц переводчики должны четко разграничивать лексемы, употребляемые в прямом и переносном значениях. Если переводчик не способен вычлнить слова в прямом и переносном значениях из текста, возникает опасность неадекватного перевода. Это еще раз доказывает, что переводчики обязаны в совершенстве знать язык оригинала и вычленять все его смысловые оттенки.

Из исследованного в диссертации фактического материала следует, что из-за отличий в объеме, лексическом составе, значительном отличии качественного и количественного состава языкового материала, а также в виду отличия в условиях функционирования общей экстралингвистической базы, сфера распространения конкретных моделей синонимичных глаголов в сопоставляемых языках является достаточно различной и неординарной. Поэтому особенно важным при их изучении становится выяснение отличительных признаков языковой природы парно употребляющихся глаголов, а также анализ функциональной нагрузки отдельных языковых категорий в контексте употребления глаголов. Очерченный круг работы требует уделить внимание к содержанию анализируемых примеров, к их конкретизированному применению и жанровым особенностям, что напрямую взаимосвязано с вопросами текстологии. Анализ системных связей и закономерностей внутри синонимичных глаголов сопоставляемых языков требует изучения типов указанных связей в тексте.

Помимо непосредственного внимания к стилистической окраске речи необходимо провести анализ функций отдельных языковых категорий. Это связано с тем, что в качестве объекта художественного описания в русском и

таджикском языках выбираются действия, состояния, движения и ассоциации, которые обладают отдельным полем звучания. В частности, в русском и таджикском языках эта связь зависит от того, какую объектную позицию в конструкциях с синонимичными глаголами принимают наименования действий и состояний, определяющих характер функциональной нагрузки глаголов, их выбор и пути выражения. При этом они организуются в некую функциональную систему, обеспечивающуюся содержательными связями текста. Данная сентенция четко представлена в следующем четверостишье Хайяма:

*Асрори азалро на ту дониву на ман
Ин ҳарфи муаммо на ту хониву на ман.
Ҳаст аз наси парда гуфтугӯи ману ту.
Чун парда барафтад, на ту мониву на ман.*

Подстрочный перевод:

Тайну вечности не постичь ни тебе, ни мне,
Эти загадочные слова не прочесть ни тебе, ни мне,
Есть лишь наша беседа из-за полога.
Стоит ему упасть, как не будет ни тебя, ни меня.

Интересно, что наряду с глагольными ПС в данном стихотворении применены местоимения ману ту / я и ты, являющиеся между собой антонимами, но создавшими синонимичное значение «мы». Наряду с этим, глаголы *донӣ*, *хонӣ*, *монӣ* также создают синонимичную канву стихотворения, являются его ключевыми значениями и применяются гениальным поэтом для выражения бесполезности человеческой суеты.

Семы глагольных ПС в их семантической структуре развивают процесс синонимизации и подготавливают почву для появления новых позиций и значений, которые проникают во все сферы грамматики (время, наклонение, вид, спряжение и т.д.). При этом они выражают движение, действие и состояние объектов, так как проникают в самые широкие слои вербального

структурирования. К примеру, в известном отрывке из поэмы «Дорогая моя» Мирзо Турсунзаде глагольные синонимы обладают высокой функциональной нагрузкой, определяющей суть и значение мыслей поэта:

*Чони ширин, ин қадар қангам макун,
Ин қадар беҳуда дилтангам макун.
Аз сафарҳо гашта-гашта боз омадам,
Боз дар наздат ба парвоз омадам.
Ҳар кучо, ки хоб кардам, хестам,
Ҳар кучо, ки буд чое, зистам.
Ин дили ман манзили ёди ту буд,
Ёди рӯи хуснободи ту буд.
Бе ту нагзашт аз гулӯям об ҳам,
Бе ту дар чашмам наёмад хоб ҳам.
Бе ту ҳар як рӯзи ман як сол шуд,
Бе ту дил гаи кард, чун атфол шуд...*

Как видим, в данном отрывке из знаменитой поэмы парных характер синонимов обнаруживается в строках (мисраъ), которые вместе составляют двустрочие (байт). Так, в первой строке глагол *қангам макун* - не ругай синонимичен глаголу *дилтангам макун* - (букв.) не портить мне настроение, который завершает вторую строку байта. В третьей строке глагол *боз омадам* - вернулся, по своей семантике звучит синонимично с глаголом, четвертой строки, а. следовательно, второго байта - *ба парвоз омадам* - прилетел. В последующих строках мы видим попарные в семантическом отношении глаголы, которые в пятой строке между собой вступают в антонимические отношения *хоб кардам, хестам* - уснул / проснулся, а в шестой строке они синонимичны с глаголом *зистам* - жил, что дает нам право утверждать их попарный характер. Седьмая строка: *ин дили ман манзили ёди ту буд* - мое сердце было домом твоей памяти. Восьмая строка: *ёди рӯи хуснободи ту буд* - памяти о твоём прекрасном облике, то есть опять речь идет о памяти, но в

восьмой строке характер этой памяти, ее специфика с помощью дополнительного описания раскрывается намного шире и дает более красочную и отчетливую картину памяти поэта. Девятая и десятая строки: *нагзаит аз гулӯям об ҳам* - глоток воды не шел в горло, *дар чашмам наёмад хоб ҳам* – в глаза не шел сон, что снова позволяет сделать вывод о семантической синонимии этих строк: оба описания обозначают одно и то же состояние поэта: человек не имеет покоя, когда ему в глазу не идет сон и в горло не идет глоток воды. 11-я строка: здесь с помощью антонимов *рӯз-сол* поэт также эмоционально раскрашивает специфику своего состояния - *ҳар як рӯзи ман як сол шуд* – один день был как один год. 12-я строка: опять используются два синонимичных описания - *дил гаиш кард, чун атфол шуд* - сердце заходило криком, стало таким как ребенок, по сути передают синонимичные значения, распространяющие и комментирующие смысл предыдущей строки или словосочетания.

Данные синонимичные значения выражены, как упоминалось ранее, глаголами. Такая форма выражения состояний и действий достаточно распространена не только в художественном стиле изложения мысли, но и в литературной и разговорной речи таджикского языка.

Таджикский глагол *ситондан / гирифтан / рабудан* – взыскивать / отбирать / взимать также обладает большим количеством синонимов, которые автор в зависимости от поставленной цели может широко использовать в контексте. Корневая часть этого глагола состоит из морфемы «ситон», которая, по сути, является повелительной формой глагола – «отбери», выраженном во втором лице единственного числа (аорист). К данной форме присоединяется словообразовательный суффикс – *ан*, как правило, образующий глаголы и наречия.

В обоих языках синонимичные и системно связанные концепты состоят в определенных отношениях, которые образуют сложные семантические структуры. В этом плане большую и показательную роль играет глагол. Хотя

ранее глагол нами рассматривался с точки зрения его синонимичного употребления в художественной литературе и обиходной речи, все же считаем целесообразным еще раз обратить внимание на функциональные возможности отдельных глаголов в формировании конструкций с новыми значениями. Среди глаголов РЯ такими конструкциями являются следующие лексемы: *рассматривать, одаривать, обнаруживать, действовать, улыбаться, смущаться и т.д.* В ТЯ их эквивалентами являются глаголы *тамошо кардан, ҳада намудан, дарёфтан, амал кардан, табассум кардан, шарм кардан*. В перечисленных номинациях синонимичные лексемы являются двухкомпонентными составными вербальными единицами, хотя в литературно-книжном варианте некоторые из них могут быть переданы с помощью одной лексемы. Например, *дарёфтан* – обнаружить/выявить, *шармидан* – стесняться. Как видно из этих примеров, для получения однокомпонентного глагола в ТЯ достаточно сократить корневую часть вспомогательного глагола «кард», однако, как это подчеркивалось ранее, данную процедуру можно осуществить далеко не со всеми глаголами. Такими же свойствами обладает глагол *ноз кардан* или *нозидан*, который нелегко перевести на РЯ. В ТЯ он применяется в положительных переносных значениях «быть красивым», «радоваться жизни», «гордиться чем-либо». Однако в РЯ данное значение чаще воспринимается в отрицательном смысле «ломаться, важничать, набивать себе цену». В связи с этим, можно констатировать, что вариативность семантических оттенков различных лексем в ТЯ и РЯ не всегда совпадает.

Итак, структура парных синонимов подразумевает использование только текста для получения исходной информации, о чем имеются указания в работах ряда отечественных и зарубежных лингвистов. Самые важные функционально-семантические свойства глаголов проявляются в текстах, так как именно текст представляет собой аналог широкого круга взаимоотношений между единицами, компонентами и моделями определенного микрополя, начиная от малых единиц – словосочетаний, заканчивая крупными – предложениями и

текстом. В связи с этим, в результате определения связи между синонимичностью глагольных лексем мы можем установить содержание, место и форму конкретного вида и времени в этой системе. При определении семантической целостности синонимичных глаголов важная роль принадлежит понятию «семантическая структура значения», которое обозначает единство отдельных, иерархически построенных сем. Эти структуры являются элементами сложной лексико-семантической системы русского и таджикского языков. Предложенное отношение к лексической единице дает возможность оценить процесс распада целостности слова с точки зрения его структуры и семантики. В данном случае в обоих языках отличающиеся значения (пробовать пищу, пробовать силы) выступают в качестве сем, которые предоставляют возможность в дальнейшем установить общий семантический признак в структуре обоих этих значений.

2.7. Парные синонимы в составе других частей речи РЯ и ТЯ

Представленность ПС в различных частях речи ранее частично рассматривалась нами в предыдущих разделах данной главы исследования. Поэтому мы считаем необходимым остановиться лишь на тех частях речи, где ПС презентуются наиболее ярко и носят типичных характер.

Наречия служат основой для формирования таких семантических элементов структуры модели, как образ действия в состоянии, состояние нахождения во времени, происхождение действия по причине, явления благодаря или / с целью/ вопреки и т.д.

Процесс анализа и учета всех особенностей категории, состоящей из нескольких компонентов, предоставляет возможность для выявления основных значений наречия в сопоставляемых языках. Но возможности такого анализа и учета на этом не ограничиваются. С его помощью можно установить грамматическую форму и важные композиционные элементы структуры категории, семантический признак элементов структуры. Несомненно, такой

анализ позволяет определить качество каждого элемента в составе синонимичных значений отдельной части речи, и наречия в частности.

Близость лексических значений в наречиях сопоставляемых языков, как правило, сопр. различием их лексических фонов, несмотря на то, что именно лексические сопровождается различием лексических фонов, несмотря на то, что именно лексические фоны устанавливают понятный образ состояний и действий в русском и таджикском языках. Образ действий и состояний, который семантизирует рисунок лексических сочетаний в рассматриваемых языках проявляет достаточно четкие признаки и проработан, особенно в РЯ, в деталях. С этой целью в первую очередь, отбирается и вводится тематическая лексика, которая связана с параллельным значением, что обеспечивает их сочетаемость. Поэтому лексический фон в конструкции моделей русского и таджикского языков, который семантизирует близкие по значению лексические единицы, и в частности наречия, является совокупностью определенных сведений. Указанные сведения принадлежат к обозначаемому словом понятию и понятны для носителей языка, которые несут ответственность за правильное употребление слова в родном языке.

В русском языке к наречиям образа действия относятся следующие лексемы: *легко, задорно, покорно, довольно, сладко, деловито, решительно, добровольно, радостно, ярко, мучительно, идеально, нахально, лениво, машинально, трогательно, заботливо, платонически, символически, механически, саркастично, оптимистично* и многие другие. Попарное применение данной группы наречий, как и наречий других ЛСГ во многом зависит от целей контекста.

В РЯ прямое значение наречий имеет непосредственное отношение к образу действия, состоянию, времени или месту, условиям, причине и следствию происходящего и контаминирует общее понятие о конкретном действии, а переносные значения с их вариативными единицами обозначают частное значение испытания, переживания различных эмоций и выполнения

различных действий. Точно такими же широкими функциональными особенностями обладают и другие части речи.

В ТЯ часть наречий носит характер заимствований из других языков и ряд наречий образуется из заимствованных из арабского языка корней путем присоединения к ним суффикса *-ан*, который является арабским «танвином» - окончанием наречий типа: *катъан*, *маъмулан*, *аксаран*, *қисман* и т.д. Для сравнения: *воқеан* (действительно), *амалан* (практически), *мустақиман* (непосредственно), *тахминан* (приблизительно), *бадоҳатан* (импровизировано) и др. В ТЯ и другие аффиксы могут образовать новые наречия. К примеру, таджикский предлог «аз» участвует в построении таких наречий, как *азҷумла*, *аз он ҷумла* (в том числе). При этом он может быть заменен арабским предлогом «мин» - *минҷумла* и использоваться слитно. В целом, в наречиях много слов пользующихся как арабскими средствами словообразования, так и самими арабскими корнями: *алҳол* (сейчас), *алқисса* (короче), *билохира* (в конце концов), *филҳол* (*срочно*) и т.д.

В ТЯ парные наречие образа действия также репрезентуются такими лексическими единицами, как *саҳван* – ошибочно, *бадоҳатан* - импровизированно, *қасдан* - нарочно, *умуман* – в целом, *махсусан* - особенно, *эҳтиётан* – на всякий случай, и др. Наряду с этим, образ действия в ТЯ может быть выражен с помощью таких парных конструкций, как *дидаю дониста* – намеренно, *кушоду равшан* – открыто и ясно, *сарфаю сариштакорона* – экономично, *аниқу равшан* – точно и конкретно, и др. Среди перечисленных наречий лексема *саҳван* может употребляться в различных конструкциях: *аз рӯи саҳв*, *хато карда*, *хатокорона*, *барғалат*, *аз рӯи галат* (ошибочно) и др. При этом, ТЯ использует довольно широкий арсенал грамматических средств, начиная от аффиксации, и заканчивая различными видами построения словосочетаний, а также сложными синтаксическими конструкциями. Наряду с этим парные наречия образа действия могут расширить рамки своего значения и привлечь варианты с более широким спектром действия. Например: *ман*

сахван ин китобро гирифтам (я ошибочно взял эту книгу) – ман нафахмида ин китобро гирифтам (я по незнанию взял эту книгу)- ман галат карда ин китобро гирифтам (я по-ошибке взял эту книгу).

При этом использование парных наречий характерно как для художественного произведения, так и для разговорного стиля речи. Например:
*...богчае, ки дирӯз бо шукуфа ва сабзаҳои навхези худ шодӣ бар шодии кас меафзуд, имрӯз монанди хонаи мотамзадагон **андӯҳовар ва гамангез** гардида буд. С 23*

Перевод: *Сад, который еще вчера радовал глаз, стоял, словно поверженный в траур. С20*

Языковедческая практика доказывает, что семантику наречий наиболее эффективно анализировать вместе со структурой тех лексем, к которым они принадлежат. Поэтому в ТЯ репрезентуется группа таких лексических единиц, которые по своей структуре не отличаются от самих наречий, но в контексте они выполняют другие морфологические функции. При вступлении в грамматическую связь с глаголами, эти лексемы приобретают морфологические характеристики наречий. При отсутствии этой связи между глаголом и наречием сопутствующее слово приобретает признаки модальных слов. Например, к таким единицам относятся: *хушбахтона* (к счастью), *одатан* (обычно), *ҳатман* (обязательно), *ҳақиқатан* (действительно), *мутаассифона* (к сожалению) и др.: 1) *Мо хушбахтона зиндагӣ мекунем* – Мы живем счастливо.

2) *Хушбахтона, имрӯз ҳаво нағз аст.* – К счастью, сегодня погода хорошая.

При грамматическом описании частей речи, необходимо добавить, что морфологические характеристики и синтаксические отношения этих частей речи одинаковы по степени важности. Слова, которые не изменяются с морфологической точки зрения, такие как, междометия и наречия, входят в разряды слов, которые имеют разную грамматические признаки в синтаксическом плане. В связи с этим вести речь об их синонимичности представляется довольно трудной задачей. По данному

вопросу существует определенное мнение известного лингвиста Апресяна, считающего, что для толкования некоторых лексических значений необходимо понятие времени. В качестве примера он приводит частицы ЕЩЕ и УЖЕ во фразах типа Еще <уже> в детстве я интересовался шахматами <историей, жизнью птиц>. Ученый подчеркивает, что тот факт, что обе частицы способны осмысленно фигурировать в одних и тех же контекстах, наводит на ложную мысль, будто они синонимичны (они действительно толкуются как синонимы во всех современных словарях). Их не синонимичность явно проступает в контекстах максимального противопоставления, где способна употребляться лишь одна из двух частиц. Для сравнения: Еще вчера я разговаривал с ним, а сегодня его нет в живых (нельзя сказать *Уже вчера я разговаривал с ним, а сегодня его нет в живых) — Уже сейчас ясно, что он проиграет (нельзя сказать *Еще сейчас ясно, что он проиграет). Понятие времени говорящего позволяет вскрыть (хотя и не полностью) тонкое различие между ЕЩЕ и УЖЕ [6; 21].

Вербальная природа конструкций с наречиями образа действия в сопоставляемых языках выражается различными видами действий, являющимися системно связанными друг с другом и находящимися в определенных синонимических отношениях. Данные наречия нередко переходят в сложные, но активные конструкции. В обоих языках они широко употребляются и в прямом, и в переносном значениях. Как в таджикском, так и в русском языках наречия свободно переходят из одной части речи в другую. Например, мастер (сущ.) — мастерский (прилаг.) — мастерски (нареч.) — мастерить (глагол.). В ТЯ: усто (сущ.) — устокор, (прилаг.) — устокорона (нареч.) — устогӣ кардан (глагол.).

В ТЯ синонимично подобранные в контексте лексемы зачастую могут принимать экспрессивный характер, что требует их правильного употребления в стилистическом отношении. Сходство функционирования синонимов различных частей речи состоит в том, что они в обоих языках свободно переходят из одной части речи в другую, при этом в ТЯ для этого используется

больше словообразующих средств.

В РЯ синонимичные значения выражаются с помощью инвариантных лексем. Анализ семантических особенностей синонимических значений русского и таджикского языков в различных контекстах, объединяющихся общим функциональным назначением, дает возможность сделать вывод, что в них общий смысловой компонент может отличаться по своему семантическому весу и вместе с другими семами строить новые производные значения, которые входят в новую систему оппозиции, при этом они получают собственные семантические признаки.

В составе таджикского языка синонимичные значения также выражаются с помощью инвариантных лексем. Например, деепричастие *гирякунону нолакунон* – плача и стоня, по своей структуре является парным синонимом, каждое слово в котором является двухкомпонентным и состоит из именного – существительного: *гиря* – плач + *кунон* – делаю, *нола* – стон, стенание + вспомогательный глагол – *кунон /кардан* – делать. При этом, деепричастный суффикс –он придает слову оттенок продолжительности действия. В этих конструкциях вспомогательные глаголы, зачастую не имеют своей исходной семы.

Например: *Зан гириякунону нолакунон воқеаро нақл кард*[136;16].- *Женщина, плача и стоня, рассказала о произошедшем* [137;14].

Весьма важной особенностью морфологических синонимов ТЯ является их формирование с помощью аффиксации и других средств словообразования. К примеру, существительные обладают высоким потенциалом вариативности и синонимичности именно благодаря своим морфологическим средствам построения слов: *муру малах; лату куб; зебу зиннат* и др.

Однако, как неоднократно подчеркивалось ранее, основным и самым ярким свидетельством синонимичности существительных служит их сочетание на фоне богатого языкового материала из исконных запасов самого языка и его

заимствованных синонимов, которые придают контексту красочность и эффект избегания повторов: *ҳамоиш – конференсия – анҷуман; омӯзгор – устод – муаллим – мураббӣ – тарбиятгар; шартнома – аҳднома – созишнома – қарордод; саратон – рак / саратоншиносӣ – онкология; амрози қалб – бемориҳои дил; таърихшинос – муаррих – бостоншинос* и другие. Приведенные примеры и множество других примеров наглядно показывают, что для таджикского языка, в силу экстралингвистических факторов долгое время пополнявшего свой лексический запас иноязычными единицами, характерно параллельное применение, как исконных лексических единиц, так и заимствованных, чего нельзя сказать о РЯ. Однако необходимо учитывать и тот фактор, что в настоящее время в ТЯ идет активный процесс формирования лексического состава и словарного запаса языка, поэтому полная картина формирования морфологических и синтаксических синонимов, как одноаспектных и межаспектных, так и парных, все еще не завершена.

Из характерных признаков синонимичности грамматических единиц можно выделить два основных признака, свойственных синонимическому ряду: степень тождества и различия в семантической структуре и различия в грамматической форме или структуре синонимов. Эти признаки взаимосвязаны и изменения грамматической формы неизменно ведут к смысловым и стилистическим изменениям. Но данные структурные изменения встречаются не всегда в различных синонимических рядах. Часто они наблюдаются и не во всех компонентах структуры, а только в отдельных элементах:

*Фақат фарқ дар ин ҷо буд, ки Усто амак **ширинзабон**, хушмуомила ва **ширинкорнамо** буд ва кори бади одамонро бо ширинсуханӣ ба рӯяшон мезад. С 46*

Перевод: *Но только Усто- ходжа был человеком веселым, мягким, общительным. С 43*

Синонимика предлогов. Одни и те же отношения имён могут быть выражены различными предлогами, которые в подобных случаях являются синонимами. Синонимия предлогов в таджикском языке — явление распространенное, идущее в основном по двум линиям: а) полной взаимозамены без дополнительных оттенков; б) синонимии с выделением дополнительных оттенков, определяющихся ведущим значением предлога.

В качестве примера предлогов, взаимозаменяющих друг друга, можно привести предлоги *дар* и *ба*, использующиеся для обозначения направления движения к предмету.

Например: *Аммо аз амир ба номи қози мазкур муборакнома (фармон) омадааст, ки вай дар тумани Шафирком рафта ба кори рудинавбарорӣ роҳбарӣ намояд.* / Но, оказывается, на имя упомянутого казия пришёл указ, чтобы тот, поехав в туман Шафирком, руководил бы работой по прорытию канала (Айнӣ, Ёддоштҳо); *Падарам розӣ шуд, мо ҳар се ба Маҳаллаи Боло рафта рост бо ҳавлии бобоям фуромадем.* Отец согласился, мы втроем поехали в Махаллаи Боло и прямо остановились в доме деда (Айнӣ, Ёддоштҳо).

Синонимической парой являются и предлоги *ба*, *бо* при выражении орудия, способа действия (см. стр. 14, 16).

Рассмотрение этих пар предлогов даёт основание полагать, что их взаимозамена — явление историческое, имеющее очень широкое распространение в языке классической литературе, но в современном литературном языке это явление не имеет широкого развития.

Синонимами предлога *пушт* являются предлоги *пас*, *қафо*, *ақиб*.

Таким образом, основная задача употребления парных синонимов на всех морфологических уровнях заключается не только в расширении и обогащении словарного запаса, не только в развитии красочности и эмотивности контекста, но и в повышении культуры речи, вкуса и понимания слова, правильного подбора языкового материала и его надлежащей презентации. Эта сложнейшая

задача требует от авторов и языковедов - исследователей тщательного анализа закономерности применения тех или иных лексических единиц и их употребления с правильных позиций.

Выводы по второй главе исследования.

Итак, нами установлено, что ПС в различных частях речи содержат конкретные семы в своей семантике. Поскольку синонимические единицы ведут себя нейтрально по отношению к конкретным орудийным семам, они могут заменять слова, принадлежащие к другим частям речи: восприятие, отношение и взаимодействие с предметами, их качествами и состояниями.

Другим морфологическим признаком, представляющим большие возможности для синонимизации лексических единиц, является аффиксация. Она характерна для большой группы парно употребляемых лексических единиц, в которой участие словообразовательных аффиксов и вспомогательных глаголов (ТЯ) открывает широкие возможности для словообразования.

Своеобразным свойством ПС и дуплетов русского языка является их субстантивация и вербиализация, в случае, когда они не сочетаются со вспомогательными частями речи.

Различия и сходства между таджикским и русским языками больше всего наблюдаются в образовании синонимичных синтаксических конструкций и словосочетаний. Парные синонимы таджикского языка со своими частеречными свойствами могут образовывать различные типы конструкций.

Языковые особенности произведений литераторов классического и современного периодов таджикской литературы, и в частности синонимия данных произведений до сих пор нуждаются в дополнительном изучении.

Теоретическое осмысление и конкретное исследовательское постижение семантических особенностей парных синонимов РЯ и ТЯ, рассмотренных в отдельных контекстах, объединенных общим функциональным назначением, позволяет сделать следующие выводы:

1. Общая семантическая нагрузка лексем, принадлежащих к рассматриваемому языковому явлению в сопоставляемых языках, как правило, равнозначна в семантическом отношении, и вместе с другими семами она способствует построению новых производных значений. Например, в РЯ: *кручу-верчу, далеко-далёко, шито-крыто, ласковый и нежный, любимый и родной, Родина-мать, море-океан, малец-удалец, девица-красавица, попрыгунья-стрекоза* и т.д.

В ТЯ: *ишқу муҳаббат, дӯстиву рафоқат, ширину гуворо, сареху малех (кн.), паридану чаҳидан* и др.

При этом большая доля ПС, как в русском, так и в таджикском языках формируется в составе существительных.

2. В сфере ПС производное значение зачастую создает новую систему оппозиций, при этом данное значение получает соответствующие семантические признаки.

3. Особенность семантических связей и значений ПС определяется смысловым соединением двух составных компонентов смысла (*шутки-прибаутки, весело-привесело, думать-гадать, легко да гладко*).

4. Парные синонимы русского и таджикского языков распределяются на несколько групп с различной степенью типичности по типу своих семантических соотношений или значений.

5. В русском и таджикском языках семантическая структура первого компонента парного глагольного выражения составляет сему конкретного действия, а его аналогии и эквиваленты, возникающие благодаря внеязыковым причинам, приобретают новые смысловые оттенки на основе этого первого компонента. На выбор и необходимость применения парных синонимов и синонимических конструкций в обоих сопоставляемых языках оказывают влияние различные факторы, к числу которых принадлежит необходимость ясной и точной формулировки мысли для эффективного осуществления процесса языковой коммуникации, требования языковой нормы, ограничения в

устной и письменной речи и другие немаловажные факторы.

6. Подводя итог анализу и описанию ПС в сопоставляемых языках, можно уверенно сказать, что обсуждаемая проблема исследования данного языкового явления носит грамматический характер, поскольку при всех различиях в подходе исследователи опираются на одни и те же свойства рассматриваемых форм. Широкая трактовка состава ПС позволяет дать более целостное представление о синонимии и обладает преимуществом системного подхода.

7. Помимо синонимических форм, в системе рассматриваемых языков широко представлены их дериваты - существительные, прилагательные и наречия, образованные от глагольных основ. Несмотря на принципиальное отличие дуплетов от рассмотренного нами в первой и второй главах данного диссертационного исследования языкового явления, они иногда привлекались к рассмотрению, поскольку при сопоставительном изучении оказывается более важной возможность выразить то или иное значение, чем формальная принадлежность к той или иной форме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе данного исследования нами установлено, что вопросы, связанные с употреблением синонимических пар, выраженных различными частями речи, в современном языкознании рассматриваются как стилистические средства выразительности речи. Употребление так называемых «парных синонимов» или «синонимических пар» широко распространено и ярко представлено в русской и таджикской литературе как одно из выразительных средств авторского повествования и эмоционально окрашенной разговорной речи действующих лиц.

В связи с тем, что основной принцип классификации слов на части речи является семантическим, части речи послужили основой для определения функционального назначения парных синонимов на морфологическом уровне РЯ и ТЯ. В диссертации приводятся исчерпывающие сведения о частеречной точке зрения исследователей на синонимы и их признание парной синонимии как малоизученной области синонимии частей речи.

Основным свойством парных синонимов (ПС), обнаруженных нами в сопоставляемых языках, является то, что они выражают те явления, признаки и действия, которые распространяют и поясняют объект. По этой причине ПС в некотором отношении противопоставляются обычным синонимам и сохраняют свою индивидуальную специфику.

Существительные являются частью речи, в которой широко применяются синонимы, как наиболее приемлемое средство красочности и вариативности устной и письменной речи. В обоих сопоставляемых языках существительные совпадают по общей семантической и синтаксической характеристике. Важным грамматическим признаком существительных является их сочетаемость с другими частями речи. К числу грамматических признаков существительных также относятся «сочетаемость с числительными и нумеративами, с предлогами и послелогами, возможность выступать в изафетном

словосочетании в качестве определяемого (1-й компонент словосочетания) и определяющего слова (2-й компонент словосочетания), а также синтаксические функции в предложении».

В современном русском языке существуют следующие синонимические группы:

Семантические (идеографические). Эта группа синонимов различается по оттенкам значения: *мудрость и разум, честь и слава, сила и мощь*. В ТЯ также наблюдается огромное число семантических синонимов: *ақлу хирад, шиқу муҳаббат, сурху сафед* (перенос. знач.) Изобилие семантических синонимов, характерных для ТЯ, основывается на стремлении разнообразить и раскрасить речь.

Стилистические синонимы. Они отличаются различной частотностью употребления и стилистической окраской: *глаз* (нейтральное) – *око* (возвышенно-поэтическое), *поэт* (общеупотребительное) – *шиит* (книжно-возвышенное). В РЯ нередко для стилистически окрашенной речи используются контрастные ПС: *всецело – душой и телом, всегда – денно и ночью, различными путями – всеми правдами и неправдами* и другие.

Семантико-стилистические синонимы, по сути, достаточно близки к стилистическим. Они отличаются по своим лексическим значениям и стилистической окраске: *целиком и полностью, цвести и пахнуть, мир и дружба*.

Контекстуальный анализ употреблений ПС в русском языке показал различия в оязыковлении различных восприятий, хотя учеными отмечены основные сходства в понимании семантики парных синонимов русскими и таджикскими народами.

Парная синонимия может принимать различные формы и виды. Парное употребление близких по смыслу слов, которое становится причиной рождения словосочетаний, происходит как за счет сочетаний единиц в прямом значении, так и в переносном. Например, если в парных по своей семантике синонимах *боль и слёзы, сны и грёзы* семантическое соответствие осуществляется на

основе прямого значения, то в дублетах типа *море-океан* (бескрайнее водное пространство) и редупликатах типа *печки-лавочки* (место отдыха и беседы) данное соответствие достигается путем переносного значения.

Таковую же классификацию можно провести и в ПС таджикского языка: *дӯстиву рафоқат* / дружба и товарищество, *бародарию баробарӣ* / братство и равенство (Nom.), *ширину гуворо* / сладкий и приятный, *шоду хандон* / радостный и смеющийся, *бою рангин* / богатый и красочный, *зӯру тавоно* / сильный и могучий, *сареху малех* / четкий и утонченный (Adj.) – в прямом значении.

В качестве коррелятов синонимических глагольных единиц в РЯ выступают их конверсивы или семантические варианты. Например, **есть, вкушать, трапезничать, употреблять в пищу**.

В синонимичных глагольных конструкциях РЯ главное внимание сосредоточивается на процессе оценки восприятия действия и его характеристики, а не на его объекте, хотя он (объект) обладает обязательной синтагматической связью с другими компонентами текста.

В отдельных случаях видовые пары образуются от разных синонимичных корней, и принимают супплетивный характер. Подобные видовые пары в ТЯ переводятся одним глаголом, одинаково выражающим оба вида: *списать и списывать* – навишта гирифтан, *разбить и разбивать* – шикастан, *здать и задавать* – додан (супурдан).

В РЯ нами также обнаружены следующие примеры ПС, в основном принадлежащие к разговорному стилю речи русского языка: *судить да рядить, думать и гадать, верить и надеяться*, и др.

В составе ТЯ наречные парные синонимы в большинстве случаев употребляются в виде причастий и деепричастий: *гирякунону нолакунон, андӯховару замангез, хушу хурсандона*, и др.

Результаты исследований таджикских лингвистов – специалистов в области теории перевода показывают, что наиболее приемлемым способом применения ПС при переводе является подбор их эквивалентов.

Парный характер употребления синонимов сближает это языковое явление с редупликацией, повтором слов, их дублетностью и звукоподражанием. Для всех этих перечисленных языковых явлений характерно парное использование близких по семантике и структуре слов. Однако в отличие от парных синонимов в этих явлениях один из компонентов играет доминирующую роль.

При редупликации, принимающей форму внутрисловного удвоения, свойства основных единиц бывают не совсем четко определенными. Поэтому остается открытым вопрос о том, что редупликация – это только удвоение единиц, или же – это прием удвоения, в котором план содержания языковых знаков не всегда совпадает с планом выражения. Под редупликацией понимается удвоение синонимичных лексических единиц, т.е. создание смысловых повторов.

Семантические связи и значения редупликатов определяются семантическим слиянием двух составных компонентов смысла (*шутки-прибаутки, весело-привесело, думать-гадать, легко да гладко*).

Синонимы дублирующего характера до сих пор не рассматривались в отечественном языкознании.

В сопоставляемых языках помимо дефисного словообразования мы наблюдаем широкий спектр употребления сложносоставных конструкций и словосочетаний, что не свойственно для РЯ, употребляющего преимущественно дефисный способ образования таких языковых явлений, схожих с парной синонимией, как редупликация, дуплеты, повторы и звукоподражание.

В семантическом плане дублеты отличаются многозначностью и образностью.

Вопрос о дублетах в таджикском языкознании по сегодняшний день не подвергался тщательному и всестороннему анализу. Как таковое понятие «дублет» на данный момент существует лишь в европейском языкознании.

Собранный нами языковой материал свидетельствует о том, что в современном русском языке широко применяется 4 видов дублетов:

1) *синтаксические*: в связи с этим—из-за этого, домашнее задание — задание на дом.

2) *словообразовательные*: белый – беленький – белесый - белоснежный.

3) *стилистические*: чепуха— ерунда, надежда — чаяние.

4) *фразеологические*: разлюбить — охладеть, безкомплексный - безбашенный, не заморачиваться – не дуть в ус.

Лингвистический анализ дублетов, как одной из разновидностей парных синонимов сопоставляемых языков позволяет сделать следующие выводы:

1) В текстах, наиболее близких к разговорному стилю, особенно к диалогу и монологу, можно встретить предложения, содержащие слова и конструкции, в которых дублетные компоненты являются устойчивыми, не расчлняющимися на отдельные компоненты и морфемы. Такого рода словоформы в языкознании называются словами-дублетами или же абсолютными синонимами.

2) Дублеты в синтаксическом плане не разделяются на компоненты, а также их компоненты нельзя считать морфемами. Дублеты по структуре выполняют функций различных членов предложения.

В морфологическом отношении повторы и звукоподражания принимают в свой состав в основном существительные, прилагательные и наречия, хотя нередки случаи, когда они выражаются и вспомогательными частями речи: *ҳа-ҳу, ҳай-ҳуй тарақ-туруқ, шалдар-шулдур* и т.д. Однако эти частицы преимущественно носят разговорный характер, они не характерны для литературного языка. Компоненты дублетов приобретают целостный смысл только в контексте.

В результате осуществленного анализа мы приходим к следующим выводам:

1. Общий смысловой компонент словарных единиц рассматриваемого языкового явления парной синонимии в сопоставляемых языках, как правило, имеет близкий и равный по значению семантический вес, и совместно с другими семами конструирует новые производные значения.
2. Полученное в результате аффиксации и словообразования значение приобретает новые семантические признаки, чем существенно способствует выработке синонимов и инвариантов.
3. По характеру семантических связей или значений рассмотренный материал ПС сопоставляемых языков можно распределить на несколько групп с различной степенью типичности.

Интенсивная аффиксация и словообразование, обнаруженные нами в ходе исследования, позволяют заключить, что они пополняют набор средств синонимии и способствует обогащению речи. На выбор и необходимость применения парных синонимов и синонимических конструкций в обоих сопоставляемых языках оказывают влияние различные факторы, к числу которых принадлежит необходимость ясной и точной формулировки мысли для эффективного осуществления процесса языковой коммуникации, требования языковой нормы, ограничения в устной и письменной речи и другие немаловажные факторы.

В таджикском языке перемещение семы из одной части речи в другую реализуется примерно такими же путями, как и в русском языке. Однако ТЯ для распространения частеречной синонимичности располагает более широким арсеналом средств (как аффиксация, так и морфологический способ образования лексем).

Показательно, что такое же путешествие из одной части речи в другую можно проделать с большинством парных синонимов, принадлежащим к различным частям речи.

Существенная особенность таджикских частеречных синонимов

заключается в их парном употреблении после перехода в другую часть речи: *зебу фар* (краса и величие)→*зебову доно* (красивый и умный)→*зебандаву шинам* (к лицу и по стати); *макру фиреб* (ложь и ложь)→*маккору фитнаангез* (лживый и провоцирующий) и др.

Основная отличительная черта парных синонимов ТЯ и РЯ в морфологическом плане скрыта именно в отличии данной функциональности, т.е. в том, что в ТЯ в роли синонимичной пары выступают близкие по смыслу и дополняющие друг друга единицы, преимущественно принадлежащие к одной части речи, а в РЯ данная функция выполняется преимущественно дуплетными парами (Волгаматушка, попрыгунья-стрекоза), в которых вторая лексема выполняет роль пояснителя и расширителя лексического значения предыдущей единицы в синонимической паре.

В сопоставляемых языках большая группа лексических единиц служит для выражения чувств и отношения людей к событиям, явлениям и другим людям. Все эти значения, в свою очередь, условно можно подразделить на положительные и отрицательные. С учетом особенностей композиционно-стилистического построения синонимичных номинаций сопоставляемых языков, мы пришли к следующим выводам:

1. Парные синонимы взаимодействуют со многими лексическими элементами структуры предложения;
2. В составе ПС обоих сопоставляемых языков вторые и последующие компоненты тесно взаимосвязаны с явлением валентности и вступают в валентностные взаимосвязи с первым – основным компонентом парного синонима;
3. По характеру своей структуры ПС русского языка отличаются от ПС таджикского языка некоторой ограниченностью функциональности;
4. Обоим сопоставляемым языкам свойственно применение различных грамматических средств для построения ПС.
5. Парные синонимы являются такими семантическими лексическими

единицами, которые имеют инвариантные значения, дополняющие и поясняющие друг друга.

6. Парные синонимы по своей структуре представляют собой номинативное, адъективное и вербальное поле, элементы которого иногда переходят друг в друга, так как обозначающие их знаки отличаются активной динамикой и способностью перехода из одной части речи в другую.

Поэтому парные синонимы являются особыми языковыми средствами структуры, обозначение которых требует номинации, адъективации, адвербализации и вербализации, так как их семантика является обязательным условием выражения концепта, в частности языкового отображения синонимии. Именно из-за своей знаковой оформленности концепты, отображающие различные степени номинаций и воздействий на объекты, складываются и получают оформленность. В связи с этим выбор знака показывает функционирование определенных композиционно-стилистических особенностей в области применения парных синонимов РЯ и ТЯ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Научная литература

1. Абдукодиров, А. Сарчашмаҳои ташаккулёбии муродифот дар эҷодиёти Камоли Хучандӣ / А. Абдукодиров, А. Давронов. – Душанбе, 1998. – 67 с.
2. Адмони, В.Г. Основы теории грамматики / В.Г. Адмони. – М.: Наука, 1964. – 105с.
3. Алламуродова, С. Дж. Структурно – семантические особенности лексических средств межфразовой связи в русском и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / С. Дж. Алламуродова. – Душанбе, 2011. – 180 с.
4. Аминов, С. Муродифоти чуфткорбурд дар повести «Одина» - и Садриддин Айни / С. Аминов. – Душанбе, 1998. – 56 с.
5. Андрианова Д. В. Устойчивые парные сочетания в чешском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / Д. В. Андрианова. – Санкт Петербург, 2013. – 339 с.
6. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367с.
7. Апресян, Ю. Д. Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян. – М., 1979. – 234 с.
8. Апресян, Ю. Д. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 213с.
9. Арнольд, И.В. Семантическая структура слов в современном английском языке и методика ее исследования (на материале существительного) / И. В. Арнольд. – Л., 1966. – 67с.
10. Арзуманов, С. Д. Забони тоҷикӣ / С. Д. Арзуманов, А Сангинов. – Душанбе, 1982. - С. 222-224.

11. Арзуманов, С.Д. Забони тоҷикӣ: учебник тадж. яз для вузов / С. Д. Арзуманов, О. Д. Джалялов. – Душанбе: Ирфон, 1969. – 415 с.
12. Артамонова, М. В. Парные именованя в древнерусском тексте : дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. В. Артамонова. Владимир, 2005. - 172 с.
13. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
14. Арутюнова, Н.Д. Метафора в языке чувств // Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1999. – 154 с.
15. Бекташ, Л. Структура и семантика редупликации в турецком и таджикском языках: дисс... канд. филол. наук: 10.02.20 / Л. Бекташ – Душанбе, 2015. – 198 с.
16. Беликов, В. И. Продуктивная модель повтора в русском языке / В. И. Беликов // Материал для обсуждения: Russian Linguistics . – 1990. С. – 34-45
17. Березин, Ф.М. Общее языкознание / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. – М.: Просвещение, Высш. шк., 1979. – 416 с.
18. Бобочонова, Д., Вахобов Т. Муқаддимаи лексикологияи забони тоҷикии адабӣ / Д. Бобочонова, Т. Вахобов. – Хучанд: Ношир, 2010. – 75 с.
19. Бондаренко, В. Т. Ответные фразеореплики в русской диалогической речи / В. Т. Бондаренко // Русский язык в школе. – М., 2004. - № 6. - С.75-77.
20. Будагов, Р.А. Сходства и несходства между родственными языками «Романский лингвистический материал» / Р. А. Будагов. 2-ое изд. – М.: Добросвет, 2004. - 280 с.
21. Булыгина, Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) . – М.: ЯРК, 1997. – С. 15 – 112.
22. Виноградов, В.В. Русский язык / В. В. Виноградов // Грамматическое учение о слове. 3 – е изд. – М.: Высшая школа, 1986. – 639 с.

23. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. — М.: Гослитиздат, 1959. — 654 с.
24. Виноградов, В.В. Проблемы русской стилистики / В. В. Виноградов. — М., 1981. — 319 с.
25. Волощенко, М.В. Реализация семантики сопоставления в сложном предложении: автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10. 02. 01/ М. В. Волощенко. — Москва, 2010. — 176 с.
26. Гайсина, Р. М. Значение и синтагматика глаголов (на материале глаголов ощущения): Пособие по спецкурсу / Р. М. Гайсина. — Уфа: Изд – о Башкир, ун – та, 1980. — 79 с.
27. Гак, В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским / В. Г. Гак. — М., 1988. — С.72-75.
28. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. — М., 1977. — 288 с.
29. Ганиева Н.Р. Семантический анализ глаголов речи микрополя «говорить» в разноструктурных языках / Н. Р. Ганиева. — Худжанд, 2002. — 120с.
30. Ганжа Р.С. Изучение глагольной семантики / Р. С. Ганджа // Русский язык в школе. — 1970. — №4. — С. 16-22.
31. Гаффоров Р. Забон ва услуби Раҳим Ҷалил / Р. Гаффоров. — Душанбе: Дониш, 1966. — 225с.
32. Гаффоров Р. Калимаҳои синонимӣ ва хусусиятҳои услубии онҳо / Р. Гаффоров // В сб.: Масъалаҳои филология. — Душанбе, 2003. — С. 35-40.
33. Гаффоров Р. Нависанда ва забон / Р. Гаффоров — Душанбе: Дониш, 1968. — С.103-117.
34. Гируцкий А.А. Общее языкознание / А. А. Гируцкий. — Минск: Гетра системс, 2001. — 303 с.
35. Глухарева Е.А. Звукоподражательные глаголы с диссонантным денотатом (Семантические особенности) / Е. А. Глухарева, И.Н. Горелов // Глагол в германских языках. — Тула, 1976. — С. 77-94.

36. Головин Б.Н. Введение в языкознание / Б. Н. Головин. 4-е изд. – М.: Высш. шк., 1983. – 231 с.
37. Голубовский, М. Слова-повторы в языке (редупликация) / М. Голубовский. – Нева, 2011. – № 7. – С. 186-193.
38. Грамматика современного русского литературного языка: под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1970. – 768 с.
39. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик /Прспект/. - Душанбе: Дониш, 1977. – С. 61-85.
40. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик // Қ.1. Фонетика ва морфология. – Душанбе: Дониш, 1985. – 306 с.
41. Давронов А.У. Синонимҳо дар «Қобуснома»-и Унсуралмаолии Кайковус / А. У. Давронов // В сб. «Актуальные вопросы методики преподавания таджикского языка в русскоязычной аудитории». – Душанбе: РТСУ, 2001, С. 77-84.
42. Данилевская Т.А. Соединительные и противительные отношения в русском сложном предложении: автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Т. А. Данилевская. – Воронеж, 2008. – 23 с.
43. Дастагули ирфон // Маҷмӯаи мақолаҳо. – Хучанд: Нури маърифат, 2010. – 225 с.
44. Друговейко С. В. Лингвистический анализ отрывка из «Слово на Фомину неделю» Епископа Кирилла Туровского / С. В. Друговейко // Историческая стилистика русского языка. – Петрозаводск, 1998. – С. 106 – 126.
45. Джабборова М.Т. Межкатегориальные связи в системе неличных форм глагола: на материале таджикского и русского языков: автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10. 02. 20 / М. Т. Джабборова . – Душанбе, 2005. – 25с.
46. Джамshedов П.Д. Семантика вида глагола в русском, таджикском и английском языках / П. Д. Джамshedов. – Душанбе, 1989. - С. 110-122.
47. Джураева С.Б. Синонимы в поэзии Абдурахмана Джами: дисс ... канд. филол. наук: 10. 02. 22 / С. Б. Джураева. – Худжанд, 2009. – 129 с.

48. Евгеньева А. П. очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII – XIX вв. / А. П. Евгеньева. – М.; Л., 1963. – 348 с.
49. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. Лексика ва морфология. – Душанбе: Маориф, 1973. – 354 с.
50. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование / Е. А. Земская. – М., 2006.-328с.
51. Зикрияев Ф.К. Сложносочиненные предложения в разносистемных языках / Ф. К. Зикрияев, Н. Раҳмонова. – Душанбе, 2013. – 96 с.
52. Золотова Г. А. Синтаксическая синонимия и культура речи /Г. А. Золотова // Актуальные проблемы культуры речи. – М.: Наука, 1970. – с. 178 – 217.
53. Искандарова Д.М. Фазовые конструкции в таджикском языке / Д. М. Искандарова – Душанбе: гос. нац унив., 1997. – 108с.
54. Искандарова Д.М. Явление и природа языковой редупликации (сопоставительный и типологический анализ) / Д. М. Искандарова //Проблемы русского языка в контексте компаративистики. – Душанбе, 2005. – С. 55-62.
55. Кабиров Ш. Мулоҳизае чанд оид ба масоили ҳамгироӣ дар забон / Ш. Кабиров // В кн. Закон «О государственном языке Республики Таджикистан» и проблемы современного таджикского языка. – Душанбе: РТСУ, 2011, с.24-27.
56. Қаландаров К. Ташаккул ва тақомули ҷумлаҳои мураккаби тоҷеӣ дар забони адабии тоҷик (асрҳои X-XIX) / Под ред. Зикриёева Ф.К. –Душанбе: Шарқи озод, 2004. 132 с.
57. Калинин А.В. Лексика русского языка / А. В. Калинин. – М., 1971. – С. 141. – 176 с.
58. Камолиддинов Б. Забон ва услуби Ҳаким Карим / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 186с.
59. Камолиддинов Б. Масъалаҳои баҳсноки наҳви забони тоҷикӣ / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Деваштич, 2003. – 133 с.

60. Камолиддинов Б. Синтаксическая синонимия в современном таджикском литературном языке / Б. Камолиддинов. – Душанбе, 2012. – 285с.
61. Каримова С. О. Структурные и языковые особенности текстов СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 22 / С. Каримова — Худжанд, 2005. — 22с.
62. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М., 1988. – 309 с.
63. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М: Едиториал УРСС, 2011. – 116 с.
64. Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики / В. Б. Касевич. – М.: Наука, 1977. – 177с.
65. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевые мышления. Л.: Наука, 1972. – 213 с.
66. Киселев А. Е. Лексическое повторение как грамматическое средство русского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01/ А. Е. Киселев. – М., 1954. – С. 4-5.
67. Кобзева И.М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобзева – М., 2000. – 352с.
68. Кодухов В.И. Введение в языкознание / В. И. Кодухов – М.: Просвещение, 1979. – 351 с.
69. Колесов В. В. Принцип парного соединения близкозначных слов в древнерусских литературных текстах / В. В. Колесов // Исследования по истории и диалектологии русского языка: межвуз. сб. – Алма – Ата, 1990 а. – С. 3 -11.
70. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – М.: «КомКнига» УРСС, 2005. - 231 с.
71. Кононенко В. И. Синонимика синтаксических конструкций в современном русском языке / В. И. Кононенко. – Киев: Наукова думка, 1970. – 143 с.

72. Кузнецова Э.В. Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов: автореф. дисс... д-ра филол. наук: 10. 02. 01 / Э. В. Кузнецова. – Свердловск, 1974. – 28с.
73. Лейчик В.М. Термины-синонимы, дублеты, эквиваленты, варианты / В. М. Лейчик // Актуальные проблем лексикологии и словообразования. – Вып.2. – Новосибирск, 1973. – С.103-106.
74. Лексическая синонимия: Сб. статей. М., 1967. – С. 16-20.
75. Лекант П.А. Современный русский язык / П. А. Лекант, Е. В. Клобуков. – М.: Дрофа, 2001 - С. 297-307.
76. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М., 1979 а. – 352 с.
77. Маслов Ю.С. Введение в языкознание / Ю. С. Маслов. – М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.
78. Маслов Ю.С. Вопросы сопоставительной аспектологии / Ю. С. Маслов. – М.: ЛГУ, 1978. – 195 с.
79. Маъсумӣ Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии ҳозираи тоҷик / Н. Маъсумӣ . – Сталинобод, 1959. – 229 с.
80. Мещанинов И.И. Общее языкознание. К проблеме стабильности в развитии строя предложения / И. И. Мещанинов // Проблемы развития языка. Л.: Наука, 1975. – С. 11 – 292.
81. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1978. – 387 с.
82. Мирзоева М.М. Муродифоти фразеологии повести «Ятим»-и С.Айнӣ ва ифодаи онҳо дар тарҷума / М. М. Мирзоева // В сб. «Закон «О государственном языке Республики Таджикистан» и «проблемы современного таджикского языка». – Душанбе: РТСУ, 2011, с.60-66.
83. Мошеев И.Б. Сопоставительная типология русского и таджикского языков / И. Б. Мошеев. – Душанбе, 1991. – С.181-194.

84. Мухтори К. Лексико - стилистические особенности творчества Рудаки / К. Мухтори // В сб. «Актуальные вопросы филологии». – Душанбе: РТСУ, с.56-68.
85. Мухторов З. Мистическая лексика газелей «Саной» / З. Мухторов. – Душанбе: Умо, 2001. – 128 с.
86. Мухаммадиев М. Очеркҳо оид ба лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик / М. Мухаммадиев. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 64 с.
87. Мухаммадиев М. Синонимҳо дар забони адабии тоҷик / М. Мухаммадиев. – Душанбе, 1962. – 234 с.
88. Мухаммадиев М. Силсилаи синонимӣ ва хусусиятҳои услубии синонимҳо / М. Мухаммадиев. – Душанбе, 1974. – 167 с.
89. Мухаммадиев М. Луғати синонимҳои забони тоҷикӣ / М. Мухаммадиев. – Душанбе, 1975. – 278 с.
90. Насриддинов А. Муродифоти асли ва бадеии калимаҳо / А. Насриддинов // В сб. «Масъалаҳои филология». – Душанбе, 1998. – с.80-104.
91. Ниёзмухаммадов Б. Баъзе масъалаҳои забони адабии ҳозираи тоҷик / Б. Ниёзмухаммадов. – Душанбе: Ирфон, 1965. – С. 92.
92. Николаева С. В. Парные сочетания в древнеславянской книжности (на материале произведений Климента Охридского и Кирилла Туровского) / С. В. Николаева // Чтения, посвященные дням славянской письменности и литературы: материалы регион. науч. конф. – Чебоксары, 2003. – С. 25 – 29.
93. Ниёзмухаммадов Б. Забони адабии ҳозираи тоҷик / Б. Ниёзмухаммадов. – Душанбе, 1973. – 265 с.
94. Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.; Л., 1966. – 225 с.
95. Поливанов Е.Д. Избранные работы / Е. Д. Поливанов // Труды по восточному и общему языкознанию. – М.: Наука, 1991. – 622 с.
96. Потенба А.А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потенба. Т.1. – М.: Л., 1942. – 320 с.

97. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. В 3-х томах. Т.3. – М., 1968. – 551 с.
98. Распопов И.П. Вариативность синтаксических конструкций и коммуникативных единиц языка / И. П. Распопов // Филологические науки. – 1962. – №4. – С.198-202.
99. Расторгуева В.С. Сравнительно-историческая фонология грамматики западно-иранских языков / В. С. Расторгуева. – М.: Наука, 1990. - 253 с.
100. Расторгуева В.С. Очерки по грамматике таджикского языка / В. С. Расторгуева // Изд-во Академии наук Тадж. ССР. – Сталинабад, 1953 – С. 48.
101. Расторгуева В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка / В. С. Расторгуева // В кн.: таджикско-русский словарь (под ред. М.В.Рахими и Л.В.Успенской). – М., 1954 – С. 535-536.
102. Рахимбекова, Л. Ш. Повторы и их функции в современном китайском языке : дис.... канд. филол. наук: 10.02.22/ Рахимбекова Лола Шаймерденовна. – Москва, 1999. – 219 с.
103. Реформатский А.А. Введение в языкознание: классич. Учебник / А. А. Реформатский. – М.: Аспект пресс, 2001. – 535 с.
104. Розенфельд А.З. Глагол (таджикского языка) / А. З. Розенфельд. – Сталинабад, 1954. – 198 с.
105. Русская грамматика: В 2-х т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. – М., 1989.- С. 583-613.
106. Рустамов М. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик / М. Рустамов, Р. Ғаффаров. – Душанбе: Дониш, 1985. – 284с.
107. Рустамов Ш. Имя существительное в современном таджикском литературном языке: автореф.дисс....д-ра филол. наук: 10. 02. 22 / Ш. Рустамов. – Душанбе, 1972. 35 с.
108. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М., 1993. – С. 259-265.

109. Сиёев Б. Мухтасоти истифодаи муродифоти чуфтистеъмом дар асари «Таърихи Бадахшон» / Б. Сиёев. – Душанбе, 2001. – С. 28-30.
110. Синонимы русского языка и их особенности. Л., 1972. – 132 с.
111. Станишева Д.С. К вопросу о вариантах синтаксических единиц / Д. С. Станишева // Науч. докл. высшей школы: Филологические науки. – 1964. – №1. – С. 188-193.
112. Степанова М.Д. Проблемы теории валентности в современной лингвистике / М. Д. Степанова // ИЯШ. – 1973. – № 6 – С. 12-22.
113. Солженицын А. И. Русский словарь языкового расширения / А. И. Солженицын. – 3-е изд., М.: Русский путь, 2000. – 280с.
114. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 653с.
115. Тихонов А.И. Части речи / А. И. Тихонов. – Л., 1963. – С. 101-227.
116. Трубачева Н.В. Синонимия бессоюзных сложных и простых предложений в совр. русском языке: автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Н. В. Трубачева. – Таганрог, 2009. – 23с.
117. Хаймович Б.С. Теоретическая грам. англ. яз. / Б. С. Хаймович, Б.И. Роговская. – М., 1967. – С. 86-92.
118. Ҳалимов С. Дар «Шохнома» офтоб якто нест / С. Ҳалимов // В сб. «Масъалаҳои филология». – Душанбе, 2003. – С.121-130.
119. Ҳикматуллоев. Н. Семантико – стилистические особенности лексических синонимов в трилогии Джалола Икромии «Двенадцать ворот Бухары»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10. 02. 22 / Н. Ҳикматуллоев. – Душанбе, 1995. – 25 с.
120. Ҳошимов. С. Хусусиятҳои луғавии муродифот дар «Гулистон»-и Саъдии Шерозӣ / С. Ҳошимов. – Душанбе, 1978. – 275с.
121. Ҳусейнов Ҳ. Оид ба забони персонажҳои “Одина” - и С. Айни / Ҳ. Ҳусейнов. – Душанбе, 1967. – С. 43-60.
122. Черняк В. Д. Синонимия в русском языке: Учебное пособие для студентов вузов / В. Д. Черняк. — М.: Изд. центр «Академия», 2010. – 125 с.

123. Чамшедова Л.П. Рочъ ба таркиби луғавии воҳидҳои чуфтқорбурди синонимӣ ва ҳаммаъно / Л. П. Чамшедова // В сб.: Актуальные вопросы филологии. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С. 350-354.
124. Чӯразода Ш. Хусусиятҳои семантикии «Маснавии маънавӣ»-и Чалолиддини Румӣ / Ш. Чӯразода . – Душанбе, 1989. – 211с.
125. Шарипова З. М. Семантико – структурный анализ фразеологических единиц таджикского, арабского и русского языков: дисс.. канд. филол. наук: 10. 02. 20 / З. М. Шарипова. – Душанбе, 2011. - 170 с.
126. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка / А. А. Шахматов. – М., 1941. – 620 с.
127. Шахматов А.А. Учение о частях речи / А. А. Шахматов. – Л., 1962. – С. 420-424.
128. Шендельс Е.И. Понятие грамматической синонимии / Е. И. Шендельс // Науч. Докл. высшей школы: Филологические науки, – 1959. –№1. – С.68-81.
129. Шендельс Е.И. Синтаксические варианты / Е. И. Шендельс // Науч. докл. высшей школы: Филологические науки. – 1962. – №1. – С. 8-18.
130. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. – М.,1977. – 127 с.
131. Шмелев Д.Н. К вопросу временной и пространственной валентности / Д. Н. Шмелев. – М., 1973. – 72 с.
132. Шодиев Б. Г. Лексико – фразеологические особенности очерков и рассказов Мутеулло Наджмиддинова : дис... канд. филол. наук : 10.02.22 / Б. Г. Шодиев. – Душанбе, 2012. – 170 с.
133. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
134. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку/ Л. В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188с.
135. Ярцева В.Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков / В. Н. Ярцева // Проблемы языкознания. – М., 1967. – С. 203-207.

II. Художественная литература

136. Айнӣ С. Ёддоштҳо (чаҳор қисм). Иборат аз як китоб. Душанбе: Сарредаксияи илмии Энциклопедияи Миллии Тоҷик, 2009. - 680 с.
137. Айнӣ С. Бухара. (Воспоминания). В 2-х кн. / пер. с тадж. С. Бородина. Отв. ред. и авт. предис. К. С. Айнӣ: кн. 1 – Душанбе: Ирфон, 1980. – 260 с.
138. Айнӣ С. Ятим. – Сталинобод, 1957.
139. Айнӣ С. Ятим (на рус.яз.). – Душанбе, 1974.
140. Абулқосим Лоҳутӣ. Ашъори мунтахаб / Лоҳутӣ А. – Душанбе, 1982. с.42.
141. Джеймс Риз. Книга колдовства. – М.-Л., 2010. – 544с.
142. Осори Рӯдакӣ. – Сталинобод, 1958. – 485 с.
143. Русские народные сказки. – М., 1982. – 213с.
144. Умари Хайём. Рубоиёт.–Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2010. – 99с.
145. 1000 мисраи Рӯдакӣ. Бо кӯшиши Расул Ҳодизода ва Ансор Афсаҳов. – Душанбе, 1984. – С. 25-33.
146. Улугзаде С. Утро нашей юности / С. Улугзаде. – Душанбе, 1986. – с.18.
147. Ҳаким Карим. Оқшуда / К. Ҳаким. – Душанбе, 1965.
148. Шерали Лоик. 101 газал / Л. Шерали. – Душанбе, 2009. – 103 с
149. Цветаева М. Избранное / М. Цветаева. – Т.2, – М., 1981. – 323с.

III. Словари

150. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова / Советская энциклопедия. – М., 1966. -606с.
151. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – М., 1989. – 568 с.
152. Алефиренко Н. Фразеологический словарь / Н. Алефиренко // Культурно – познавательное пространство русской идиоматики. – М.: Элпис, 2008. –472 с.

153. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 612с.
154. Вартаньян, Э. А. Словарь крылатых слов и выражений / Э. А. Вартаньян. – М. : Рус. слово, 2001. – 414 с.
155. Горбачевич К. Русский синонимический словарь / К. Горбачевич. – СПб, 1992. – 365с.
156. Жуков В. П. Толковый словарь фразеологических синонимов русского языка / В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров. – М.:АСТ, 2005. – 448 с.
157. Клюева В. Н. Краткий словарь синонимов русского языка / В. Н. Клюева. – 2-е изд. – М., 1961. – 278 с.
158. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. 22-е изд. – М: Русский язык, 1990. – 876 с.
159. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. - 26-е изд., испр. и доп. - М. : ОНИКС : Мир и Образование, 2010. - 1360 с.
160. Рахими М.В. Таджикско-русский словарь / М.В Рахими, Л.В. Успенская - Москва, 1954. – 675 с.
161. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка / А. Н. Тихонов: в 2т. 3-е изд., испр. и доп. – М.:АСТ: Астрель, 2008. – 564 с.
162. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л.,1970—1971. – 324 с.
163. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 632.
164. Современный словарь иностранных слов. 3-е изд., стер. — М.:Рус.яз., 2000. – 742 с.
165. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Москва: Сов. энциклопедия, 1969, тт. 1-2.
166. Фарҳанги мухтасари «Шохнома» (Краткий словарь «Шахнаме»). -

- Душанбе: Адиб, 1992. – 496 с.
167. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ – таҷикско-русский словарь. – Душанбе, 2004. – 564 с.
168. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – Москва. "Прогресс". 1986, тт. 1-4.
169. Фозилов М. Ф. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик / М. Ф. Фозилов. – Душанбе, 1963. ҷ. 1. – 952с; ҷ.2. – 802 с.

Интернет-ресурсы:

170. <http://ru.wikisource.org/wiki/>
171. <http://slovar.nashol.com/search.html?searchword>
172. <https://ru.wikipedia.org/wiki>
173. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/402563>
174. <http://pervodcheskiy.academic.ru/582>
175. <http://lit.1september.ru>
176. <http://rus.1september.ru>
177. <http://www.philology.ru>
178. <http://rusgram.narod.ru>
179. <http://www.lingva.ru>

ПРИЛОЖЕНИЕ

РУССКО-ТАДЖИКСКИЙ СЛОВАРЬ ПАРНЫХ СИНОНИМОВ

1. Беззаконие - грех
2. Благоженный и преподобный
3. Боязнь и трепеть
4. Бури и волны
5. Богатство и имение
6. Богатый и убогий ант.
7. Болезни и недуги

8. Варитва и печитва
9. Великолепный и велиозарный
10. Великий и славный
11. Власть и держава
12. Власть и княжение
13. Возвысить и возвеличить
14. Выть и реветь
15. Вера и упование

16. Горе и печаль

17. Дивно и чудно
18. Дружки - приятели
19. Доброта и величество
20. Душевный и сердечный
21. Дым и пепел

22. Злой и лютый

23. Крепкий и твёрдый
24. Крепок и силён

25. Ложь и кливита
26. Лукавый и злой
27. Лепота и красота

28. Мир и любовь
29. место и жилище
30. Моление и прошение
31. Мудрый и разумный
32. Мужественно и храбро

33. Народ и люди
34. Нежданно - негаданно
35. Ненавидя и презря
36. Неслушанье и непокаянье
37. Нищий и убогий

38. Печаль- скорбь
39. Печаль – туга
40. Печаль - кручина
41. Плачь и вопль/ стенание
42. Плачь и рыдание
43. Плачевный и печальный
44. Постыдиться – посрамиться
45. Правда - истина

46. Радоваться и веселиться
47. Радостно и весело
48. Радость и веселье
49. Разум и мудрость
50. Рыть и копать

51. Сильный и всемогущий
52. Скорбь и мука
53. Слава и хвала
54. Страх и трепет
55. Стыд и срам
56. Смирение и покорение
57. Страх и боязнь
58. Страх и ужас

59. Тихо - смирно

60.Томление и мука

61.Тьма и мрак

62.Туга и тоска

63.Убийство и кровопролитие

64.Убояться и утрашиться

65.Упование и надежда

66.Учитель и наставник

67.Худо – бедно

68.Честный и славный

69.Честь и слава

70.Честь и хвала

71.Чтить и любить -

72.Ярость и гнев

ТАДЖИКСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ ПАРНЫХ СИНОНИМОВ

А

Абру борон - туча и дождь

Абра- астар – лицевая и изнаночная сторона ткани

Авлоду ачдод – предки и поколения

Адлу инсоф – споаведливость и совесть

Адабу таълим – поведение и обучение

Адиру теппахо – возвышенности и высоты

Азизу меҳрубон – дорогой и заботливый

Азиму тавоно – великий и могучий

Азобу укубат – мучения и страдания
Айбу ачоиб (кардан) – пристыдить
Айшу ишрат – нега и сластолюбие
Акаву додар – брат и баратик
Ақиқу лолагун – красный
Ақлу тамиз – ум и воспитанность
Ақлу хуш – ум и сознание
Ақлу инсоф – ум и совесть
Алифу лом (перен.) – в значении «грамотность»
Арабу Ачам – восточные страны (арабоязычные и персоязычные)
Арзу тұл – (геогр.) широта и долгота
Арзу дод - жалоба
Асбобу анчом – инструменты, инвентарь
Аслу насаб – происхождение
Асиру нотавон – плененный и немощный
Атру упо - косметика
Афту андом - внешность
Афту башара (эмот.) – отталкивающая внешность
Ахду вафо – обещания и верность
Аъёну ашроф – аристократы

Б

Базму тараб – праздник и пиршество
Базму тамошо – праздник, представление
Балову батар – несчастья и невзгоды
Бахту саодат – счастье
Бахру бар – пространство
Баҳсу мунозира – споры и разногласия
Белу каланд – лопата и кетмень (в знач. инструменты)

Бемору бемадор – больной и немощный
Беному нишон – бесследно
Бечуну чаро – без всяких сомнений
Боғу бӯстон – сады и цветники
Болу пар (баровардан) – крылья, (перенос.знач.) быть окрыленным
Бою бадавлат – богатый
Будубош – проживание
Бӯсу канор – поцелуи и объятия

В

Вақту соат - время
Ваҳму ҳарос - страх
Волаю шайдо – влюбленный и очарованный

Г

Гапу гапча – разговоры и разговорчики
Гарду губор – пыль
Гарму нарм – теплый и мягкий
Гиряву нола – плач и стон
Гулу сунбул – цветы

Ғ

Ғайраву ҳоказо – и так далее, тому подобное, прочее
Ғаму андуҳ – скорбь и печаль

Д

Даму дуо дыхание и молитва (перенос.знач.) – положительное воздействие
Даму нафас – дыхание (перенос.знач.) – воздействие
Дасту панча –руки и пальцы (перенос.знач.) – умение
Дашту биёбон – пустыня
Дорую дармон – лекарство и лечение
Дурру гуҳар – самоцветы

Ё

Ёру дуст – близкие и друзья
Ёру рафик – друзья и товарищи
Ёфту тофт – все нажитое

Ж

Жожу мож – околесица, ложь

З

Задану кӯфтан – бить
Зану фарзанд – жена и дети, семья
Зулму ситам – насилие и произвол
Зӯру тавон – сила и мощь

И

Иззату икром – уважение и почет
Иззату хурмат – почет и уважение
Илму дониш – наука и знание
Илму маърифат – наука и образование
Инсу чинс – (перен. редупл.) – человек и нечеловек

К

Кайфу сафо –отдых и развлечение
Касбу хунар – профессия, род занятий
Кибру ғурур – гордыня, зазнайство
Кинаву адоват - враждебность
Коғазу қалам – бумага и карандаш (в знач. инструменты)
Кӯрпаву болишт – спальные принадлежности

Қ

Қазову қадар – судьба

Қаламу дафтар – карандаш и тетрадь

Қанду набот - сладости

Қахру ғазаб – злость и ярость

Қилу қол – (перен.) – недостатки

Қошу абрӯ – брови

Л

Лабу лунҷ – губы и щеки (перенос.знач.) – вид, облик

Лаку Пак – имена героев тадж. Народного юмора (перенос.знач.) –простаки

Лату кӯб – побои, истязания

М

Майлу рағбат – влечение и желание

Марзу бум – границы

Масту аласт – сильно пьяный человек

Молу амвол – имущество

Молу кол – живность, домашний скот

Молу мулк – имущество

Муроду мақсад – мечты и надежды

Мушку анбар – благовония

Н

Назру ниёз – желание, цель

Нангу номус – честь и достоинство

Наслу насаб – род и племя

Нолаю афғон – мольбы и стоны

Нону намак – хлеб и соль (перенос.знач.) – забота, гостеприимство

Нуру сафо – благодать

О

Обрӯю эътибор – авторитет

Обу дон – достаток

Обу ободӣ – благоустройство

Обу ҳаво – погода

Одаму одамгарӣ – человечность

Одаму олам – в знач. путешествия, поездки

Одобу ахлоқ – поведение

Орзую омол – мечты и надежды

П

Р

Рагу пай – жилы и вены

Рагу пайванд – суставы, члены тела

Рамзу киноя – иносказание

Рангу бор – раскраска

Рангу бўй – цвет и запах

Расму русум – обычаи и традиции

Рафтору кирдор – поведение

Раҳму шафкат – милосердие

Раъду барқ – гром и молния

Ривочу равнақ – развитие и продвижение

Ришу фаш – (перенос. отриц.знач.) – многоволосый человек

Розу ниёз – секреты и откровения

Роҳу равиш – путь и направление

С

Сабру таҳаммул – терпение

Сабру тоқат – терпение

Савобу самара – благо и польза

Садову симо – радио и телевидение

Сарфаю сариштакорӣ – экономность, рачительность

Сарунӯг – порядок, организованность

Сарусомон – порядок

Симу зар – серебро и золото (перенос.знач.) – богатство

Сиру савдо – секреты

Созу наво – мелодия и мотив

Т

Табу тоб - беспокойство

Талаю тороч (кардан) – разграбить, разломать

Тангаю тилло – монеты и золото

Тану тӯш – тело (перенос.знач.) – большие габариты

Тартибу интизом – порядок и дисциплина

Тару тоза – свежий, чистый

Тинчию оромӣ – тишина и покой

Тиру камон – стрелы и лук (перенос. знач.) радуга

Тиру туфанг – стрелы и пули

Тӯю тамошо – свадьба

Титу пит – разбросанный, беспорядочный

У

Урфу одат – традиции и обычаи

Уду чанг – названия музыкальных инструментов

Ф

Файзу барака – благоденствие и изобилие

Фахму фаросат – понимание и осознание

Фикру ақида – мысль и мнение

Фикру андеша – мысль и мышление

Фикру хаёл – мысли и мечты

Х

Хавфу хатар – опасность

Хату савод - грамотность

Хешу акрабо – родственники и близкие

Хобу хаёл – сны и мечты (перенос.знач.) несбыточные мечты

Хулку атвор – поведение, повадки

Ҳ

Ҳилаю найранг (кардан) – вилять, выкручиваться, обманывать

Ҳисобу китоб - подсчет

Ҳолу ахвол – состояние, положение

Ҳурмату эҳтиром – уважение

Ҳусну кубҳ – достоинства и недостатки

Ҳусну чамол - красота

Ҳушу ёд - внимание

Ч

Чангу ғубор - пыль

Чашму абрӯй – глаза и брови

Чизу чора - имущество

Чораю тадбир – выход, мера

Ч

Чабру ситам – притеснение

Чангу чидол – скандал, конфликт

Чисму чон – тело и душа

Чону чигар – родной человек

Ш

Шарму хаё – стыд и срам

Шаъну шараф - слава

Шикастурехт – строительные расходы

Ширу шакар – поэтический стиль смешанных стихов

Шукуху шахомат - величие

Шӯхию бозй – шутка и игра

Я

Яроку аслиҳа – оружие и оснастка